СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LII, № 6.

ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1891 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

«Пѣснь о Нибелунгахъ съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средневерхненѣмецкаго размѣромъ подлинника перевелъ М. И. Кудряшевъ. Спб. 1890 г.». Разборъ профессора Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникова..... 2

«Трагедіи Шекспира: «Антонія и Клеопатра» и «Ричардъ II» въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго. Разборъ П. И. Вейнберга». 36

Комедія Мольера «Школа женъ», въ переводѣ В. С. Лихачева. Разборъ Ѳ. Д. Батюшкова..... 77

«Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина. Спб. 1889, два тома». Разборъ Алексѣя Николаевича Веселовскаго..... 101

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1891_52_6

ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1890 года предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, вице-президентомъ Академіи Я. К. Гротомъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ текущемъ году представлено было семь трудовъ, въ томъ числѣ три стихотворные перевода произведеній нѣмецкой, англійской и французской литературъ. Одно изъ сочиненій, признанное не подходящимъ подъ правила о пушкинскихъ преміяхъ, было изъято изъ конкурса, другое разсмотрѣно въ средѣ самаго Отдѣленія. Затѣмъ, къ участію въ оцѣнкѣ остальныхъ пяти трудовъ приглашены были сторонніе ученые и литераторы, именно: Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, Алексѣй Никол. Веселовскій, А. И. Кирпичниковъ и Н. И. Стороженко.

По полученіи въ назначенный срокъ составленныхъ ими рецензій, образована была, согласно съ правилами о пушкинскихъ преміяхъ, комиссія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ 5-ти членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и слѣдующихъ приглашенныхъ имъ лицъ: Ѳ. Д. Батюшкова, П. И. Вейнберга, графа А. А. Голенищева-Кутузова, Я. П. Полонскаго и А. Н. Пыпина.

На основаніи прочитанныхъ въ комиссіи рецензій и послѣдовавшихъ затѣмъ совѣщаній удостоены половинныхъ премій въ 500 рублей: М. И. Кудряшевъ, переводчикъ пѣсни о Нибелунгахъ, и Д. Л. Михаловскій, переводчикъ двухъ трагедій Шек-

спира; В. С. Лихачеву, переводчику Мольера, присуждена поощрительная премія въ 300 рублей, наконецъ А. И. Шляпкинъ, издатель сочиненій Грибоѣдова, признанъ заслуживающимъ почетнаго отзыва.

Послужившія основаніемъ для этихъ заключеній рецензіи приводятся здѣсь въ полномъ видѣ.

I.

«Пѣснь о Нибелунгахъ съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средневерхненѣмецкаго размѣромъ подлинника перевелъ М. И. Кудряшевъ. Спб. 1890 г.». Разборъ профессора Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникова.

Въ исторіи литературы каждаго народа переводы классическихъ произведеній другихъ странъ играютъ часто такую же важную роль, какъ и появленіе оригинальныхъ крупныхъ и вліятельныхъ произведеній. Относительно новой, христіанской Европы можно выразиться еще сильнѣе: можно сказать, что послѣднія находятся обыкновенно въ зависимости отъ первыхъ. Уже въ средневѣковой Германіи придворный эпосъ эпохи Гогенштауфеновъ могъ возникнуть только послѣ появленія переводовъ французскихъ поэмъ и романовъ. Эпохѣ Шекспира и Бенъ-Джонсона предшествуетъ масса переводовъ съ латинскаго и съ итальянскаго; Корнелю и Мольеру — переводы съ испанскаго, какъ развитію испанскаго театра, въ свою очередь — многочисленные переводы классиковъ и итальянцевъ, и развитію французской романтической драмы — переводы Шекспира и нѣмцевъ. Если мы возьмемъ любой систематическій каталогъ старыхъ нѣмецкихъ книгъ, мы убѣдимся, что разцвѣту нѣмецкой литературы во второй половинѣ XVIII вѣка предшествовало появленіе сперва плохихъ, а потомъ хорошихъ переводовъ классиковъ, Сервантеса, Шекспира и т. д.

Очевидно, здѣсь связь не только по времени; дѣло не въ томъ вліяніи, какое эти переводы оказываютъ на литературныхъ

корифеевъ: въ новой Европѣ послѣдніе бываютъ обыкновенно настолько образованны, что въ состояніи читать и оригиналы;— но въ томъ, что переводы подготовляютъ для корифеевъ публику, которая столь же необходима для появленія крупнаго, выдающагося произведенія, какъ и «геній» писателя. Пускай Гёте запирается отъ публики въ маленькомъ Веймарѣ; пускай увѣряетъ онъ, что

Was glänzt, ist für den Augenblick geboren
Das Aechte bleibt der Nachwelt unverloren.

Извѣстно, что его цезарева тога не смогла защитить его отъ ударовъ маленькихъ Брутовъ и Кассіевъ, и что онъ волей-неволей всегда подчинялся давленію столь презираемой имъ толпы. Тотъ же Гёте не разъ высказывалъ (въ перепискѣ съ Шиллеромъ и съ др.) свое убѣжденіе, что нѣмецкая публика тогда будетъ способна отличать пшеницу отъ плевелъ, когда подготовится хорошими переводами классическихъ произведеній.

Исторія новой русской литературы яснѣй всякой другой показываетъ значеніе переводовъ. Она начинается въ эпоху преобразованія переводами; она въ концѣ XVIII вѣка становится дѣйствительно выразительницей общественной жизни и мысли подъ вліяніемъ массы переводовъ и подражаній; романтизмъ оживляетъ и расширяетъ ее именно тѣмъ, что обогащаетъ ее переводами лучшихъ произведеній всѣхъ вѣковъ и народовъ. Наконецъ въ наши дни, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ едва ли не переводы Шекспира, Гёте, Шиллера, Гейне спасли и нашу литературу и самое общество отъ одичанія и притупленія эстетическихъ инстинктовъ.

Перевода Нибелунговъ русская публика ожидала чрезвычайно долго. Уже съ 40-хъ годовъ эта великая эпопея становится извѣстной всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ по хорошимъ журнальнымъ статьямъ. Съ 60-хъ гг. о ней уже толкуютъ гимназистамъ учителя словесности, и довольно крупный ея отрывокъ помѣщается въ распространеннѣйшей хрестоматіи

Галахова. Болѣе обширная и несравненно болѣе трудная комедія Данта имѣла у насъ уже 4 (хотя три неполныхъ) перевода; даже Пѣснь о Роландѣ была переведена два раза (прекрасное изложеніе съ большими отрывками въ извѣстной статьѣ Ѳ. И. Буслаева можно смѣло считать за переводъ и даже лучшій переводъ, чѣмъ стихотворный — Б. Алмазова); содержаніе Нибелунговъ излагалось неисчислимое количество разъ, и незнаніемъ ихъ стыдили такъ же, какъ незнаніемъ Иліады; а перевода, даже прозаическаго, даже съ новонѣмецкаго, все еще не было.

Онъ явился только теперь; за то онъ сдѣланъ спеціалистомъ, съ оригинала, размѣромъ подлинника и обставленъ очень хорошимъ ученымъ аппаратомъ.

Введеніе, которое г. Кудряшевъ предпосылаетъ переводу, занимаетъ 139 страницъ и раздѣляется на 8 главъ. Первую изъ нихъ «Исторія текста» авторъ начинаетъ съ перечисленія рукописей и отрывковъ; онъ дѣлитъ ихъ на двѣ извѣстныя группы: *liet* и *nôt* (вульгата) и вторую группу—на три подгруппы: первая на 80 строфъ короче длиннаго текста C, вторая, въ которой находится и рп. B, короче его на 20 строфъ; третья — рп. A короче B на 63 строфы. Затѣмъ авторъ перечисляетъ изданія, которыми онъ пользовался, разсказываетъ исторію поэмы въ новое время и приводитъ по книгѣ Muth'a [1]) длинный рядъ новѣйшихъ поэтическихъ произведеній, содержаніе которыхъ взято изъ этой поэмы.

Въ главѣ II («Библіографія») авторъ по той же книгѣ Muth'a даетъ библіографію Нибелунговъ, но пополняетъ ее статьями, появившимися послѣ 1877 г., и имъ самимъ составленной русской библіографіей.

Въ гл. III («о задачѣ переводчика») г. Кудряшевъ говоритъ: «Мы имѣли цѣлію передать поэму на русскій языкъ возможно ближе, строчка въ строчку, ничего не прибавляя, не убавляя и не измѣняя размѣра оригинала». Онъ очень опредѣленно высказы-

[1]) Einleitung in das Nibelungenlied von Richard von Muth. Paderborn. 1877.

вается противъ манеры нѣкоторыхъ переводчиковъ подновлять оригиналъ и приспособлять его ко вкусамъ современниковъ.

Въ гл. IV (стр. 25—73) г. Кудряшевъ пересказываетъ содержаніе поэмы, при чемъ первыя авантюры излагаетъ весьма кратко, а послѣднія значительно подробнѣе.

Въ V гл. («Другія версіи сказанія о Нибелунгахъ») авторъ перечисляетъ 14 такихъ версій; на стр. 75—84 онъ пересказываетъ преданіе по Эддамъ и Вельсунга-сагѣ, а затѣмъ сообщаетъ нѣсколько мѣстныхъ легендъ, имѣющихъ отношеніе къ Нибелунгамъ.

Въ VI гл. («Вопросъ о происхожденіи поэмы») г. Кудряшевъ главнымъ образомъ останавливается на мнѣніи Лахмана и его послѣдователей съ одной стороны и на мнѣніи Пфейфера и Барча съ другой; онъ очень опредѣленно и съ глубокимъ убѣжденіемъ высказывается какъ противъ основного принципа Лахмана, такъ и противъ тѣхъ критическихъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ Лахманъ надѣется выдѣлить первоначальныя пѣсни изъ рп. A; эти пріемы г. Кудряшевъ признаетъ ошибочными и произвольными. Но онъ не соглашается также ни съ мнѣніемъ Гольцмана (стр. 109 и слѣд.), ни съ мнѣніемъ Пфейфера-Барча; хотя онъ не считаетъ невозможнымъ предположеніе объ авторствѣ Кюренберга [1]), но очень сочувственно говоритъ о критикѣ Германа Пауля на гипотезу Барча и раздѣляетъ его общее положеніе, что лучше сказать: «не знаю», чѣмъ выдавать за фактъ плохо обоснованное предположеніе. Сказавъ о нѣкоторыхъ новыхъ работахъ послѣдователей Лахмана (Вильманса, Рёдигера, Henning'a и Кетнера), къ выводамъ и предположеніямъ которыхъ г. Кудряшевъ относится не сочувственно, онъ въ заключеніе предлагаетъ «ждать новыхъ рукописныхъ нахо-

---

[1]) На стр. 113 онъ говоритъ: «Если допустить, что авторомъ строфъ, приписываемыхъ Кюренбергу, былъ дѣйствительно Кюренбергъ, и если правда, что въ XII в. заимствованіе размѣра однимъ поэтомъ у другого считалось дѣломъ зазорнымъ, какъ литературное воровство, тогда предположеніе, что Кюренбергъ—авторъ «Пѣсни о Нибелунгахъ» становится вѣроятнымъ» и т. д.

докъ, которыя, быть можетъ, прольютъ свѣтъ на происхожденіе поэмы, открывъ и имя ея автора, и время ея написанія, и ея родину[1]). Пока же, сводя къ одному всѣ мнѣнія, можно сказать, что поэма сформировалась въ періодъ времени отъ 1120 до 1210 въ Австріи или Тиролѣ».

Въ слѣдующей VII главѣ г. Кудряшевъ разбираетъ «Историческій и миѳологическій элементы въ сагѣ о Нибелунгахъ». Онъ относится несочувственно къ миѳологическому объясненію основы поэмы, такъ же какъ и къ безпримѣсному эвгемеризму Гизебрехта и др. На стр. 126 и слѣд. онъ излагаетъ дѣйствительную историческую основу Нибелунговъ (2-ой ихъ части) и въ заключеніе отказывается «произвести литературно-химическій анализъ» сказанія «за неимѣніемъ реактивовъ» (стр. 131).

Въ послѣдней (VIII) главѣ введенія: «художественное значеніе Нибелунговъ» г. Кудряшевъ сравниваетъ Нибелунги съ Гомеромъ и Освобожденнымъ Іерусалимомъ и приводитъ отзывы Карлейля, Ревиля и нѣсколькихъ нѣмецкихъ критиковъ. Чтобы далѣе сосредоточить все вниманіе на переводѣ г. Кудряшева, укажу теперь же на нѣкоторые частные недостатки и недосмотры въ его прекрасномъ и вполнѣ подготовляющемъ къ чтенію поэмы введеніи.

Авторъ довольно часто ссылается на литографированный курсъ лекцій профессора и академика А. Н. Веселовскаго, который самъ же онъ называетъ «библіографической рѣдкостью» (см. предисловіе «отъ переводчика»); едва ли это удобно для критики и назидательно для читателей; изъ такихъ мало кому доступныхъ пособій или слѣдуетъ приводить цитаты дословно, или положенія ихъ надо брать на свою отвѣтственность.

Въ исторіи вопроса о Нибелунгахъ совсѣмъ пропущенъ Царнке (хотя и поминаются ученики его), роль котораго въ низ-

---

[1]) Выше (стр. 110) онъ высказываетъ свое убѣжденіе, что «ни одна изъ трехъ редакцій не можетъ претендовать на то предпочтеніе, какое оказали Лахманъ редакціи A, Гольцманъ C и Барчъ B».

верженіи теоріи Лахмана и вообще въ болѣе научно-строгой и болѣе трезвой постановкѣ вопроса была немалая.

Едва ли можно сказать, что нѣмецкое общество 1757 г. «увлекалось» лирикою миннезингеровъ (стр. 9): извѣстно, какъ долго Бодмеръ не могъ собрать средствъ на изданіе Манессевскаго кодекса и какъ плохо потомъ расходилась книга.

Предположеніе, что «оба автора (авторъ «Пѣсни» и авторъ «Плача») заимствовали содержаніе изъ той книги, которую написалъ писецъ Конрадъ, по приказанію епископа Пильгрима» (стр. 99), не могу не назвать слишкомъ смѣлымъ и плохо обоснованнымъ: этому указанію столько же можно вѣрить, сколько свидѣтельствамъ французскихъ романовъ объ арабскихъ источникахъ и о вырытыхъ изъ земли латинскихъ хроникахъ.

Относясь съ недовѣріемъ (мною вполнѣ раздѣляемымъ) къ миоологической экзегезѣ Нибелунговъ, г. Кудряшевъ долженъ бы обратить больше вниманія на основу историческую; напрасно онъ пропускаетъ свидѣтельство Идаціевой хроники (Idacius Chronik 379—468 «Burgundionum caesa viginti millia»), которое одно указываетъ годъ (437) основного факта 2-й части Нибелунговъ. Также напрасно онъ умалчиваетъ о важной, если такъ можно выразиться, исторической «зацѣпкѣ»—Блёделинѣ (Bleda, братъ Атиллы), объ исторической основѣ пребыванія Дитриха у Атиллы (бѣгство Аэція въ 433 г.) и не приводитъ цитаты изъ жизни Канута, которая поддерживаетъ извѣстный разсказъ Саксона Грамматика (стр. 127) и т. д.

Сѣверное сказаніе о Нифлунгахъ г. Кудряшевъ передаетъ въ видѣ связнаго разсказа по Эддамъ и Вельсунга-сагѣ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего у него въ этомъ мѣстѣ (стр. 76—84) оказываются такія же неясности, какъ и у многихъ изъ его предшественниковъ [1]). Было бы лучше пожертвовать нѣсколькими страницами и изложить этотъ важный матеріалъ по памятникамъ,

---

[1]) У Брунгильды есть и отецъ Будли и опекунъ Хеймиръ; сюда же попадаетъ и позднее мѣстное преданіе объ Аслоугъ и т. д.

чтобы внимательный читатель былъ въ состояніи самъ судить объ отношеніи различныхъ скандинавскихъ версій къ нѣмецкой.

Хотя авторъ и дополняетъ свою русскую библіографію въ примѣчаніяхъ къ переводу (стр. 326 и 327), все же въ ней остаются пропуски. Такъ напр. я могу указать на свою книгу: «Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы», Москва 1869 г., гдѣ изложенію саги о Нифлунгахъ и Нибелунгахъ посвящено нѣсколько десятковъ страницъ.

Въ изложеніи содержанія поэмы есть нѣсколько пунктовъ, съ которыми я не могу согласиться; но такъ какъ они же повторяются и въ переводѣ, то будетъ умѣстнѣе сказать объ нихъ ниже. За то здѣсь нахожу нужнымъ высказаться противъ частной характеристики автора поэмы, помѣщенной г. Кудряшевымъ въ примѣчаніи на стр. 266; онъ полагаетъ, «что авторъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства». Какъ можно выражаться такимъ образомъ о поэтѣ, который находитъ совершенно естественнымъ, чтобы бракъ фактическій предшествовалъ браку церковному, о человѣкѣ, для котораго вся религія состоитъ въ исполненіи обрядовъ и раздачѣ денегъ духовенству? Даже самый эпизодъ съ капеланомъ, — о которомъ потомъ нѣтъ и рѣчи — доказываетъ, какъ мало поэтъ интересуется духовенствомъ.

Въ виду возможнаго (и безъ сомнѣнія, весьма желательнаго) второго изданія книги г. Кудряшева, считаю не лишнимъ указать на нѣсколько стилистическихъ недосмотровъ, встрѣчающихся въ Введеніи.

Стр. 26. «По смерти отца, она (Кримхильда) осталась на попеченіи *ея* (вм. своихъ) братьевъ.

Стр. 27. «Ремень изъ шелка».

Стр. 31. «Онъ (Зигфридъ) предложилъ имъ, чтобы всѣ они называли его вассаломъ Гунтера, «Гунтера *своимъ* (вм. его) господиномъ».

Стр. 76—7. «Ночью Хвердисъ... пришла на поле битвы къ *умирающему* Сигмунду, который, *умирая*, сказалъ ей»...

Стр. 114. Лахманіанцы «пришли въ *злобное бѣшенство*» (отъ теоріи Барча).

Стр. 128. Примѣчаніе: «Въ числѣ источниковъ, которыми *орудовалъ* авторъ этой саги»...

Въ изложеніи содержанія поэмы лучше было бы избѣгать такихъ варваризмовъ, какъ «надежный *гелейтъ*» (стр. 39) и такихъ архаизмовъ, какъ «все *птаство*» (стр. 53).

Но помимо этихъ и, можетъ быть, немногихъ другихъ, мною пропущенныхъ, недосмотровъ слогъ Введенія отличается правильностью и замѣчательною ясностью даже въ наиболѣе трудныхъ для изложенія случаяхъ.

Перехожу къ главной части труда г. Кудряшева — переводу поэмы.

Рѣдко приходится встрѣчать книги, въ которыхъ намѣреніе автора такъ близко сходилось бы съ исполненіемъ; г. Кудряшевъ дѣйствительно перевелъ Нибелунги какъ только возможно близко, «строчка въ строчку, ничего не прибавляя, не убавляя [1]) и не измѣняя размѣра оригинала» (стр. 23), и при этомъ сумѣлъ выразить стиль и духъ нѣмецкаго текста, не насилуя языка русскаго, который у него, правда, мѣстами тяжеловатъ, но чистъ и правиленъ, а часто силенъ и поэтиченъ. Начиная сличать переводъ г. Кудряшева съ оригиналомъ, я вознамѣрился было отмѣчать всѣ особенно удачно переведенныя строфы, но скоро мнѣ пришлось отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ я убѣдился, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ выписать чуть не половину книги. Я ограничусь только выраженіемъ моего убѣжденія, что иныя изъ подобранныхъ г. Кудряшевымъ выраженій настолько удачны, что навсегда врѣжутся въ память внимательнаго читателя, такъ что онъ напр. *die tumben* не будетъ въ состояніи переводить иначе, какъ словомъ: *юнцы* (въ обоихъ словахъ немного презрительный, насмѣшливый смыслъ), *sou-*

[1]) Г. Кудряшевъ почти нигдѣ не оставляетъ безъ перевода даже тѣ безсодержательныя фразы (dâz ist wâr, sô wir hoeren sagen и т. д.), которыми поэтъ пополняетъ полустихи и недостающія повышенія.

mære — сумные копи, *kapfen* — глазѣть и т. д. Г. Кудряшевъ такъ внимателенъ и такъ точенъ, что онъ напр. всегда сохраняетъ оригинальное смѣшеніе *ты* и *вы* [1]), и на столько вчитался въ оригиналъ, что если гдѣ въ его переводѣ неясность, въ такой же степени неясность мы найдемъ и въ подлинникѣ [2]) и наоборотъ: если гдѣ въ его переводѣ возвышается настроеніе и складъ рѣчи, тамъ и лучшія по силѣ выраженія мѣста подлинника [3]).

Эти выдающіяся достоинства перевода г. Кудряшева даютъ рецензенту право быть не только строгимъ, но даже придирчивымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводчикъ оказался, такъ сказать, ниже самого себя, гдѣ языкъ его не вполнѣ правиленъ и чистъ, гдѣ онъ не сохранилъ оттѣнка въ мысли оригинала или внесъ такой оттѣнокъ, котораго тамъ нѣтъ.

Нѣсколько разъ повторяется случай, гдѣ г. Кудряшевъ, по моему мнѣнію, *излишне* точенъ въ своемъ переводѣ. Извѣстна весьма распространенная въ стихотворномъ языкѣ ср. в. нѣм. поэтическая фигура, представляющая особый видъ ироническаго «литотиса», въ силу котораго поэтъ говоритъ: «рѣдко» или «очень рѣдко» вм. «никогда», «очень мало», вм. «ничего». Сохранять ее въ переводѣ не слѣдуетъ, такъ какъ на другомъ языкѣ фраза будетъ понята буквально. Самъ г. Кудряшевъ кое-гдѣ устраняетъ ее (напр. 44, 1 Den herren muoten selten deheiniu herzen leit онъ переводитъ: «Жилъ такъ-то витязь смѣлый безъ горя и заботъ»), но иногда удерживаетъ ее во всей ея неприкосновенности. Напр. 25, 1. *Не часто* безъ присмотра Зигфрида отпускали [4]). 1174, 4. И *рѣдко* нападали въ пути разбойники на нихъ. 1690, 4. Вѣдь у меня царь Этцель пока назадъ взялъ *очень мало*.

Другой случай ненужной близости я нахожу въ выраженіи: *взять отпускъ* (urlóup nemen) вмѣсто проститься, которое г. Ку-

---

[1]) Напр. стр. 160, 391, 393 и др.

[2]) Напр. строфы 593, 1181, 1200, 1296, 1398, 1710.

[3]) Напр. строфы 148, 310, 1011, 1258, 1665, 1744, 2378, 2379, 281 (хотя *trueben смутныя* здѣсь не совсѣмъ точно переведено словомъ «печальныя» облака) и мн. др.

[4]) Vil selten âne huote man riten lie daz kint.

дряшевъ употребляетъ въ стр. 320, и много разъ въ послѣдней трети поэмы.

Ничего нельзя имѣть противъ употребленія въ такомъ памятникѣ устарѣлыхъ выраженій въ родѣ: *чадь* или слегка простонародныхъ, какъ: *знать*, *чай*, но злоупотреблять ими не слѣдуетъ: общій характеръ языка долженъ быть современный и литературный. Зачѣмъ переводчикъ пускаетъ въ ходъ: *все птаство* въ стр. 1509, гдѣ *всѣ птицы* точно также хорошо улеглись бы въ стихъ? Выраженія: *повсѣда* (157, 3), *завсѣда* (344, 2; 720, 1), *окромѣ* (722, 2; 1224, 2); *въ лучшемъ видѣ* (346, 4; 932, 4) тоже безъ нужды рѣжутъ ухо.

Вотъ нѣсколько неловкихъ по-русски или слишкомъ тяжелыхъ стиховъ:

19, 4. Да, не одна мать сына тогда *навѣки схоронила*[1]).

56, 3. То къ нимъ забыть дорогу тебѣ *весь будетъ слѣдъ*[2]).

156, 4. Что *съ честью вѣрой —правдой* готовъ служить я вамъ до смерти[3]).

203, 3. . . .*кровь по слѣдамъ* катилася *рѣкой*[4]).

567, 4. Ухъ, *что съ сторонъ обѣихъ бойцовъ* отважныхъ было тамъ![5]).

984, 4. . . .Не могъ ужъ дружинникъ Гунтера *удрать*[6]) (дѣло идетъ объ убійствѣ Зигфрида).

Въ строфахъ 1210 и 1212 г. Кудряшевъ употребляетъ глаголъ *натворить* съ малоупотребительнымъ удареніемъ на второмъ слогѣ:

За то ужъ сколько горя она натво́ритъ намъ.

---

[1]) Durch sin eines sterben starp vil maneger muoter kint.
[2]) dune dörftest nimmer geriten in daz lant.
[3]) der sol ich einer sin
unt trouwe ez wol volbringen mit êren an daz ende min.
[4]) dô sah man über sätele fliezen daz bluot.
[5]) hei waz man küener degene dâ ze beiden siten vant.
[6]) done kunde im niht entrinnen des künic Guntheres man.

Стр. 1644. Сказалъ онъ такъ маркграфу. Послалъ сюда меня
Король Бургундскій Гунтеръ и съ нимъ его
братья.

Тоже стр. 1715. . . Должна ты здѣсь, Кримгильда, какъ
слѣдъ, жена моя
Идутъ съ великой честью къ тебѣ любезные
братья.

1783, 1. Себѣ на обѣ ноги надменный Гагенъ клалъ
Блестящій мечъ, изъ яблока его ясписъ блисталъ [1]).

Г. Кудряшевъ слишкомъ часто употребляетъ слово *лихой;* положимъ, оба его значенія очень хорошо подходятъ къ тону поэмы; но помѣщать его по два раза въ одну и ту же строфу (см. напр. строфы 139 и 147) едва ли удобно.

Также едва ли удобно такъ часто переводить гл. *rîten* словомъ *скакать*, какъ это дѣлаетъ г. Кудряшевъ (см. напр. стр. 757, 758, 763; 766); у него *скачетъ* на встрѣчу Кримгильды Сиглинда, женщина весьма почтенныхъ лѣтъ (707 стр.), собирается *скакать* старикъ Сигмундъ (761 и 781), *скачетъ* епископъ (1298) и т. д.

Слово *тискотня* вм. *толкотня* (стр. 1974 и pass.) мнѣ тоже кажется не особенно удачнымъ.

Несмотря на огромную трудность передавать по-русски строфу Нибелунговъ, стихостроеніе г. Кудряшева болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Очень рѣдко и исключительно въ 4-й строчкѣ встрѣчаются неудобочитаемые стихи въ родѣ слѣдующихъ:

1367, 4. Въ одеждахъ самыхъ новыхъ всѣ бывшіе тамъ пи-
ровали.

2363, 4. Меня и Гагена скупо привѣтствовали здѣсь сейчасъ.

Чтобы покончить съ мелочами, скажу, что изданіе вообще сдѣлано очень внимательно; отмѣчу только стр. 1290, 4, гдѣ,

[1]) Der übermüete Hagene leit' über sîniu bein
ein vil liehtez wâfen, ûz des knopfe scein
ein viel liehter jaspes....

вѣроятно, пропущено слово: *долгъ*, и стр. 1495, 1, гдѣ, очевидно, по корректурному недосмотру слово *vriunde* переведено словомъ *родные*.

Перехожу къ указанію тѣхъ мѣстъ перевода, которыя, по моему мнѣнію, нуждаются въ болѣе существенныхъ исправленіяхъ.

Стр. 40, 4 въ оригиналѣ сказано: «Она (Сиглинда) хорошо умѣла заслужить, чтобы люди были благорасположены къ нему»[1]). Г. Кудряшевъ переводитъ:
«Не даромъ всѣхъ такъ сильно боецъ къ себѣ расположилъ», черезъ что получается нѣсколько иной оттѣнокъ.

Въ стр. 45, 2 г. Кудряшевъ слово *hôhgemüete* (букв. высокій образъ мыслей, по существу: все то, чѣмъ высокородный и высокопоставленный человѣкъ отличается отъ плебея) переводитъ словами: «И добрый нравъ и сердце», что́ придаетъ этому мѣсту поэмы не существующій въ ней сантиментальный оттѣнокъ.

Въ строфу 48 переводчикъ вноситъ *hôhe minne* изъ стр. предыдущей; это, конечно, вполнѣ дозволительно, но *hôhe minne*, по моему убѣжденію, никакъ нельзя переводить выраженіемъ: *вѣрная любовь*, какъ это дѣлаетъ онъ: *hôhe minne* въ средніе вѣка совершенно иное, опредѣленное понятіе; это — любовь идеальная, близкая къ обожанію, при которой любящій ставитъ предметъ своей любви выше себя, стало быть: *высокая любовь*.

Въ стихѣ 57, 1. Mit gewalte niemen rewerben mac die maget опред. членъ *die* указываетъ, что Сигмундъ говоритъ именно о Кримгильдѣ. Г. Кудряшевъ переводитъ:

Да и никто не можетъ невѣсту силой *брать*, какъ будто король Нидерландскій высказываетъ общее правило.

Въ стр. 73 сказано, что одинъ Зигфридъ имѣлъ копье «съ двѣ пяди шириною», чѣмъ поэтъ и хочетъ отличить сильнаго героя отъ другихъ; у г. Кудряшева всѣ спутники Зигфрида имѣютъ одинаковыя копья.

---

[1]) siu kunde'z wol gedienen, daz im die liute wâren holt.

Въ стр. 83, 2 Гунтеръ говоритъ: «Въ моемъ домѣ неизвѣстные мнѣ бойцы»[1]). Г. Кудряшевъ переводитъ:

Бойцовъ, мнѣ неизвѣстныхъ, въ мой домъ *Господь занесъ*,

что придаетъ рѣчи короля благочестивый оттѣнокъ, совершенно чуждый его характеру.

Въ стр. 142 въ оригиналѣ сказано: «Король прекрасно привѣтствовалъ ихъ; онъ сказалъ: добро пожаловать!

Я еще не слыхалъ, кто васъ послалъ сюда. Вы должны сообщить мнѣ объ этомъ», сказалъ добрый король. Они очень боялись гордаго характера (букв. яростнаго духа) Гунтера»[2]). Очевидно, послы боялись его по слухамъ о его гордости и могуществѣ, но передъ ними, теперь онъ держалъ себя съ спокойнымъ достоинствомъ. Г. Кудряшевъ переводитъ:

Гонцамъ король *учтиво:* «Пожалуйте!» сказалъ:
Кто васъ прислалъ, откуда, еще я не слыхалъ.
«Отвѣтьте мнѣ на это», сказалъ король гостямъ.
Былъ такъ разгнѣванъ Гунтеръ, что стало страшно тутъ гонцамъ.

По этому переводу учтивость Гунтера — плохо скрытая ярость, которая запугиваетъ пословъ саксонскихъ.

Строфа 155 выходитъ непонятна въ переводѣ г. Кудряшева. У него Гунтеръ говоритъ Зигфриду:

«Отъ всѣхъ людей я долженъ тоску свою таить,
Что буду въ сердцѣ, молча, отъ всѣхъ тайкомъ носить.
Нѣтъ, лучше пусть со мною горюютъ и друзья!»
Въ лицѣ перемѣнился Зигфридъ, внявъ рѣчи короля.

---

[1]) ez sint in mîme hûse unkunde degene.

[2]) Der künec sie gruozte schône; er sprach: «sît willekomen.
wer iuch hêr habe gesendet, des'n hân ich niht vernomen:
daz sult ir lâzen hœren», sprach der künec guot.
dô vorhten sie vil sêre den grimmen Guntheres muot.

Здѣсь явное противорѣчіе между 1, 2 и 3 стихами, тогда какъ въ оригиналѣ это одна изъ очень удачныхъ строфъ.

«Jane mag ich allen liuten die swaere niht gesagen
die ich muoz tougenlîche in mîme herzen tragen:
man sol staeten vriwenden klagen herzen nôt».
diu Sivridis varwe wart dô bleich unde rôt.

Т. е. «Не могу же я всякому высказывать свою печаль, которую я долженъ тайно носить въ своемъ сердцѣ. (Только) вѣрнымъ друзьямъ нужно разсказывать о сердечномъ горѣ». Поблѣднѣлъ и покраснѣлъ тогда Зигфридъ», — очевидно оттого, что предыдущей фразой Гунтеръ исключалъ его изъ числа вѣрныхъ друзей.

Буквально точно, но не вполнѣ вѣрно по смыслу переведены въ стр. 157 слова: ob mir nimmer helfe iwer ellen getuot... «И еслибъ ваша сила помочь мнѣ не могла»... Но вѣдь при такомъ переводѣ Гунтеръ обижаетъ Зигфрида, выражая сомнѣніе въ его силѣ. Не лучше ли понять такъ: «Но еслибъ мнѣ и не пришлось обращаться къ вашей помощи» (букв. силѣ)?

Въ стр. 292 текстъ вульгаты (do erzunde sich *sîn* varwe) переданъ невѣрно словами: «вся вспыхнувъ, красавица сказала»... Но, можетъ быть, въ этомъ мѣстѣ г. Кудряшевъ имѣлъ въ виду текстъ *C*, гдѣ стоитъ: *ir varwe;* въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ отмѣтить это отступленіе отъ принятаго имъ текста.

4-й стихъ 309 стр. Man sah in vriwentlîche zuo den sînen gesten gân г. Кудряшевъ переводитъ довольно свободно:

И *запросто*, радушно онъ потчивалъ бойцовъ отборныхъ.

Но *запросто* въ то время вовсе не значило — хорошо; тогда *церемонное* угощеніе считалось гораздо болѣе почетнымъ и пріятнымъ.

Въ стр. 35, 2, 3 г. Кудряшевъ оставилъ безъ перевода весьма любопытную культурно-историческую черту—упоминаніе о вышитыхъ картинахъ.

Въ строфахъ 357 и 538 переводчикъ, не основываясь на текстѣ, прибавляетъ къ Брунгильдѣ не совсѣмъ подходящій для нея эпитетъ: *милая;* тоже см. въ стр. 1790, 4.

Въ стр. 504, 1 г. Кудряшевъ переводитъ *lûtertranc* словомъ *брага,* тогда какъ самъ же въ стр. 968, 2 называетъ этотъ напитокъ *кларетомъ* и въ примѣчаніи разъясняетъ, что онъ составлялся изъ вина, меду, сахару и пряностей [1]).

Когда Нибелунги Зигфрида подъѣзжаютъ къ Изенштейну, Гунтеръ на вопросъ Брунгильды, какъ принять ихъ, говоритъ: «Вы должны выдти и встрѣтить ихъ передъ дворцомъ, чтобы они поняли, охотно ли принимаемъ мы ихъ». Королева такъ и сдѣлала, какъ ей посовѣтовалъ король. Зигфрида своимъ привѣтствіемъ она отличила отъ другихъ». Барчъ (ad locum) думаетъ, что она поздоровалась съ Зигфридомъ холоднѣй, чѣмъ съ другими, indem sie ihn für leibeigenen hielt. Но онъ столько же leibeigene, сколько и приведенные имъ воины, которыхъ Гунтеръ называетъ mîne man, и къ тому же ими предводительствуетъ. Авторъ Нибелунговъ еще не далекъ отъ эпическаго міросозерцанія, когда человѣка «величаютъ по изотчеству» и начальнику поклонъ отдается «на особицу». Во всякомъ случаѣ толкованіе Барча не настолько неопровержимо, чтобы его слѣдовало вносить въ переводъ, какъ это дѣлаетъ г. Кудряшевъ, у котораго вообще эта строфа переведена не особенно удачно:

Сказалъ онъ: «имъ на встрѣчу вы встаньте предъ дворцомъ:
Пріятно ль вамъ ихъ видѣть, поймутъ *они съ бойцомъ*». —
И такъ, какъ онъ сказалъ ей, Брунгильда поступила.
Но холоднѣй, чѣмъ прочихъ, привѣтомъ Зигфрида почтила.

---

[1]) Вообще примѣчанія у г. Кудряшева распредѣлены далеко не равномѣрно: до 10-ой авантюры ихъ вовсе нѣтъ: а между тѣмъ многіе ли изъ читателей знаютъ напр., что́ значитъ *феррахъ*, который въ стр. 576, 3 переводчикъ оставляетъ безъ всякихъ объясненій?

[2]) 511... ir sult entgegen in für den palas gên;
ob wir sie sehen gerne, daz sie daz wol verstên.
dô tet diu küneginne als ir der künic geriet.
Sîfride mit dem gruoze siu von den anderen sciet.

Въ XIV авантюрѣ въ ссорѣ королевъ, какъ извѣстно, сперва оказывается невольно виновной добродушная Кримгильда, произнесшая неосторожную фразу: ich hân einen man

daz *elliu disiu rîche* zuo sînen handen solden stân (815, 3—4).

Но множ. число: elliu disiu rîche не такъ опредѣленно и не такъ притязательно, какъ то, что́ говоритъ она въ переводѣ:

Имѣю мужа я,
Которому должна быть подвластна *эта вся земля.*

Проф. Царнке на лекціяхъ[1]) объяснялъ elliu disiu rîche словами *весь свѣтъ*, и я полагаю, что такое объясненіе вполнѣ оправдывается отвѣтомъ Брунигильды: Это могло бы быть только въ томъ случаѣ, еслибъ на свѣтѣ было только васъ двое.

Черезъ 3 строфы г. Кудряшевъ подобной же легкой вольностью, вѣроятно, безъ намѣренія, выгораживаетъ Брунигильду. Въ оригиналѣ она говоритъ: какъ бы ни былъ достоинъ похвалы твой мужъ, sô muost tu *vor im lân* (впереди его поставить) Gunthern den recken. У г. Кудряшева: — а все жъ,

Совсѣмъ не то, что Гунтеръ, твой братъ, боецъ лихой.

Не вполнѣ удаченъ переводъ 861 строфы:

Отвѣтилъ Зигфридъ: «Еслибъ была моя жена
Довольна, что Брунигильда до слезъ доведена,
То я о томъ скорбѣлъ бы безмѣрно, всей душой». —
Дивясь, переглянулись бойцы лихіе межъ собой.

Въ оригиналѣ: «тогда смотрѣли другъ на друга добрые славные рыцари»[2]), т. е. какъ смотрятъ другъ другу прямо въ глаза честные люди, когда уладится минутное недоразумѣніе.

Въ стр. 867 въ переводѣ Гагенъ говоритъ о Зигфридѣ:

Не намъ ли худородныхъ растить *его* дѣтей,

---

[1]) Я слушалъ ихъ въ 1878 г.

[2]) dô sâhen zuo z'ein ander die guoten ritter gemeit.

что́ мнѣ представляется совершенно непонятнымъ. Правда, и стоящее въ оригиналѣ выраженіе: suln wir *gouche*[1]) ziehen не отличается ясностью; но я предложилъ бы для него такое толкованіе: жена Зигфрида обвиняетъ королеву Бургундовъ въ незаконной связи, отъ которой могли бы произойдти *gouche*. Гагенъ не вѣритъ обвиненію; но его возмущаетъ уже одна возможность подозрѣнія, что въ королевскомъ семействѣ имѣло мѣсто прелюбодѣяніе. Она говоритъ: Мало будетъ чести такимъ витязямъ (des habent lützel êre sô guote degene), если ихъ властителей заподозрятъ въ незаконномъ происхожденіи.

Въ стр. 1053, 2 небольшая неточность. Кримгильда говоритъ:

Да, терпятъ безпокойство изъ за меня не мало
Всѣ, что меня такъ любятъ и мужа моего.

По оригиналу: ... «*должны* потерпѣть безпокойство» (sie suln durch mîne liebe lîden ungemach), заказывая обѣдни и вообще оплакивая Зигфрида. Это связано съ ея намѣреніемъ сторожить и оплакивать трупъ мужа три дня, что́ потомъ и описано обстоятельно въ стр. 1059. То же въ стр. 1145, 4. Этцель отвѣчаетъ на предложеніе взять за себя Кримгильду.

Она же христіанка и врядъ ли согласится.
Да, то-то будетъ чудо, коль это *вдругъ потомъ* случится [2]).

Въ оригиналѣ: было бы чудо, еслибъ это случилось когда нибудь.

Когда Бургунды уѣзжали отъ Рюдигера.

«Не мало дамъ и милыхъ дѣвицъ *рыдало* тамъ (1711, 4 da *weinde*...); *рыдать* при такомъ веселомъ прощаньѣ едва ли умѣстно.

Какъ въ изложеніи содержанія (см. стр. 60 и 61), такъ и въ переводѣ стр. 1785 и въ примѣчаніи къ ней г. Кудряшевъ выражаетъ свое убѣжденіе, что слова поэта относительно смычка

---

[1]) *Gouch* — Bastard.

[2]) ez müeze sîn ein wunder, ob ez immer geschiht.

и скрипки Фолькера надо понимать буквально. Эту строфу онъ переводитъ:

И на скамьѣ поближе придвинулъ въ этотъ мигъ
Фолькéръ смычекъ свой крѣпкій; былъ длиненъ онъ, великъ,
Широкъ, остеръ ужасно и видомъ схóжъ съ мечемъ.
Сидѣли безъ боязни два добрыхъ витязя рядкомъ.

и замѣчаетъ внизу, что на рисункѣ у A. Schultz'a смычекъ очень похожъ на мечъ.

Противъ перевода я ничего не имѣю сказать, но относительно толкованія нельзя не согласиться съ Барчемъ (ad locum), который говоритъ, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ мечъ Фолькера òбразно представляется подъ видомъ смычка[1]), по связи съ прозвищемъ владѣтеля. Во 1-хъ, можно ли себѣ представить, чтобы высокопоставленный витязь былъ безъ настоящаго оружія въ такую минуту, когда онъ ожидаетъ нападенія многочисленныхъ враговъ? А во 2-хъ, надо принять въ расчетъ мѣста параллельныя. Въ стр. 1821, 1 Фолькеръ говоритъ:

Sô slah' ich etelîchem sô swaeren gigen slac.

Г. Кудряшевъ переводитъ очень точно и удачно: «Ужъ такъ своею скрипкой я двину кой-кого», но вѣдь не станетъ же онъ доказывать, что скрипка похожа на мечъ и что Фолькеръ, тѣснимый врагами, въ самомъ дѣлѣ думалъ защищаться скрипкой?

Въ стр. 1966, 3 прямо сказано для означенія кровавыхъ подвиговъ Фолькера:

dô videlte ungefuoge Guntheres spileman.

(Г. Кудряшевъ переводитъ: Да страшно шпильманъ Гунтера на скрипкѣ заигралъ). Можно ли и это мѣсто понимать буквально и думать, что Фолькеру въ самомъ дѣлѣ пришло на мысль играть на скрипкѣ въ такую минуту, или еще позднѣе, когда уже убитъ Ортлиебъ, и бой разгорѣлся на смерть (стр.

[1]) Слѣдуетъ прибавить: или скрипки.

1976, 2: er begonde videlnde den palas gân; ср. тоже въ 2004, гдѣ Фолькеръ videlet mit den Hiunen и гдѣ «смычокъ» его оказывается смазаннымъ краснымъ; ср. то же 2006, 3)? Не ясно ли, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ довольно остроумной риторической фигурой?

Въ стр. 2005, 4 есть небольшая неточность. По переводу Гагенъ говоритъ про Фолькера:

По возвращеньи (т. е. домой, на Рейнъ) ту же мы дружбу оба
сохранимъ.

Стало быть, онъ еще надѣется вернуться, подумаетъ читатель. Но въ оригиналѣ сказано: und kome wir immer widere, т. е. если мы когда нибудь вернемся.

Стр. 2154 тоже переведена не вполнѣ удачно. Въ оригиналѣ Рюдигеръ, выражая свою душевную муку, говоритъ: «Если я оставлю одну сторону, чтобы стать на другую, я поступлю безчестно и дурно; а оставлю я обѣ партіи, всѣ меня будутъ бранить» [1]). Г. Кудряшевъ переводитъ:

То иль другое сдѣлать, положимъ, я рѣшусь:
Всё-жъ я безчестнымъ, низкимъ и подлымъ окажусь;
А *угожу обоимъ*, весь свѣтъ меня бранить
Начнетъ.

Въ положеніи Рюдигера никакъ не возможно угодить обѣимъ сторонамъ.

Въ стр. 2156, 3 прибавленное переводчикомъ *вдругъ* придаетъ тексту такой оттѣнокъ, будто убійство одного изъ Бургундовъ — мало вѣроятный случай.

Въ стр. 2250, 4 что-то совершенно непонятное, безъ сомнѣнія вслѣдствіе опечатки [2]); въ оригиналѣ сказано: «витязю было непріятно; онъ охотно измѣнилъ бы это» [3]).

---

[1]) Swelhez ich nu lâze unt daz ander begân,
sô hân ich bœsliche und vil übele getân:
lâz aber ih siu beide, mich schiltet elliu diet.

[2]) Бойцу-то было больно, узнать хотѣлъ онъ просто страхъ.

[3]) dem helde was iz leide: vil gerne hêt er'z erwant.

Стр. 2337, 1 переведена вѣрно[1]), но слово *дружина* по-русски обыкновенно употребляется, какъ имя собирательное, а у Гунтера теперь только одинъ дружинникъ (въ оригиналѣ dîn man).

Вотъ всѣ тѣ замѣчанія, которыя я имѣлъ сдѣлать по поводу возможныхъ исправленій въ переводѣ г. Кудряшева; небольшое число ихъ и мелочность многихъ изъ нихъ лучше всякихъ похвалъ и цитатъ свидѣтельствуютъ о томъ, на сколько удачнымъ считаю я его не легкій и въ высшей степени важный трудъ.

Но всякій, конечно, согласится, что главная задача переводчика такихъ произведеній, какъ Божественная комедія, Пѣснь о Роландѣ, Донъ Кихотъ, Нибелунги и пр., состоитъ не въ томъ, чтобы остроумными домыслами растолковать нѣсколько трудныхъ пассажей и избѣжать упрека въ неточности перевода отдѣльныхъ мѣстъ, а въ томъ, чтобы вѣрно передать общій тонъ, произвести своимъ переводомъ на читателя такое же или по крайней мѣрѣ возможно близкое впечатлѣніе къ тому, какое производитъ самый оригиналъ. Какъ я уже сказалъ выше, по моему убѣжденію, г. Кудряшевъ исполнилъ эту задачу болѣе, чѣмъ удовлетворительно.

А задача была не изъ легкихъ. Нибелунги — произведеніе такого свойства, что передающему его на другой языкъ постоянно приходится балансировать между двумя видами эпической поэзіи, именно по тону почти противоположными.

Нибелунги, какъ рядъ народныхъ былинъ на миѳическій или миѳическо-историческій сюжетъ, не представили бы особыхъ трудностей при переводѣ на такой богатый эпическими выраженіями и свѣжій языкъ, какъ русскій. Нибелунги, какъ рыцарская искусственная поэма второй половины среднихъ вѣковъ, могутъ быть прекрасно переданы на всякій гибкій и обработанный литературный языкъ. Но Нибелунги, какъ извѣстно, ни то, ни другое.

---

[1]) Будь ты съ своей *дружиной* заложникомъ моимъ.

Теорію двадцати пѣсенъ Лахмана нельзя не считать безповоротно провалившеюся, и только завѣдомый (во многихъ случаяхъ весьма почтенный) консерватизмъ нѣмецкой науки доставляетъ ей кое-когда приверженцевъ. Для человѣка другой народности, не связаннаго піэтетомъ къ своимъ учителямъ, ученикамъ знаменитаго критика, при нынѣшнихъ сравнительно-литературныхъ данныхъ, представляется просто непонятнымъ, какимъ образомъ столько умныхъ людей могли такъ сильно заблуждаться, и если ихъ заблужденіе можно объяснить авторской ослѣпленностью, то какъ не замѣтила его ученая публика? Думать, что грамотѣй XII вѣка относился къ народнымъ пѣснямъ съ такимъ скрупулезнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, какъ братья Гриммы и ихъ ученики; не видѣть въ Нибелунгахъ искусственности, произвола и субъективности; не видѣть въ ихъ авторѣ деликатнаго, придворнаго человѣка временъ миннезингеровъ: — да какъ это возможно даже при томъ, чѣмъ располагала наука съ сороковыхъ годовъ? Повидимому, всѣ существенныя возраженія противниковъ Лахмана такъ просты и такъ понятны сами собою, какъ анекдотическое Колумбово яйцо.

Съ другой стороны, поэма основана на народномъ преданіи, которое должно было послужить и послужило основою для многихъ народныхъ пѣсенъ, получившихъ широкое распространеніе (даже внѣ материка Германіи) и хоть отчасти несомнѣнно знакомыхъ автору поэмы. Тонъ этого преданія и этихъ пѣсенъ не могъ не повліять на тонъ поэмы, хотя бы въ такой мѣрѣ, въ какой онъ повліялъ на монаха, перекладывавшаго въ латинскіе стихи сказаніе о Валтаріи. Эту двойственность тона, связанную съ двойственностью въ содержаніи, могъ сохранить только очень добросовѣстный и старательный переводчикъ.

Позволяю себѣ воспользоваться почтеннымъ трудомъ г. Кудряшева, какъ поводомъ, чтобы высказать нѣсколько положеній относительно этой двойственности въ Нибелунгахъ, а также и относительно характеристическихъ особенностей ихъ автора. Эти положенія представляются мнѣ на столько простыми, и они

основываются на фактахъ, столь общеизвѣстныхъ, что почти не нуждаются въ ученомъ аппаратѣ.

Авторъ поэмы, какъ я сказалъ выше, рѣшилъ утилизировать народное преданіе, которое давало сюжеты для народныхъ пѣсенъ и полународныхъ поэмъ [1]), и сдѣлать изъ этого матеріала поэму модную, но въ то же время популярную, равно занимательную для всѣхъ классовъ общества.

Что́ же изъ этого вышло? Онъ въ значительной мѣрѣ достигъ своей цѣли, какъ это видно изъ широкой распространенности его поэмы и ея историко-литературнаго вліянія; но при всей силѣ своего таланта, онъ не могъ слить совсѣмъ воедино два столь несходныхъ элемента, и бѣлыя нитки мѣстами рѣзко бросаются въ глаза.

Чѣмъ воспользовался онъ изъ преданія? Во-первыхъ, сказаніемъ о юношескихъ подвигахъ Зигфрида. Подвиговъ этихъ мы знаемъ два: пріобрѣтеніе чудеснаго клада и знакомство съ Брунигильдой. Но поэтъ желаетъ сдѣлать изъ Зигфрида идеалъ королевича-рыцаря, а раннія скитанія и труды уже противорѣчатъ господствовавшему въ то время представленію «о благородномъ» воспитаніи. Къ тому же поэта затрудняло то обстоятельство, что сказаніе о пріобрѣтеніи клада дошло до него въ двухъ несходныхъ редакціяхъ: 1. Зигфридъ пріобрѣтаетъ его послѣ битвы съ дракономъ, 2. Зигфридъ добываетъ его отъ могучихъ карликовъ (вѣроятно, редакція позднѣйшая). Какъ быть? Поэтъ прибѣгаетъ къ наивной хитрости: онъ воспитываетъ Зигфрида, такъ сказать, въ пуху и въ ватѣ, какъ и слѣдуетъ воспитываться королевскому сыну [2]); а ниже будто вскользь разсказываетъ устами Гагена о добываніи клада по 2-й ред.; но такъ какъ въ ней Зигфридъ является не въ особенно красивомъ съ точки зрѣнія поэта видѣ—онъ обманываетъ своихъ довѣрителей, подобно тому, какъ герой русской сказки обманываетъ лѣшихъ, — то онъ путается,

---

[1]) Сл. разсказъ Саксона Грамматика подъ 1131 г.

[2]) 25, 1. Vil selten âne huote man riten lie daz kint.

стараясь его выгородить[1]). А такъ какъ далѣе понадобится и неуязвимость Зигфрида, то онъ еще ниже и еще болѣе вскользь говоритъ и о его побѣдѣ надъ дракономъ (стр. 899).

Измѣна Зигфрида первому предмету его любви—Брунгильдѣ вовсе не нравится поэту, и онъ «ничтоже сумняся», совершенно отбрасываетъ этотъ необходимый для дальнѣйшаго эпизодъ, вслѣдствіе чего выходитъ не малая путаница и противорѣчія[2]).

Сватовство Гунтера за Брунгильду поэтъ беретъ несомнѣнно изъ преданія; въ этомъ преданіи, надо думать, Зигфридъ не только называлъ себя вассаломъ Гунтера, но и дѣйствительно не былъ равенъ ему по рожденію: за это говоритъ рабское происхожденіе Сигурда по Нифлунгамъ и упрекъ Брунгильды, что онъ былъ слугою Хіальпрека по Вольсунга-сагѣ. Оттого и въ Нибелунгахъ Зигфридъ только за эту свою услугу можетъ получить руку Кримгильды (будто онъ для нея неравная партія); оттого и такое различіе въ поведеніи Гунтера относительно двухъ своихъ зятьевъ: Зигфрида онъ къ себѣ приглашаетъ, а къ Этцелю самъ ѣдетъ. Помимо этого въ VI и VII ав. поэтъ довольно близко слѣдуетъ преданію или вѣрнѣе: различнымъ версіямъ преданія, которыя онъ нагромождаетъ другъ на друга[3]). VIII ав. (wie Sîfrit nach den Nibelungen sînen recken fuor), я полагаю, тоже основанъ на преданіи: для побѣды надъ Брунгильдой Зигфридъ долженъ призвать на помощь своихъ чудесныхъ помощниковъ. Но поэтъ такъ обломалъ этотъ эпизодъ, что невозможно догадаться о его первоначальномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что другія версіи сказанія не даютъ намъ объ немъ никакихъ свѣдѣній.

Единоборство Зигфрида и Брунгильды на брачномъ ложѣ

---

[1]) Почему Зигфридъ не могъ окончить раздѣла (ern kundez niht verenden)? За что на него разгнѣвались владѣтели клада (B) и почему они напали на него? Все это, я полагаю, темно и самому поэту.

[2]) Въ стр. 820 Брунгильда говоритъ, что она увидѣла Зигфрида въ первый разъ (aller êrste) вмѣстѣ съ Гунтеромъ, между тѣмъ какъ въ VI ав. есть нѣсколько указаній на прежнее знакомство ихъ (см. напр. 331, 4).

[3]) Въ стр. 337 и 338 у Зигфрида есть и *tarnkappe* и *tarnhut*; это чудное одѣяніе и скрываетъ героя и даетъ ему силу 12 человѣкъ.

тоже принадлежитъ преданію [1]), но преданію сравнительно позднему: это, очевидно, дублетъ борьбы въ Изенштейнѣ и такой дублетъ, при которомъ стало уже забываться сказаніе о связи героя съ дѣвой-богатыршей [2]). Поэтъ обработалъ этотъ эпизодъ довольно свободно и ловко скрылъ противорѣчіе между традиціоннымъ равнодушіемъ Кримгильды къ отношеніямъ Зигфрида и Брунгильды и нравами его времени (Зигфридъ скрываетъ отъ Кримгильды эти отношенія теперь, но разсказываетъ ей о нихъ когда-то послѣ).

Ссора королевъ и смерть Зигфрида, какъ ея послѣдствіе, тоже взяты изъ преданія (сл. Нифлунговъ); купанье въ крови дракона обусловливало въ немъ и листъ, упавшій на спину, и нашиваніе креста и порученіе отъ Кримгильды Гагену охранять Зигфрида во время похода. Но былъ ли этотъ походъ обманный или настоящій, была ли послѣ него охота, мы не можемъ судить; несомнѣнно только, что рѣчи королевъ и умирающаго Зигфрида принадлежатъ творчеству поэта.

Я убѣжденъ, что въ преданіи за смертію Зигфрида слѣдовала самовольная смерть Брунгильды или по крайней мѣрѣ, при ослабленіи преданія, королева Бургундовъ молча сходила со сцены и въ послѣдующемъ разсказѣ не упоминалась вовсе. Но самоубійство Брунгильды слишкомъ противорѣчило нравственнымъ понятіямъ эпохи и тону поэмы, и авторъ не хотѣлъ оставить читателей даже въ сомнѣніи относительно ея судьбы: онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о ней, но предоставляетъ ей такую незначительную роль, что этимъ ясно показываетъ, какъ мало позволяетъ онъ себѣ вольничать относительно сюжета [3]).

---

[1]) См. кольца, которыми обмѣнивается Сигурдъ съ Брунгильдой въ Нифлунгахъ.

[2]) См. новый матеріалъ на эту тему въ Этногр. Обозр. 1890 г. № 2, въ статьѣ проф. В. Ѳ. Миллера, стр. 121 и слѣд.

[3]) Брунгильда упоминается послѣ смерти Зигфрида всего 4 раза: стр. 1100 она равнодушно относится къ горю Кримгильды; въ стр. 1426 ей передаютъ поклонъ отъ Рюдигера; въ стр. 1485 и 1486 ее хотятъ видѣть послы Этцеля, но она оказывается не совсѣмъ здорова; въ стр. 1515 она (безъ имени) проситъ

Нигдѣ не чувствуется такъ рѣзко противорѣчіе между преданіемъ и «направленіемъ» поэмы, какъ въ исторіи Зигфридова клада: въ первомъ кладъ былъ однимъ изъ мотивовъ убійства героя и позднѣе — однимъ изъ мотивовъ гибели Бургундовъ. Облагораживая дѣйствующихъ лицъ, поэтъ совсѣмъ молчитъ о кладѣ при убійствѣ Зигфрида, а въ разсказѣ о мщеніи Кримгильды заговариваетъ объ немъ только тогда, когда вдова Зигфрида потеряла всю его симпатію. Бургундскіе короли совсѣмъ не виноваты въ его присвоеніи; это сдѣлалъ злобный Гагенъ... Но преданіе давитъ поэта, и внимательный читатель не можетъ не видѣть, что его «герои» въ этомъ дѣлѣ далеко не чисты: въ стр. 1139 они высказываютъ глубокое негодованіе на Гагена за то, что онъ утопилъ кладъ; но изъ слѣдующей же строфы оказывается, что они поклялися хранить тайну клада «ê daz von Tronege Hagene den scatz also verbarc», что совершенно согласно съ позднѣйшими словами Гагена Кримгильдѣ (стр. 1742). Противорѣчіе до того явно, что редакторъ C замѣтилъ его и исключилъ стр. 1140-ую[1]).

Въ послѣдней части Нибелунговъ преданію, повидимому, принадлежатъ: сватовство Этцеля, клятва Рюдигера (и стоящее съ нимъ далѣе въ связи сватовство Гизельхера за его дочь), приглашеніе королевы Гунновъ и колебанія Бургундовъ, пророчество водяныхъ женщинъ[2]), убійство перевозчика[3]), неудачное покушеніе Гагена на жизнь того единственнаго человѣка, которому

мужа остаться еще ночь. Кромѣ того въ *C* (Царнке, 5 изд., стр. 242, 5) Гунтеръ посылаетъ ей (тоже не называя по имени) поклонъ черезъ капелана.

Но самое ясное доказательство того, что она сошла со сцены, — полное молчаніе о ней мстительной Кримгильды.

[1]) О неудачной вставкѣ въ *B* здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ *C* Гагенъ позднѣе то-же самое говоритъ Кримгильдѣ о кладѣ: den hiezen mine herren senken in den Rin (Царнке, 266, 2).

[2]) Оно, очевидно, подверглось передѣлкѣ: въ словахъ первой водяницы (стр. 1535 и слѣд.) нѣтъ *буквальной* правды, которая необходимо требуется въ сагѣ.

[3]) Оно, можетъ быть, попало сюда изъ какой-нибудь другой саги, такъ какъ не связано ни съ чѣмъ изъ послѣдующаго.

суждено возвратиться, сомнительный пріемъ Бургундовъ при дворѣ Этцеля, убійство Ортлиба[1]), пожаръ залы и утоленіе жажды бойцовъ кровью, нападеніе и смерть Рюдигера, нападеніе Дитриха, плѣнъ Гунтера и Гагена, смерть Гунтера и злой отвѣтъ Гагена Кримгильдѣ и, можетъ быть, смерть Кримгильды.

Что же остается на долю творчества автора? Очень много: вся мотивировка, вся психологія, всѣ картинки жизни и всѣ мысли и чувства. Пользуясь ея собственной программой въ 1-ой строфѣ, можно сказать, что чисто отъ себя говоритъ онъ von fröden, hôchgezîten, von weinen und von klagen. Ему принадлежитъ экспозиція въ 2-хъ первыхъ авантюрахъ (кромѣ вѣщаго сна героини, который есть и въ Нифлунгахъ); ему принадлежитъ исторія любви Зигфрида и Кримгильды, которую онъ обработалъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла; ему принадлежатъ цѣлыя *содержательныя* авантюры, какъ напр. IV: «Какъ Зигфридъ бился съ Саксами» и много авантюръ и ихъ частей *обстановочныхъ*, излагающихъ *hôchgezîten*, которыя составляютъ не менѣе двухъ третей поэмы: есть, гдѣ проявиться его личности и есть, гдѣ взять матеріалъ для его характеристики[2]).

---

[1]) Что смерть сына Этцеля принадлежитъ преданію, видно не только изъ Нифлунговъ (гдѣ дѣти Атли погибаютъ отъ руки матери), но и изъ того, что къ этому убійству поэтъ подготовляетъ читателя въ стр. 1912 и 1918. Это подготовленіе, заглядываніе впередъ есть особый литературный пріемъ поэта, по которому иногда можно отличить преданіе отъ его творчества. Особенно характерно выступаетъ этотъ пріемъ передъ смертью Зигфрида: указаніе на нее повторяется, будто припѣвъ, въ 3-хъ строфахъ подъ рядъ:

969. 4. der rat wart manigem degene ze grôzen sorgen getân.
970. 4. dô was der rat mit meine von den recken getân.
971. 4. Hagene sîne triuwe vil sêre an Sifride brach.

[2]) Само собою разумѣется, что между традиціонною основою (X) и поэмой NL) могли быть посредствующія звенья (N, N′, N″), т. е. преданіе могло дойдти до поэта въ пѣсняхъ и поэмахъ, болѣе или менѣе обработанныхъ. Но это не измѣняетъ сущности дѣла, только характеристическія особенности NL придется распредѣлить между N, N′, N″ и NL.

Кстати замѣчу, что субъективныя особенности NL, конечно, проявляются и тамъ, гдѣ онъ слѣдуетъ преданію. Напр. въ III авантюрѣ, въ разсказѣ Гагена о юношескихъ подвигахъ Зигфрида 700 людей Шильбунга и Ниблунга, 2 короля и 12 великановъ есть очевидный продуктъ любящей большія цыфры и преувеличенія фантазіи поэта.

Поэтъ Нибелунговъ — миннезингеръ, если не по своей спеціальности, то во всякомъ случаѣ по настроенію и направленію; если онъ самъ не сочинялъ любовныхъ пѣсенъ, то во всякомъ случаѣ много зналъ ихъ и вращался въ томъ обществѣ, которое жило этими интересами, т. е. въ образованномъ дворянскомъ обществѣ.

Онъ не только упоминаетъ о *высокой любви*, но, какъ видно изъ V ав., прекрасно знаетъ всѣ ея свойства. Вотъ какъ онъ описываетъ душевное состояніе Зигфрида, когда тотъ въ первый разъ увидалъ Кримгильду:

Такъ про себя онъ думалъ: «Какъ смѣю я любить
Тебя? Мечта пустая! Тому во вѣкъ не быть.
А прочь уйти! Нѣтъ, лучше пусть смерть меня сразитъ!»

То блѣденъ становился отъ думъ, то красенъ вновь Зигфридъ.
(285).

Какъ постепенно, съ какимъ знаніемъ, такъ сказать, душевныхъ приличій сближаетъ онъ любящихъ! Въ первую минуту свиданія дѣвушка говоритъ герою незначительныя слова привѣта и подаетъ ему руку; только при выходѣ изъ собора, оправившись, овладѣвъ собой, она благодаритъ его за помощь братьямъ.

Сравненіе радости Зигфрида съ тою радостію, которую онъ испытывалъ «въ дни лѣтніе, въ дни мая» (bî der sumerzite und gein des mejen tagen 295, 1) — чисто миннезингерское сравненіе, не одинъ разъ встрѣчающееся между прочимъ и у Фогельвейде.

Авторъ Нибелунговъ — очень развитой человѣкъ въ смыслѣ общественности, одинъ изъ лучшихъ представителей той юной, но уже могучей цивилизаціи, которую только близорукіе въ своемъ самодовольствѣ псевдоклассики могли считать варварствомъ. Какое тонкое знаніе приличій приписываетъ онъ тому, изъ кого хочетъ сдѣлать идеалъ-рыцарь! Припомнимъ, напр., какъ Зигфридъ, истомленный жаждой, не хочетъ пить прежде Гунтера (стр. 978). Какую благородную дальновидность выка-

зываетъ тотъ же Зигфридъ въ вопросѣ о выкупѣ саксонскихъ и датскихъ плѣнниковъ!

Правда, тотъ же Зигфридъ бьетъ свою нѣжно-любимую жену (894, 2) и забавляется тѣмъ, что пускаетъ живого медвѣдя среди невооруженныхъ людей; но мы не должны забывать двойственности содержанія, которая обусловливаетъ и двойственность тона: послѣдняя рѣзко и характерно выступаетъ, напр., въ сценѣ перваго свиданія Зигфрида съ королями Бургундскими (стр. 106—127), гдѣ нѣсколько разъ рыцарская учтивость и сдержанность переходитъ въ грубость и стремительность воинственныхъ обитателей лѣсовъ Германскихъ.

Поэтъ по тому времени очень образованный человѣкъ; онъ сбиваетъ съ толку изслѣдователей, къ какой странѣ отнести его, такъ какъ хорошо знаетъ географію и прирейнскихъ и придунайскихъ странъ; онъ знаетъ всѣхъ сосѣдей Германіи: и поляковъ, и русскихъ, и валаховъ. Онъ имѣетъ вѣрныя историческія представленія и стремится передать ихъ читателямъ: что̀ бы стоило ему представить Этцеля христіаниномъ или по крайней мѣрѣ игнорировать его вѣроисповѣданіе? Но онъ оставляетъ его язычникомъ и согласно съ истиной изображаетъ его вѣротерпимымъ властителемъ многихъ языческихъ и христіанскихъ народовъ. Вся доступная тому времени роскошь матерій извѣстна ему, очевидно, не по наслышкѣ. Можетъ-быть, онъ и не умѣлъ читать, но часто видалъ книги и умѣлъ отличать изящную миніатюру отъ заурядной [1]).

На сколько далекъ авторъ Нибелунговъ отъ объективности народнаго эпоса, всего яснѣе видно изъ тонкихъ и умныхъ сентенцій, которыя онъ иногда влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, а иногда, какъ Эшенбахъ или Аріосто, приводитъ непо-

---

[1]) 286, 2.

Sam er (Зигфридъ) entworfen waere an ein permint.
von guotes meisters listen.

У г. Кудряшева не совсѣмъ удачно переведено:

Какъ будто на *картинкѣ пергамента* рукой
Искусной нарисованъ.

средственно отъ себя. Такъ напр. въ стр. 2020 онъ черезъ Гагена высказываетъ свой взглядъ на обязанности короля, а въ стр. 1801 говоритъ по поводу трусости гунновъ:

Wie dicke ein man durch vorhte manigiu dinc verlât,
swâ sô *friunt* bî *friunde friuntlichen* stât[1]),
und hât er guote sinne, daz er's niht entuot.
schade vil maniges mannes wirt von sinnen wol behuot[2]).

Извѣстно, какимъ элегическимъ, близкимъ къ Weltschmerz'у замѣчаніемъ оканчивается предпослѣдняя строфа поэмы:

als ie din liebé leide z'aller jungeste gît[3]).

Онъ во все продолженіе поэмы имѣетъ свои симпатіи и антипатіи, которыя выказываетъ очень явно; въ послѣдней части (съ 28 ав.) онъ усиленно старается выдвинуть впередъ Дитриха Бернскаго, который нравится ему своей прямотою и древненѣмецкой добродѣтелью — вѣрностью; Дитриху приписывается такая несоразмѣрная роль при дворѣ Этцеля, что онъ предлагаетъ Гунтеру и Гагену не только безопасность, если они ему сдадутся (стр. 2337), но даже возвращеніе домой (2340; это — послѣ убійства королевскаго сына!).

Авторъ Нибелунговъ очень наклоненъ къ шуткѣ, смотря по мѣсту, то лукаво-веселой (напр. стр. 294, 298 и др.), то грустной и горькой (напр. стр. 1002, 2 и 1811, 3); онъ присочиняетъ цѣлые комическіе эпизоды, какъ напр. Данквартъ казначействовалъ надъ сокровищами Брунгильды, или какъ молодая королева Бургундовъ повѣсила на гвоздикъ своего мужа.

---

[1]) Намѣренная игра словами.

[2]) Это нелегкое для передачи мѣсто очень точно, даже съ соблюденіемъ игры словъ, переведено у г. Кудряшева:

Какъ часто изъ-за страха все люди вдругъ бросаютъ,
Когда другъ другу крѣпко два друга помогаютъ.
На то и умъ, конечно, чтобъ такъ не поступать:
Чрезъ разумъ всякій можетъ себя отъ бѣдъ предохранять.

[3]) «Да и всегда-то радость кончается вездѣ бѣдой», 2378, 4.

Онъ строго нравственный человѣкъ, но свободный отъ щепетильности: съ благодушнымъ удовольствіемъ говоритъ онъ о радостяхъ влюбленныхъ, соединенныхъ бракомъ, но останавливается именно тамъ, гдѣ нужно:

Ich sage iu niht mêre wie er der frouwen pflac (630).

Замѣтимъ, что нѣмцы, которыхъ еще при Гогенштауфенахъ романцы обвиняли въ наклонности къ пьянству, въ его поэмѣ пьютъ вино и lûtertranc только для утоленія жажды.

Его далеко не заурядный поэтическій талантъ проявляется главнымъ образомъ въ рельефности характеровъ и въ изображеніи сильныхъ сценъ. Лучшіе характеры у него — какъ это часто бываетъ и у современныхъ намъ поэтовъ — тѣ, въ которыхъ больше зла, нежели добра: Гагенъ и Брунгильда. Ни одинъ средневѣковой эпосъ не имѣетъ ничего такого, что́ могло бы по конкретности и жизненности хоть приблизиться къ мрачной фигурѣ вѣрнаго слуги Бургундовъ. Все, что́ въ немъ есть добраго, ушло въ одно чувство: вѣрности и преданности господамъ своимъ. Это — крайняя степень вѣрности, въ жертву которой человѣкъ приноситъ не только жизнь свою, но и душу свою. Гагенъ беретъ на свою отвѣтственность все себялюбіе, всю мелочность, зависть, злость и низость, которымъ иногда могутъ поддаться его господа, какъ и всѣ *средніе* люди, а ихъ оставляетъ чистыми нравственно и величественными. Въ *этомъ* смыслѣ онъ — злой геній бургундскихъ королей, а не въ томъ, чтобы онъ подталкивалъ ихъ на дурное противъ ихъ внутренняго желанія.

Гунтеръ очень желалъ бы воспользоваться помощію могучаго Зигфрида въ войнѣ противъ саксовъ или въ дѣлѣ добыванія себѣ невѣсты; но онъ не рѣшается высказать этой недостойной «героя» мысли; не бѣда: за него ее выскажетъ Гагенъ. Гунтеръ оскорбленъ въ лицѣ Брунгильды и жаждетъ смерти Зигфрида; но какъ ему завести рѣчь объ убійствѣ своего друга и брата, который спасъ его жизнь въ Изенштейнѣ и честь въ Вормсѣ, на брачномъ ложѣ? За него заведетъ эту рѣчь Гагенъ,

и онъ же исполнитъ ужасное дѣло. Онъ и будетъ убійцей Зигфрида и для свѣта и даже для неба: припомнимъ кровь, выступающую изъ раны убитаго. Гунтеръ побаивается мщенія Кримгильды и не прочь отнять у нея сокровище покойнаго мужа; но онъ не рѣшается сдѣлать этого: вѣдь онъ далъ ей клятву

что впредь
Ей не придется горя черезъ меня терпѣть (стр. 1131).
Не бѣда: Гагенъ возьметъ все на себя, и т. д.

Но на примѣрѣ того же Гагена видно, что объ руку съ художественной рельефностью характеровъ[1]) у поэта не всегда идетъ ихъ выдержанность, обязательная во всякомъ безъискусственномъ эпосѣ: въ 25 и 26 авантюрахъ Гагенъ мало похожъ на себя: онъ слишкомъ кротокъ и миролюбивъ; въ 31 авант. (стр. 1855) онъ даже является въ качествѣ проповѣдника благочестія: до того хотѣлось поэту выразить въ этой части поэмы свою жалость къ героямъ-Бургундамъ.

Вотъ образчикъ тѣхъ *тонкихъ* пріемовъ, которыми пользуется поэтъ для рельефности выводимыхъ имъ фигуръ. Когда въ Изенштейнѣ готовятся къ роковымъ играмъ, Гагенъ и Данквартъ громко высказываютъ сожалѣніе, что при нихъ нѣтъ оружія. Услыхавъ это, Брунгильда

Черезъ плечо взглянула; улыбка по устамъ.
Скользнула[2])

и велѣла имъ вернуть оружіе.

Поэтъ, какъ я сказалъ, собираетъ всю мощь своего таланта въ главныхъ кульминаціонныхъ сценахъ, каковы напр. ссора королевъ и смерть Зигфрида. Ссору поэтъ разбиваетъ на 3 момента: пререканія Брунгильды и Кримгильды дома, столкновеніе ихъ передъ вечерней и публичный скандалъ съ участіемъ мужчинъ

---

[1]) Ей не мало способствуетъ соотвѣтствіе между натурой Гагена и его наружностью. См. стр. 413 и passim въ послѣдней части.

[2]) 447, 2.
mit smilendem munde sin ûber ahsel sah.

послѣ церковной службы. Какъ тонко выражено состояніе духа добродушно-хвастливой, несдержанной Кримгильды, которая оставляетъ безъ отвѣта ехидно обдуманное замѣчаніе Брунгильды въ 816 строфѣ! Какая масса гордости и злости видна въ трудно-переводимомъ возгласѣ Брунгильды передъ соборомъ: Wen hâs tu hie verkebset?» (840, 1). Какъ естественно и живо въ стр. 842 Кримгильда спѣшитъ отступить, услыхавъ угрозу довести это «бабье» дѣло до свѣдѣнія мужчинъ, сдѣлать изъ него нѣчто серьезное! Но Брунгильда уже не отступитъ; невозможно отступить и Кримгильдѣ.

Между ссорой королевъ и рѣшеніемъ убить Зигфрида чувствуется много недосказаннаго, о чемъ поэтъ предоставляетъ догадываться читателю. Зигфридъ своей клятвой снялъ подозрѣніе съ чести Брунгильды; кажется, чего жъ бы ей еще? дѣло кончено. Но пошли разговоры въ публикѣ, сплетни, имѣвшія реальное основаніе: кольцо и поясъ. Какъ они достались Кримгильдѣ? Не украла же она ихъ въ самомъ дѣлѣ? Пришлось объяснять и выпутываться; правда стала выходить наружу, и Брунгильда оказалась обманутой и осмѣянной; вотъ отчего она trûret' alsô sêre. Гунтеръ тоже оказался въ непривлекательномъ свѣтѣ, и вотъ отчего Гагенъ съ такой готовностью идетъ на встрѣчу мщенію разгнѣванной королевы. Это не пропускъ, не недосмотръ со стороны поэта, а литературный пріемъ: онъ точно такъ же умалчиваетъ о томъ, что́ думала и чувствовала Брунгильда, увидавъ Зигфрида рядомъ съ Кримгильдой, отчего она такъ настаивала потомъ на ихъ приглашеніи ко двору и т. д.

Предсмертныя рѣчи Зигфрида — верхъ художественнаго совершенства. Сильная физическая боль, сознаніе сдѣланной ему несправедливости сперва вызываютъ въ немъ горькіе упреки и проклятія (стр. 989); «причитанія»[1]) Гунтера надъ нимъ возбуждаютъ его презрѣніе. Но кровь вмѣстѣ съ жизнью вытекаетъ изъ его раны; мысли его обращаются къ любимымъ слабымъ

[1]) Пользуюсь прекраснымъ словечкомъ въ переводѣ г. Кудряшева (922,1.).

существамъ, которыхъ онъ оставляетъ во власти враговъ своихъ, и онъ начинаетъ *просить* Гунтера пожалѣть ихъ[1]); потомъ онъ вспоминаетъ о своемъ старомъ отцѣ и вѣрныхъ дружинникахъ и прощается съ ними одной, но высоко трогательной строчкой:

mir müezen warten lange mîn vater und mîne man[2]).

А какая тонкая художественная черта въ слѣдующей строфѣ:

Цвѣты совсѣмъ промокли отъ крови въ этотъ мигъ[3]).

И какъ силенъ языкъ въ этомъ восклицаніи несчастной вдовы Зигфрида:

ez hât gerâten Prünhilt, daz ez hât Hagene getân[4]).

Но такую силу показываетъ поэтъ въ немногихъ, возбуждающихъ его мѣстахъ; обыкновено же языкъ его скорѣй слабъ и растянутъ; растянутъ и самый разсказъ длинными описаніями однообразныхъ hôchgezîten, поѣздокъ, встрѣчъ, прощаній и пр. Неумѣстно растянуты у него и нѣкоторые *трогательные* моменты, напр. внутренняя борьба въ душѣ Рюдигера, которая занимаетъ болѣе 150 стиховъ. Вообще къ концу поэмы его одолѣваетъ сантиментальность[5]), безъ сомнѣнія, совсѣмъ чуждая преданію и его раннимъ передѣлкамъ.

Съ наклонностью къ подробному описанію роскошныхъ праз-

---

[1]) Совершенно параллельное мѣсто къ знаменитому стиху Иліады:

Мужа, убійцы дѣтей моихъ я обнимаю колѣна.

[2]) 997, 3.

Отцу и всей дружинѣ меня ужъ не дождаться.

[3]) Die bluomen allenthalben von bluote waren naz 998.

[4]) 1010, 4.

И Гагеномъ, по волѣ Брунхильды, онъ убитъ.

Кажущееся противорѣчіе между этими его словами и тѣмъ, что она говоритъ въ 1012, 4, такъ же какъ и многія другія кажущіяся, но вполнѣ естественныя противорѣчія, объяснено защитниками единства поэмы. См. напр. Барчъ a. l.

[5]) Рюдигеръ и Бургунды послѣ долгихъ разговоровъ плачутъ; льютъ въ изобиліи слезы бойцы Дитриха, узнавъ о смерти Рюдигера, а потомъ и самъ Дитрихъ какъ объ своихъ вассалахъ, такъ и о Бургундахъ.

дневъ связана другая субъективная слабость поэта: наклонность къ большимъ цыфрамъ, съ которыми онъ иногда не знаетъ, какъ справиться, въ особенности когда этому противорѣчитъ преданіе. Очень характерный случай представляетъ переправа Бургундовъ черезъ Дунай въ 25 ав., гдѣ по преданію съ королями, безъ сомнѣнія, было только небольшое число вѣрныхъ друзей. Поэтъ даетъ имъ въ свиту 1060 рыцарей и 9000 кнехтовъ, и всѣхъ ихъ Гагенъ перевозитъ въ одинъ день (даже въ часть дня) и въ одной лодкѣ!

Можно было бы возразить г. Кудряшеву по поводу того, что онъ для своего перевода предпочелъ текстъ *B* тексту *C*, который онъ самъ же признаетъ «самымъ тщательнымъ по отдѣлкѣ» (стр. 7) и который, благодаря прекрасному изданію Царнке, сталъ въ послѣднія 20 лѣтъ самымъ популярнымъ въ университетскихъ кругахъ (о пользованіи урѣзаннымъ и испорченнымъ текстомъ *A*, конечно, не можетъ быть и рѣчи). Но г. Кудряшевъ имѣетъ полное право сослаться на несомнѣнныя вставки, а кое-гдѣ и на столь же несомнѣнные выпуски (см. напр. выше о стр. 1140). Во всякомъ случаѣ за *B* говоритъ уже то, что этотъ текстъ — *вульгата;* стало быть, поэма именно въ этой формѣ имѣла наибольшее распространеніе и вліяніе.

Дать вѣрный переводъ поэта, который часто самъ себѣ бываетъ невѣренъ, сохранить эту двойственность въ тонѣ оригинала — задача чрезвычайно трудная; ее вполнѣ удовлетворительно выполнилъ г. Кудряшевъ старательнымъ изученіемъ памятника и вѣрнымъ до мелочей воспроизведеніемъ каждой строфы въ отдѣльности, и потому я, на основаніи § 4 Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, полагалъ бы, что книга его заслуживаетъ полной преміи.

Комиссія, принужденная сообразоваться съ имѣющимися въ распоряженіи ея средствами, не могла, къ сожалѣнію, примѣнить это заключеніе во всемъ его объемѣ.

II.

«Трагедіи Шекспира: «Антонія и Клеопатра» и «Ричардъ II» въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго. Разборъ П. И. Вейнберга».

Въ числѣ тѣхъ немногихъ русскихъ переводчиковъ, которые имѣютъ право на названіе переводчиковъ въ лучшемъ значеніи этого слова и заслуживаютъ самаго серьезнаго и сочувственнаго отношенія къ нимъ какъ критики, такъ и читающей публики, одно изъ выдающихся мѣстъ занимаетъ Д. Л. Михаловскій.

Начавши работать въ 1858 г. и не прекращая своей дѣятельности до сихъ поръ, онъ за этотъ долговременный періодъ обогатилъ нашу переводную поэзію значительнымъ количествомъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ, преимущественно англійскихъ: Шекспира, Байрона, Лонгфелло, Томаса, Гуда и др. [1]). Талантливость и строгая добросовѣстность составляютъ постоянныя достоинства трудовъ на этомъ поприщѣ г. Михаловскаго—достоинства, которыми онъ обязанъ своему поэтическому дарованію и солидному знанію тѣхъ языковъ, съ которыхъ онъ переводитъ, соединенному съ тщательнымъ, могу сказать, даже научнымъ изученіемъ избираемыхъ имъ для перевода авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ безспорно составили капитальное пріоб-

[1]) Переводы собственно лирическихъ стихотвореній были изданы въ 1876 г. особой книжкой подъ заглавіемъ «Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго». Послѣ того г. Михаловскій перевелъ еще не мало другихъ стихотвореній; они помѣщены въ разныхъ журналахъ.

рѣтеніе нашей литературы; таковы напримѣръ поэма Байрона «Мазепа» и поэма Лонгфелло «Пѣсня о Гайаватѣ» — особенно послѣдняя, перевода которой, по сохраненію народнаго духа и колорита, по прекрасному стиху и др. достоинствамъ, одного уже было бы достаточно, чтобы доставить переводчику вполнѣ почетное имя.

Шекспиромъ г. Михаловскій началъ заниматься давно: въ 1864 г. появился въ печати (въ «Современникѣ») его переводъ трагедіи «Юлій Цезарь»; потомъ послѣдовательно были переведены и напечатаны въ полномъ собраніи сочиненій Шекспира (изд. Гербеля) пьесы: «Генрихъ V», «Ромео и Юлія», «Антоній и Клеопатра» и «Ричардъ II».

Послѣднія двѣ представлены переводчикомъ въ настоящее время на Пушкинскую премію.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ трудовъ, позволю себѣ привести здѣсь въ сокращеніи тотъ взглядъ мой на задачу переводчика, который уже однажды былъ высказанъ мною въ печати по поводу сдѣланнаго г. Козловымъ перевода Байроновскаго «Донъ Жуана»[1]): «Обязанность хорошаго переводчика — стараться произвести на читателей своихъ такое же впечатлѣніе, какое производитъ подлинникъ, дать объ этомъ послѣднемъ полное, или, въ тѣхъ случаяхъ, когда это, по условіямъ языка, оказывается невозможнымъ, приблизительно полное понятіе относительно мысли, тона, *всѣхъ* частныхъ подробностей, каковы выраженія, эпитеты и т. п. Сохраненіе *этихъ* послѣднихъ въ ихъ полной, по возможности, неприкосновенности мы считаемъ весьма важнымъ, такъ какъ въ нихъ, то-есть въ распоряженіи поэта своимъ языкомъ, заключается главнымъ образомъ своеобразность его; у *большого* поэта (а мы здѣсь имѣемъ въ виду только большихъ, ибо относительно только ихъ считаемъ необходимымъ исполненіе вышеупомянутыхъ требованій) нѣтъ ничего лишняго, ничего, такъ сказать, не разсчитаннаго, не находящагося въ ор-

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. августъ 1889 г.

ганической связи или съ его собственною личностью, или съ его поэтическимъ міросозерцаніемъ, или съ условіями времени, когда онъ творилъ данное произведеніе. Поэтому его надо давать въ переводѣ читателю не только со всѣми его достоинствами, но и со всѣми недостатками (которые у *такихъ* поэтовъ являются недостатками большею частью съ точки зрѣнія *позднѣйшаго* читателя), другими словами — переводчикъ долженъ стараться, если онъ переводитъ произведеніе *цѣликомъ*, не только вызывать въ своемъ читателѣ эстетическо-пріятное впечатлѣніе, но давать ему и то, что́ можетъ, по той или другой причинѣ, подѣйствовать на него непріятно. При несоблюденіи этого условія можно зайти очень далеко и дѣйствовать, руководясь не какими-нибудь опредѣленными теоретическими правилами, а личными взглядами и вкусами переводчика...»

Къ Шекспиру и переводчикамъ его эти замѣчанія и эти требованія примѣняются болѣе, чѣмъ къ кому-либо. По внѣшней формѣ своихъ произведеній это одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ поэтовъ, и такъ какъ эта своеобразность, выражающаяся въ отдѣльныхъ оборотахъ, фразахъ, эпитетахъ и т. п., имѣетъ источникъ и личный, исходящій какъ бы изъ натуры этого писателя, изъ самой сущности его собственнаго поэтическаго творчества, и историческій, обусловленный тѣмъ временемъ, когда жилъ Шекспиръ, тѣми литературными явленіями и вліяніями, которыя были въ ходу въ ту пору (напр. «эвфуизмъ», играющій, какъ извѣстно, немаловажную роль въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шекспира) — то переводчикъ, упускающій изъ виду эти обстоятельства, или не умѣющій выполнить налагаемыя ими требованія, одинаково грѣшитъ и противъ задачи эстетической, и противъ задачи историко-литературной. Въ отношеніи же къ Шекспиру и та, и другая представляются имѣющими несомнѣнную и большую важность. Въ нашей литературѣ Шекспиру особенно посчастливилось, сравнительно съ другими иностранными поэтами: ни одно произведеніе его (не только пьесы драматическія, но и поэмы и сонеты) не осталось непереведеннымъ

на русскій языкъ, переводами этими занимались нѣкоторые изъ самыхъ извѣстныхъ писателей нашихъ, иныя пьесы переводились по нѣскольку разъ, число хорошихъ переводовъ значительно превышаетъ количество неудовлетворительныхъ,—но безусловнаго удовлетворенія вышесказаннымъ условіемъ я не нахожу ни въ одномъ переводѣ *въ полномъ объемѣ* этого послѣдняго; прекрасныя *частности* (иногда цѣлые монологи, даже сцены) встрѣчаются во многихъ изъ этихъ работъ, многія изъ этихъ частностей исполнены такъ, что могли бы служить образцами даже для лучшихъ иностранныхъ переводчиковъ, но сказать то же самое обо *всемъ* переводѣ, съ начала его до конца, строгая критика не въ правѣ. Одинъ переводчикъ старается смягчать или прикрывать такъ называемыя «неприличности» Шекспира (на которыя, какъ извѣстно, онъ не скупится); другой находитъ нужнымъ упрощать то, что̀ онъ, съ современной и эстетической точки зрѣнія, признаётъ черезъ чуръ реторическимъ, манернымъ, вычурнымъ; третій думаетъ, что мѣста, не совсѣмъ ясныя безъ комментаріевъ, надо передавать совсѣмъ «своими словами», какъ бы включая комментарій въ текстъ; четвертый, напротивъ того, стремясь къ буквальной вѣрности, откидываетъ въ сторону требованія чисто-эстетическія, упускаетъ изъ виду различныя условія языковъ англійскаго и русскаго, и чрезъ это сообщаетъ своей работѣ тяжесть, неуклюжесть, прозаичность, — и если бы это входило въ задачу и программу моего настоящаго отчета, всѣ эти замѣчанія я подтвердилъ бы многочисленными и очень характеристическими примѣрами. Такое неполное удовлетвореніе тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ и должна предъявлять переводчику Шекспира строгая критика, происходитъ отъ дѣйствительно очень большой трудности дѣла, отъ взглядовъ на задачу переводчика, наконецъ—у иныхъ—просто отъ неумѣнья справиться съ работой, или отъ небрежнаго отношенія къ ней.

Г. Михаловскій, обладающій вышеупомянутыми достоинствами, какъ переводчикъ вообще, примѣняетъ ихъ и къ передачѣ на русскій языкъ Шекспира; его понятіе о *хорошемъ* переводѣ

совершенно правильное, ибо онъ всюду въ своихъ работахъ старается сохранить внутренній смыслъ подлинника, его общій, а также мѣстный и временный колоритъ, характеристическія частности, поэтичность; при этомъ онъ не упускаетъ изъ виду условій русскаго языка сравнительно съ языкомъ подлинника, вслѣдствіе этого не ломаетъ его насильственно для соблюденія точности чисто внѣшняго свойства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не позволяетъ себѣ злоупотреблять этимъ обстоятельствомъ. Такое воззрѣніе обнаруживается и въ его переводахъ Шекспира, судя по очень многимъ мѣстамъ его труда, и притомъ такимъ, передача которыхъ представляетъ особенную трудность; и если однако и его переводы Шекспира нельзя признать безукоризненными, оправдывающими его же собственный, только что указанный, взглядъ на дѣло переводчика, въ полномъ объемѣ этихъ работъ, если, какъ будетъ видно ниже, онѣ далеко не свободны отъ недостатковъ, то эти послѣдніе, принимая въ соображеніе превышающія ихъ въ очень значительной степени достоинства, я готовъ признать скорѣе случайными, чѣмъ, такъ сказать, коренными, — происходящими скорѣе отъ причинъ внѣшнихъ, чѣмъ внутреннихъ.

Здѣсь подлежатъ разбору, который долженъ потвердить эти замѣчанія, два изъ сдѣланныхъ г. Михаловскимъ переводовъ Шекспира: «Антонія и Клеопатры» и «Ричарда II».

Остановлюсь сначала на первомъ.

Трагедія «Антоній и Клеопатра» была переведена на русскій языкъ, со включеніемъ сюда и перевода г. Михаловскаго, шесть разъ: два раза прозой (переводъ неизвѣстнаго, въ «Репертуарѣ» 1840 г. и Кетчера, въ его извѣстномъ собраніи) и четыре стихами (Фета, Корженевскаго, Соколовскаго и Михаловскаго).

Оставляя здѣсь въ сторонѣ переводы прозаическіе, какъ подходящіе подъ совсѣмъ иныя условія, считаю нужнымъ, для опредѣленія не только безотносительнаго, но и сравнительнаго достоинства работы г. Михаловскаго, высказать краткое су-

жденіе о предшествовавшихъ этой работѣ другихъ стихотворныхъ переводахъ того же произведенія.

Переводъ А. А. Фета страдаетъ въ сильной степени тѣмъ недостаткомъ, которымъ вообще отличаются переводныя работы этого извѣстнаго поэта: принесеніемъ въ жертву всего стремленію передавать подлинникъ *буквально* въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова, и происходящими отъ этого тяжеловѣсностью, стилистическою неуклюжестью и т. п. свойствами, которыя поражаютъ въ такомъ мастерѣ стиха и языка, какимъ является г. Фетъ въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, и къ которымъ присоединяется, или, вѣрнѣе, которыми обусловливается встрѣчающееся неоднократно затемненіе смысла именно неловкостью стилистической, даже иногда грамматической, постройки. Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ на выдержку:

Клеопатра говоритъ въ подлинникѣ: «As I'm Egypt's queen,— Thou blushest, Antony, and that blood of thine—Is Caesar's homager: else so thy cheek pays shame — When shrilltongu'd Fulvia scolds». Г. Фетъ переводитъ: «Что вспыхнулъ ты, Антоній,— Безспорно, какъ и то, что я царица,—*Въ честь* Цезаря твой стыдъ, *иль данъ ланиты—Крикливой брани Фульвіи...*» — Слова Антонія: «The nobleness of life is to do thus (при этомъ онъ цѣлуетъ Клеопатру).—When such a mutual pair—And such a twain can do't» переводятся: «Все благородство жизни вотъ въ чемъ: когда два любящихъ *дерзнутъ такъ сблизить жребій*», и находящіяся тутъ же слова: «We stand up peerless» переданы: «въ этомъ *мы недостижимы*». Тотъ же Антоній, обращаясь къ Клеопатрѣ, говоритъ, повергая читателя въ недоумѣніе на счетъ смысла этихъ словъ: «Пойдемъ, моя царица — *вчера звала*», — а въ подлинникѣ сказано: «Come, my queen — *Last night you did desire it*». Слова: «Much is breeding — Which like the courser's hair, hath yet but life — And not a serpent's poison» переданы совершенно непонятно: «Многое въ зачатьи — что̀ силой жизни только волосъ конскій — а не змѣя по яду» — (вслѣдствіе чего остается непонятнымъ и примѣчаніе переводчика къ этимъ сти-

хамъ, что «понятіе о конскомъ волосѣ, превращающемся въ волосатика, еще сохранилось у нашего народа»).—Клеопатра, обращаясь къ Антонію, выражается такъ: «*Когда молилъ—Остаться здѣсь, ни слова про отъѣздъ—Сулилъ и взоръ нашъ вѣчность, и уста—И негу брови*»,—въ подлинникѣ: «When you su'd staying, — Then was the time for words: no going then; — Eternity was in our lips and eyes,—Bliss in our brow's bent».—Слова Харміаны: «By your most gracious pardon — I sing but after you» переданы: «Я, *не во гнѣвъ*, пою на голосъ вашъ». Заявленіе Антонія: «I and my sword will earn our chronicle» г. Фетъ, чтобъ сохранить буквально слово «earn», переводитъ совершенно непонятно: «Мой мечъ и я для хроники жнецы». Въ монологѣ Антонія, послѣ его первой побѣды надъ Цезаремъ, встрѣчаемъ такое обращеніе къ Клеопатрѣ: «О, солнце міра! — Ко мнѣ на шею, и во всемъ нарядѣ — Сквозь панцырь мой *на сердце мнѣ: скакать—На радостныхъ біеньяхъ*»,—и этотъ невозможный оборотъ употребленъ опять для соблюденія буквальной, какъ г. Фету кажется, вѣрности, ибо въ подлинникѣ слова: «...to my heart, *and there — Ride on the pants triumphing!*» — Подобныхъ мѣстъ въ переводѣ г. Фета множество, тóчно такъ же, какъ много грамматическихъ оборотовъ и конструкцій въ родѣ: «общую онъ подтверждаетъ ложь о немъ разсказовъ въ Римѣ», — «польется кровь изъ зубъ твоихъ», — «я въ мірѣ запоздался», — «чтобъ рабъ... избранную мной твою смѣлъ тронуть руку»,—или выраженій въ родѣ «вдругъ его схватила мысль о Римѣ», «хоть глупость отъ меня лѣта не отведутъ, но отвели ребячество», — или такихъ напримѣръ стиховъ: «Не терпитъ моего отсутствія»,— «Покойной ночи... Нѣтъ, Октавія»,—«Мое иль Цезарево? Цезарево», — «Куда вотъ это? Ахъ, оставь оруженосецъ!» и др. — Изъ вышеприведенныхъ образчиковъ видно, что и вѣрность буквальная, о которой видимо такъ заботится г. Фетъ, не пріобрѣтается у него такими принесеніями въ жертву ей изящества, ясности и т. п.; иногда же переводъ представляется и совсѣмъ невѣрнымъ; такъ напримѣръ, влагаемыя Шекспиромъ, съ его

обычной безцеремонностью, въ уста Клеопатры слова къ евнуху Мардіану: «'tis well for thee—That, being unseminar'd, thy freer thougts—May not fly forth of Egypt», г. Фетъ не только смягчаетъ черезъ чуръ ужъ цѣломудренно, но и переиначиваетъ въ нихъ смыслъ, переводя: «Счастливъ ты,—Что, *обезсиленъ*, *твой свободный умъ* (какъ будто въ подлинникѣ рѣчь о безсиліи *ума*) не мчится изъ Египта...»

Переводъ г. Соколовскаго стоитъ неизмѣримо выше труда г. Фета. Г. Соколовскій въ ряду русскихъ переводчиковъ Шекспира занимаетъ весьма почтенное мѣсто, какъ въ количественномъ отношеніи (имъ переведено больше половины пьесъ англійскаго драматурга, и онъ готовитъ полный переводъ *всѣхъ* произведеній), такъ и въ качественномъ; но при многихъ достоинствахъ его работъ—изяществѣ, поэтичности, передачѣ въ большинствѣ случаевъ духа и внутренняго смысла подлинника—онѣ въ значительной степени страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: излишнимъ, дѣлаемымъ часто даже безъ всякой надобности, при отсутствіи такихъ требованій со стороны языка, распространеніемъ текста подлинника, добавленіемъ къ этому послѣднему своего собственнаго, а также нерѣдко—и тѣмъ, такъ сказать, комментированіемъ текста въ самомъ текстѣ, о которомъ я упомянулъ выше, какъ объ особенности, присущей нѣкоторымъ переводчикамъ. Этого же недостатка, — хотя и не въ такой степени, какъ въ иныхъ изъ остальныхъ своихъ переводовъ, — не избѣжалъ г. Соколовскій и въ «Антоніи и Клеопатрѣ». Здѣсь также мнѣ приходится ограничиться только нѣсколькими примѣрами, къ которымъ можно бы присоединить не малое количество и другихъ. (Замѣчу кстати, что одинъ изъ нашихъ критиковъ-любителей имѣлъ терпѣніе сосчитать число стиховъ въ англійскомъ подлинникѣ «Антонія и Клеопатры» и таковое же у г. Соколовскаго, и оказалось, что въ переводѣ на 400 стиховъ больше, чѣмъ въ подлинникѣ!)

Въ 13-й сценѣ 3-го дѣйствія Антоній говоритъ Клеопатрѣ: «If from the field I shall return once more — To kiss these lips,

I will appear in blood; — I and my sword will earn our chronicle:—There's hope in't yet». Эти три стиха съ половиной г. Соколовскій безъ всякой нужды распространяетъ такъ: «Коль скоро суждено еще вернуться—Изъ битвы мнѣ, то я вернусь съ *мечомъ—Покрытымъ славной* кровью и *вопьюсь—Губами въ эти губки*. Поняла ты — Меня теперь? Моя надежда *снова—Зардѣлась предо мной*. Быть можетъ, мнѣ — Вписать мечомъ еще удастся имя—Въ исторію...» На замѣчаніе Агриппы о Цезарѣ: «He has a cloudin's face», Энобарбъ отвѣчаетъ ему: «He were the worse for that were he a horse, — So is he being a man». Слова Агриппы г. Соколовскій переводитъ правильно: «Въ немъ взоръ подернутъ облакомъ», но отвѣтъ Энобарба *комментируетъ* такъ: «Точь въ точь — Бѣльмомъ у лошадей; но вѣдь такой — Порокъ въ нихъ очень дуренъ, тѣмъ же паче — Когда онъ будетъ въ Цезарѣ...»—Въ разсказѣ Энобарба о Клеопатрѣ (сцена 2-я 2-го д.) находимъ лишнія слова: «Разбитая (струя) въ жемчужныхъ мелкихъ брызгахъ»; — выраженіе «O'er picturing that Venus where we see — The fancy outwork nature» передано гораздо распространеннѣе: «Превосходя небесной красотой — Сказать готоваъ я, самую Венеру—Чей дивный ликъ намъ доказалъ, что можно—Превосходить искусствомъ иногда—И самую природу...»; характеристическое выраженіе «We have kissed away» переведено «Цѣлуясь, мы проспали...» Простыя слова Антонія «Though gray (волосы) do something mingle with our younger brown» переводчикъ находитъ нужнымъ передать реторическимъ оборотомъ: «Пусть сѣдины успѣли проглянуть уже сквозь мракъ волосъ моихъ»,—и слѣдующее за этимъ «We have a brain that nourishes our nerves» переведено: «Ты видишь, что осталось еще во мнѣ достаточно ума и бодрости...»—Восклицаніе Клеопатры: «Now the fleeting moon no planet is mine!» переведено: «Не будетъ—Впередъ моей эмблемой томный ликъ измѣнчивой луны». — Во 2-й сценѣ 2-го дѣйствія Энобарбъ разсказываетъ о великолѣпіи пріема Клеопатрою Антонія и вызываетъ этимъ восклицаніе Агриппы: «O, rare for Antony!» Г. Соко-

ловскій замѣняетъ это словами: «Вообразить могу я, какъ вздрогнулъ нашъ Антоній!».—И много еще мѣстъ въ такомъ-же родѣ.

Переводъ г. Корженевскаго я успѣлъ просмотрѣть только бѣгло, и если не нашелъ въ немъ, на этотъ бѣглый взлядъ, крупныхъ недостатковъ, то не увидѣлъ и выдающихся достоинствъ.

Обращаюсь теперь къ переводу г. Михаловскаго,—и прежде, чѣмъ указать на его несомнѣнныя и многочисленныя достоинства, какъ безотносительныя, такъ и сравнительно съ другими переводами этой трагедіи, остановлюсь на недостаткахъ, которые желательно было бы видѣть устраненными въ такой прекрасной работѣ.

Во 1-хъ, болѣе или менѣе невѣрная передача *словъ* подлинника. Въ сц. 4-й 1-го дѣйствіи Лепидъ называетъ недостатки Антонія «hereditary rather than purchas'd»; у г. Михаловскаго «они въ немъ отъ природы скорѣе, чѣмъ отъ воли».—Слова Клеопатры (5-я сц. того же дѣйствія) къ послу отъ Антонія: «Coming from him, that great medicine hath—With his tinct gilded thee» переведены: «Но все же имъ ты присланъ, и пріобрѣлъ чрезъ это для меня какъ бы его особый отпечатокъ...» — Въ разсказѣ Энобарба о свиданіи Антонія и Клеопатры (д. 2-е, сц. 2-я) слова: «Antony... did sit alone—Whistling to th'air; which, but for vacancy—Had gone to gaze on Cleopatra too—And made a gap in nature» переданы такъ: «Антоній... свистѣлъ въ пустынный воздухъ,—Который самъ готовъ былъ улетѣть—Чтобъ созерцать царицу, еслибъ могъ онъ — Произвести въ природѣ пустоту...» — Легіоны «well-paid» оказались у переводчика «могучими». — Въ 12-й сц. (по русскому переводу 10-й) 4-го дѣйствія г. Михаловскій пишетъ: «Надломленное счастье — Рождаетъ то надежду въ немъ, то страхъ — Грядущаго...», а въ подлинникѣ — «His fretted fortunes give him hope, and fear — Of what he has and has not». — Слова Долабеллы Клеопатрѣ (5-е д , сц. 2-я): «Your loss is as yourself great; and you bear it—As answering to the weight...» переданы: «Да, велика твоя утрата, столькожъ — Какъ ты сама, какъ эта скорбь твоя...»

Къ этимъ и нѣсколькимъ другимъ менѣе значительнымъ, невѣрностямъ надо присоединить произвольную замѣну нѣкоторыхъ характеристическихъ словъ подлинника другими, или ослабляющими силу, или уничтожающими характеристичность, Шекспировскую своеобразность. Такъ «*beggary* in the love» вышла — «*ничтожная* любовь»; — «избороздили» (море) поставлено вмѣсто глаголовъ «ear and wound»;—«*lascivious* wassails» превратились въ «*роскошные* пиры»;—вмѣсто «Phoebus' *amorous pinches*» находимъ просто «*поцѣлуи* Феба»—и т. п.

Во 2-хъ есть нѣсколько сокращеній. «Сокровище» поставлено вмѣсто «treasure *of an oyster*».—Слова «The world and my great office will sometimes divide me *from your bosom*» переведены: «Свѣтъ и мои обязанности будутъ порой меня *съ тобою* разлучать». — Вмѣсто «Here *my bluest veins* to kiss» читаемъ: «Вотъ тебѣ *рука* для поцѣлуя». — Очень картинныя слова Энобарба: «Hoo! hearts, tongues, figures, scribes, bards, poets, cannot — Think, speak, cast, write, sing, number;—hoo!—His love to Antony!» переданы безцвѣтными: «Ни образы, ни мысли, ни слова— Ни творчество писателей, поэтовъ — Вообразить и передать не могутъ — Его любви къ Антонію...» Вмѣсто «The hand of death hath raught him» г. Михаловскій выражается просто: «Онъ умеръ». — «Beneath the visiting moon» вышло въ переводѣ: «въ мірѣ».—«Tears *as sovereign as the blood of hearts*» превратились въ простыя «*сердечныя* слезы». — Слова Клеопатры «My desolation *does begin to make — A better life*» переведены «Отчаянье мое *ослабѣваетъ*». — *Четырекратное* восклицаніе Клеопатры: «Come hither, come, come, come» замѣнено *однократнымъ* «приди!» — Печаль Клеопатры, о которой Долабелла говоритъ, что она «smites my veary *heart at root*»—въ переводѣ «*не дошла* до сердца моего».—Кромѣ всего вышеописаннаго, находимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ опущеніе эпитетовъ, напр. *Salt* Cleopatra, *wan'd* lip, *vilain* (въ обращеніи къ гонцу), *housewife* (о Фортунѣ), *mouth-made* vows, и т. п. — Иногда переводчикъ дѣлаетъ и гораздо болѣе значительные пропуски — нѣсколькихъ строкъ, что

можно объяснить только недосмотромъ, нечаяннымъ упущеніемъ, ибо это встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ (правда, очень немногихъ), переводъ которыхъ не представляетъ никакого затрудненія даже для самаго ординарнаго переводчика. Напримѣръ во 2-й сц. 2-го дѣйствія пропущены слова Агриппы: «Give me leave, Caesar» и отвѣтъ на это Цезаря: «Speak, Agrippa». Въ сц. 2-й 3-го дѣйств. совсѣмъ выпущены три стиха Цезаря: «Farewell, my dearest sister, fare thee well,—The elements be kind to thee, and make— Thy spirits all of comfort! Fare thee well!» — и тутъ же слова его къ Октавіи: «The time shall not out-go my thinking on you». Въ послѣдней сценѣ 4-го дѣйствія — слова Клеопатры: «Quicken with kissing». Во 2-й сценѣ 5-го д. — вторая половина обращенія Клеопатры къ Харміанъ: «Why, that's the way» — «And to conquer their most absurd intents».

Къ недостаткамъ перевода надо отнести наконецъ неловкости, шероховатости и т. п. относительно языка и стиха, поражающія, при ихъ незначительномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что языкъ и стихъ перевода вообще могутъ удовлетворить требованіямъ даже придирчивой критики. Здѣсь для примѣра можно указать стихи, *оканчивающіеся* на слово *то* («коли меня ты вправду любишь, то...») или на мѣстоименіе *что́* («Но убивать такое время, что̀...»), или на союзъ *или*, даже съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ («служанка, что̀ коровъ доитъ, илѝ»); — слова съ неправильнымъ удареніемъ: «ру́дникъ», «обо̀дритесь» и др.,—стихи неполные относительно количества стопъ («Теперь вотъ я, Антоній», — «Дня черезъ три впередъ; и такъ»); — неловкіе, или неправильные, или прозаическіе обороты, каковы: «И что́ насчетъ отъѣзда моего должно̀ твои тревоги успокоить, такъ это то, что» и т. д., — «Господинъ мой вѣжливый» (говоритъ Клеопатра Антонію, въ подлинникѣ courteous lord»), — «И кажется, *что* тѣми онъ любилъ, *что́* Цезаря боятся», — «Гордиться мы должны, *что* удалось исторгнуть изъ объятій египетской вдовы намъ сластолюбца, *что́* въ похотяхъ своихъ неутомимыхъ»,—«вѣтры къ нимъ любовью томились», — «дѣлали красивые поклоны», — «*тамъ* рас-

толстѣлъ отъ *тамошнихъ* пировъ»,—«подобно какъ явить себя спѣшитъ»;—употребленіе такихъ словъ, какъ «завсегда»;—наконецъ, мѣстами, несоблюденіе надлежащаго тона; напримѣръ въ разговорѣ Цезаря съ Антоніемъ во 2-й сценѣ 2-го дѣйствія, гдѣ встрѣчается такое мѣсто: «Цезарь. Съ пріѣздомъ въ Римъ! Антоній. Благодарю. Цезарь. Садись. Антоній. *Нѣтъ, ты садись.* Цезарь. *Ну, хорошо*». Или еще болѣе рѣжущее слухъ мѣсто въ той сценѣ (12-я 4-го д.), гдѣ Антоній проситъ Эроса нанести ему смертельный ударъ мечомъ: «Антоній. *Ну*, начинай. Эросъ. Такъ *отверни* лице, передъ которымъ міръ благоговѣетъ. Антоній. *Ну, отвернулъ*». И дальше Эросъ говоритъ: «Прощай, великій вождь. Ударить, *что́ ли?*»

Если, указывая на недостатки другихъ переводовъ «Антонія и Клеопатры», я ограничился, для сравненія, только нѣсколькими примѣрами, то, говоря о переводѣ г. Михаловскаго, какъ составляющемъ предметъ настоящаго отчета, я привелъ почти всѣ примѣры, за весьма немногими, да и то незначительными, исключеніями. Небольшое ихъ количество, самый характеръ этихъ уклоненій, упущеній и т. п., относительная ихъ неважность показываютъ, что хотя, конечно, отсутствіе всего этого было бы крайне желательно, но поставить эти недостатки въ особую, непростительную вину переводчику было бы неумѣстною и несправедливою придирчивостью — въ виду совершенно подавляющихъ ихъ и количественно, и качественно, достоинствъ.

Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, обращаемъ прежде всего вниманіе на совершенную близость перевода къ подлиннику — близость, во многихъ мѣстахъ доходящую до буквальности. Какъ на особенно выдающіеся образцы въ этомъ отношеніи, надо указать: *въ 1-мъ дѣйствіи*—монологъ Антонія: «Но выслушай. Неумолимый долгъ» (стр. 414), монологъ Цезаря: «Ты слишкомъ добръ; допустимъ, что не грѣхъ» (стр. 415); *во 2-мъ дѣйствіи* — разговоръ Клеопатры съ гонцемъ (стр. 424); *въ 3-мъ дѣйствіи* — монологъ Антонія «Вы слышите, земля мнѣ запрещаетъ...» (стр. 440), его же, тираду: «Луна и звѣзды! отодрать его» (стр. 443), его же

монологъ «Когда отецъ твой живъ, пусть онъ жалѣетъ...» (стр. 444); *въ 4-мъ дѣйствіи* — монологъ Антонія: «Пропало все! меня проклятая египтянка сгубила!» (стр. 452),—его же слова: «Съ минуты той, какъ умерла царица!» (стр. 454), прощаніе его съ Клеопатрой передъ смертью (стр. 456); *въ 5-мъ дѣйствіи* — тираду Клеопатры: «Мнѣ о тебѣ Антоній говорилъ» (стр. 459), другую тираду ея же: «Онъ ногою перешагнулъ чрезъ океанъ» (стр. 460), ея предсмертные монологи: «Порфиру дай, корону мнѣ надѣнь» съ послѣдующими стихами (стр. 464) и др.[1]) — Изъ числа отдѣльныхъ оборотовъ и выраженій, прекрасно переведенныхъ, можно привести какъ примѣры: «Всѣ людскіе недостатки, какъ въ перечнѣ короткомъ, совмѣстились» («a man who is the abstract of all faults that all man follow»), — «Подавись твоими восторгами, коль повторишь...» («Be chok'd with such another emphasis»).—«Тебѣ я зубы въ кровь разобью» («I will give thee bloody theeth»), — «Если хочешь ты какъ нибудь скроить предлогъ для ссоры изъ лоскутковъ, въ запасѣ не имѣя готоваго и цѣльнаго куска...» («If you'll patch a quarrel, as matter whole you've not to make it with»),—«Процѣловали мы провинціи и царства!» («We have kiss'd away kingdoms and provinces»),—«Дозволено предъ розою поблекшей носъ зажимать тѣмъ людямъ, что̀, бывало, склонялись передъ почкой» («Against the blown rose may they stop their nose that kneel'd unto the buds»),—«Брось на кремень проступка моего ты сердце, что̀ засохло ужъ отъ горя; оно какъ пыль разсѣется». (Throw my heart against the flint and hardness of my fault, — Which, being dried with grief, will break to powder»)—«Его лице на небо походило; сіяли тамъ и солнце, и луна, бросая свѣтъ на маленькое *O*, которое землею называютъ» («His face was as the heavens; and therein stuck a sun and moon, which kept their course and lighted the little *O*, the earth»),—и много другихъ.

---

[1]) Въ приложеніи къ настоящему отчету приведены цѣликомъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ съ texte en regard.

Переводя такъ близко, г. Михаловскій умѣетъ при этомъ сохранять поэтичность и силу подлинника, т. е. близость внѣшнюю соединяетъ, если можно такъ выразиться, съ близостью внутренней. Вотъ одинъ изъ образцовъ такого совмѣщенія (это — мѣсто, переведенное почти буквально): Въ 5-й сценѣ 2-го дѣйствія къ Клеопатрѣ приходитъ гонецъ отъ Антонія; она спрашиваетъ о здоровьѣ римскаго тріумвира:

Гонецъ.

Да, онъ здоровъ.

Клеопатра.

Я золота прибавлю.
Но слушай, рабъ, — о мертвыхъ иногда
Мы говоримъ: «теперь они здоровы».
Коль этотъ смыслъ теперь въ твоихъ словахъ,
То золото я повелю расплавить
И влить въ твою зловѣщую гортань!

Гонецъ.

Но выслушай, царица...

Клеопатра.

Говори,
Я слушаю. Но у тебя лице
Добра совсѣмъ не предвѣщаетъ. Если
Антоній живъ, свободенъ — то къ чему
Унылое такое выраженье,
Чтобъ протрубить столь радостную вѣсть?
А если нѣтъ — ты долженъ бы явиться
Не въ образѣ обычномъ человѣка,
А фуріей, въ вѣнцѣ изъ змѣй.

Гонецъ.

Царица,
Благоволишь ли выслушать меня?

Клеопатра.

Мнѣ хочется сперва тебя побить.
Но если скажешь, что онъ живъ, здоровъ,
Другъ Цезаря и у него не въ рабствѣ,
Я золотымъ дождемъ тебя залью,
Жемчужный градъ я на тебя просыплю!...

Или во 2-й сц. 5-го дѣйствія слова Клеопатры:

. . . . . Онъ ногою
Перешагнулъ чрезъ океанъ; рукою,
Вверхъ поднятой, увѣнчивалъ онъ міръ,
А въ голосѣ его соединялась
Вся музыка небесныхъ сферъ, когда
Къ своимъ друзьямъ онъ съ рѣчью обращался.
Когда же онъ желалъ поколебать
Вселенную — тогда, подобно грому,
Онъ грохоталъ. Онъ въ щедрости своей
Не зналъ зимы; всегда была въ ней осень
Обильная: чѣмъ больше жали въ ней,
Тѣмъ болѣе тамъ жатва возростала.
Среди утѣхъ, онъ, какъ дельфинъ, всплывалъ
Всегда наверхъ, играя той стихіей,
Въ которой жилъ; слугами онъ имѣлъ
Властителей въ вѣнцахъ большихъ и малыхъ,
И изъ его кармана острова
И царства, какъ монета, высыпались...»

Или въ 11-й сц. 3-го дѣйствія тирада Антонія:

« . . . . . Эй, вы!
Сюда ко мнѣ!.. А, коршунъ, ты!.. О боги
И демоны!.. Уходитъ власть изъ рукъ...
Недавно такъ мнѣ стоило лишь кликнуть —
И тотчасъ, какъ мальчишки на игру,

Сбѣгалися цари и восклицали:
«Что повелишь?...» Эй, вы! Оглохли, что-ль?
Я все еще Антоній. Уберите
Вотъ этого шута, и — отстегать!»

Я нарочно выбралъ примѣры въ разномъ *тонѣ*, и это разнообразіе, умѣнье принаровить языкъ къ данному положенію, сообразно тому, какъ это сдѣлано въ подлинникѣ — тоже убѣдительно говоритъ въ пользу достоинства перевода. Серьезнаго одобренія заслуживаетъ и стихъ г. Михаловскаго въ этой работѣ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ одно изъ счастливыхъ — и немногочисленныхъ — исключеній въ большинствѣ нашихъ стихотворцевъ (какъ оригинальныхъ, такъ и переводчиковъ), которые очень безцеремонно и небрежно обращаются съ *бѣлымъ* стихомъ. Упуская изъ виду великій образецъ, данный Пушкинымъ въ «Борисѣ Годуновѣ», не давая себѣ труда помнить хотя бы первые четыре стиха изъ монолога Пимена — эти писатели дѣлаютъ изъ бѣлаго стиха ничто иное, какъ «рубленую прозу», гдѣ стихотворнаго только число слоговъ, гдѣ о цезурѣ, о правильномъ и звучномъ паденіи стиха, о возможно правильномъ и необходимомъ для плавности и благозвучія чередованіи мужскихъ и женскихъ окончаній нѣтъ и помину, гдѣ, относительно удареній, — которыя вѣдь тоже играютъ въ стихѣ такую значительную роль,—заботятся о правильности только грамматической и отнюдь не метрической. Г. Михаловскій, повторяю, представляетъ въ этомъ отношеніи одно изъ исключеній, и если между его стихами (какъ можно было видѣть уже изъ нѣсколькихъ вышеприведенныхъ примѣровъ) можно также насчитать извѣстное количество не удовлетворяющихъ условіямъ плавности, благозвучія, версификаціонной постройки, то въ большинствѣ случаевъ стихъ его можетъ выдержать строгую критику, а иногда онъ представляется и безукоризненнымъ, вполнѣ художественнымъ. Справедливость этого замѣчанія подтверждаютъ какъ помѣщенные въ приложеніи къ настоящему

отчету, такъ и только что приведенные образцы, къ которымъ мы могли бы присоединить еще не мало другихъ. Вотъ напримѣръ стихи, гдѣ соблюдены *всѣ* версификаціонныя—въ широкомъ смыслѣ — правила:

«Да какже! жди, чтобъ Цезарь, упоенный
Побѣдами, разрушилъ свой успѣхъ,
Вступивши въ бой съ такимъ, какъ ты, рубакой,
На диво всѣмъ. Какъ видно, умъ людей—
Ихъ счастья часть: отъ внѣшняго успѣха
Ихъ качества душевныя зависятъ:
Они растутъ иль гибнутъ вмѣстѣ съ нимъ».
(стран. 442).

Или:

«Я взялъ тебя объѣдкомъ на столѣ
У Цезаря-отца, или, вѣрнѣе,
Была ужъ ты остынувшимъ кускомъ
Помпеевымъ, не говоря о прочихъ
Твоихъ грѣхахъ, не вписанныхъ молвой,
Которымъ ты безумно предавалась...»
(Стран. 444).

Или:

«Но это такъ навѣрно будетъ, Ира.
Тамъ ликторы-нахалы будутъ насъ
Преслѣдовать, какъ непотребныхъ женщинъ;
Какой нибудь ничтожный рифмоплетъ
Насъ осмѣетъ въ своихъ нелѣпыхъ виршахъ.
Проворные комедіанты живо
Состряпаютъ комедію, и въ ней
Изобразятъ пиры въ Александріи...»
(Стран. 463).

Резюмируя все, сказанное о трудѣ г. Михаловскаго, просмотрѣнномъ мною и свѣренномъ съ подлинникомъ строка за строкою, прихожу къ выводу, что его переводъ «Антонія и Клео-

патры», сравнительно со всѣми предшествовавшими переводами этой трагедіи, представляется самымъ лучшимъ, а безотносительно—даетъ о подлинникѣ полное понятіе, знакомитъ съ нимъ во всѣхъ подробностяхъ, и, отличаясь при этомъ въ большинствѣ случаевъ совершенствомъ формы, обличаетъ всюду руку и опытнаго и талантливаго стихотворца, и надѣленнаго поэтическимъ чутьемъ и дарованіемъ человѣка.

Менѣе благопріятное — хотя все-таки очень хорошее—впечатлѣніе производитъ переводъ хроники «Ричардъ II».

Эта пьеса существуетъ на русскомъ языкѣ въ одномъ прозаическомъ (Кетчера) и двухъ стихотворныхъ (кромѣ г. Михаловскаго) переводахъ: гг. Костомарова (напечатано въ изданіи 1865 г. Гербеля) и Соколовскаго (въ третьемъ изданіи Гербеля).

Изъ этихъ двухъ переводовъ, для сравненія, остановлюсь на одномъ, лучшемъ между ними,— г. Соколовскаго. Здѣсь, какъ и въ сдѣланномъ имъ-же переводѣ «Антонія и Клеопатры», встрѣчаемся съ уже знакомыми намъ изъ настоящаго отчета достоинствами этого почтеннаго переводчика, и опять съ тѣмъ же крупнымъ недостаткомъ, значительно уменьшающимъ цѣнность его работъ: или распространеніемъ подлинника собственными добавленіями и «поясненіями», или произвольнымъ измѣненіемъ текста. Ограничусь двумя-тремя примѣрами.

Въ 3-й сц. 1-го дѣйствія слова короля «And for our eyes do hate the dire aspect — Of *cruel wounds plough'd up with neighbours' swords*» переведены: «Чтобъ избѣжать *междуусобныхъ распрей*, противныхъ намъ». — Въ той же сценѣ, въ монологѣ короля: «Постой, возьми съ собою прежде клятву» находимъ слова, которыхъ вовсе нѣтъ въ подлинникѣ: «Такъ какъ наше имя теперь вамъ стало чуждо, и вашъ долгъ престолу прекращается съ изгнаньемъ»; этою вставкою переводчикъ очевидно хочетъ комментировать слова подлинника, находящіяся въ этомъ мѣстѣ: «Our part therein we banish with yourselves». — Въ той же сценѣ слова Болингброка: «Fell sorrow's tooth doth never

rankle more — Than when it bites, but lanceth not the sore» — передѣланы такъ: «Нѣтъ страданья сильнѣй того, когда нарывъ готовъ прорвать свою болячку и не можетъ найти исхода».—Въ сц. 2-й дѣйствія 3-го русская рѣчь Скрупа далеко отступаетъ отъ англійской; для доказательства считаю нужнымъ привести то и другое. Въ подлинникѣ Скрупъ говоритъ:

«Glad am I that your highness is so arm'd
To bear the tidings of calamity.
Like an unseasonable stormy day,
Which makes the *silver rivers drown their shores,*
As if the world were all dissolv'd to tears;
So high above his limits swells the rage
Of Bolingbroke, *covering your fearful land*
With hard bright steel, and hearts harder than steel.
White-beards have arm'd *their thin and hairless scalps*
Against thy majesty; boys *with women's* voices
Strive to speak big, and clap their female joints
In stiff unwiedly arms against thy crown...» и т. д.

Г. Соколовскій переводитъ:

«Я радъ, что вы готовы такъ *покорно*
Идти на встрѣчу горю. Еслибъ міръ
Растаялъ весь въ слезахъ и наводнилъ
Въ ужасный бурный день собою рѣки,
То и тогда стремительный потокъ
Не превзошелъ бы ярость Болинброка.
За нимъ во слѣдъ идетъ, облекшись въ сталь,
Весь твой народъ съ сердцами жестче стали;
Сѣдой старикъ, поднявшись черезъ силу,
Идетъ *кой-какъ* противъ тебя. Ребята
Еще съ некрѣпкимъ голосомъ стремятся
Грубѣе говорить и облекаютъ
Себя въ тяжелый панцырь...»

Однимъ изъ самыхъ лучшихъ образцовъ того, какъ г. Соколовскій иногда измѣняетъ подлинникъ, можетъ служить окончаніе 3-й сц. 5-го дѣйствія. Герцогиня Іоркская пришла просить короля помиловать ея сына; она преклонила предъ нимъ колѣни, онъ проситъ ее встать, она возражаетъ:

«.....Nay, do not say «stand up»;
But «*pardon*» first, and afterwards «stand up».
An if I were thy nurse, thy tongue to teach,
«Pardon» should be the first word of thy speech.
I never long'd to hear a word till now;
Say «*pardon*», king.. let pity teach thee how:
The word is short, but not so short as sweet;
No word like «pardon» for king's mouth so meet».

Ея мужъ, герцогъ іоркскій, который напротивъ хочетъ, чтобъ ихъ сынъ былъ казненъ, какъ измѣнникъ, обращается къ королю со словами, въ которыхъ очевидно звучитъ иронической тонъ: «Speak it in french, king; say — *pardonnez-moi*» (т. е. въ смыслѣ извините — не могу).

А герцогиня, на это замѣчаніе мужа, обращается къ нему со словами:

«Dost thou teach pardon pardon to destroy?
Ah, my sour husband, my hard hearted lord,
That sett'st the word itself against the word!
Speak «pardon» as't is current in our land;
The chopping French we do not understand...»

Ясно, что въ этихъ рѣчахъ центръ тяжести заключается въ «pardon» и «pardonez moi» и что тутъ (особенно два послѣднихъ стиха) авторъ иронизируетъ ту французоманію, или, вѣрнѣе, то распространеніе французскаго языка въ Англіи, которое было еще отдаленнымъ послѣдствіемъ завоеванія Англіи Норманами. Между тѣмъ г. Соколовскій отбрасываетъ всю эту, такъ сказать, историческую сторону стиховъ, — и въ его переводѣ гер-

цогиня ни о какомъ «pardon» не говоритъ, а говоритъ просто о прощеніи, герцогъ насмѣшливыя слова подлинника передаетъ такъ: *О*, вымолви то слово: *извинись, что не даешь прощенья*!» а герцогиня въ отвѣтъ на это, вмѣсто замѣчанія на счетъ французскаго языка и просьбы сказать «pardon» по англійски, говоритъ: «Мы *шутокъ злыхъ* не можемъ понимать; скажи *душой!*» Но тутъ же мы читаемъ: «...Какъ онъ могъ имѣть жестокосердье — *Учить тебя словами такъ играть?*» — когда въ переводѣ нѣтъ ровно никакой игры словъ, когда даже слова: «dost thou teach pardon pardon to destroy?» замѣнены: «Воздержись такъ унижать святое милосердье!...»

Переводъ г. Михаловскаго свободенъ отъ подобныхъ крупныхъ упущеній, онъ богатъ тѣми же крупными достоинствами, которыя нашли мы въ «Антоніи и Клеопатрѣ», но въ общемъ, какъ сказано выше, менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ переводъ этой послѣдней трагедіи, и обличаетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторую поспѣшность, небрежность въ работѣ, устранить послѣдствія которой такому мастеру, какъ г. Михаловскій, было бы весьма легко.

Проявленіе этой поспѣшности я нахожу прежде всего въ отсутствіи — въ большей части случаевъ — рифмъ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стихи рифмованные. На счетъ этого пункта вообще существуютъ у переводчиковъ и компетентныхъ критиковъ два противоположныхъ мнѣнія. Одни, руководясь тѣмъ соображеніемъ, — и соображеніемъ справедливымъ, — что рифма у Шекспира весьма часто является совершенно случайно, безъ всякой внутренней поэтической потребности, находятъ ненужнымъ соблюденіе ея. Другіе (и этого постоянно держатся всѣ лучшіе переводчики нѣмецкіе, какъ извѣстно, вообще лучшіе переводчики Шекспира, что̀ происходитъ конечно и отъ сходства языковъ англійскаго и нѣмецкаго) — другіе, считая необходимымъ условіемъ хорошаго перевода близость къ переводу во *всѣхъ* отношеніяхъ, строго соблюдаютъ рифму во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ее употребляетъ авторъ. Мнѣ кажется, что правы послѣдніе,

хотя и мнѣ кидается въ глаза совершенно случайное рифмованіе стиховъ у Шекспира, лучше всего доказываемое тѣмъ, что многіе стихи въ его пьесахъ, имѣющіе вполнѣ прозаическій, повседневный характеръ и смыслъ, рифмованы, а многіе такіе, которые сами по себѣ полны глубокой поэзіи, проникнуты въ высокой степени драматическимъ или лирическимъ элементомъ, остаются стихами бѣлыми. Если бы г. Михаловскій отбрасывалъ рифмы по вышеупомянутому *убѣжденію* въ безполезности соблюденія этой особенности, то съ нимъ можно было бы спорить, но нельзя было бы его осуждать, такъ какъ этотъ вопросъ все-таки остается открытымъ, и, какъ уже замѣчено выше, такого же мнѣнія держатся иныя, вполнѣ компетентныя въ такомъ дѣлѣ лица. Но г. Михаловскій въ настоящемъ случаѣ, т. е. при переводѣ «Ричарда II», дѣйствуетъ очевидно не на основаніи какой нибудь теоріи, а тоже совсѣмъ случайно, какъ ему вздумается, ибо одни стихи у него рифмованы, другіе, такого же свойства по ихъ внутреннему смыслу и характеру — бѣлые; иногда случается и такъ, что въ одномъ и томъ же монологѣ, тирадѣ и т. п., которые въ подлинникѣ написаны рифмами съ начала до конца, въ переводѣ стихи идутъ то съ рифмами, то безъ нихъ. Какъ примѣръ этой послѣдней особенности, можно привести конецъ 1-й сцены 4-го дѣйствія, гдѣ, въ противоположность подлиннику, въ которомъ все въ этомъ мѣстѣ рифмовано, начало (отъ стиха «Явилася, вся красотой сіяя» до «Да, и рукой, и сердцемъ разлучиться») съ рифмами, далѣе (отъ стиха «Сошлите вы со мной и короля» до «Чтобы разбить его теперь, когда....») рифмъ нѣтъ, а послѣдніе четыре снова срифмованы. — Въ 1-й сценѣ 3-го дѣйствія рифмованное мѣсто подлинника отъ стиха короля: «Why at our justice seem'st thou, then, to lour?» до словъ маршала: «As far as land will let me, by your side» — переведено бѣлыми стихами, но въ срединѣ вдругъ попадаются двѣ рифмы: «Какъ ни было то мнѣ прискорбно, больно — Свободу, вредъ мнѣ нанести невольно». — Въ 3-й сц. 5-го д. г. Михаловскій, согласно съ подлинникомъ, начинаетъ рифмовать

стихи отъ словъ герцогини: «О, выслушай, дверь отвори сейчасъ», но вдругъ, со стиха «Я противъ нихъ склоню мои колѣни» прекращаетъ рифмованіе до конца сцены. Тоже и въ окончаніи 5-й сц. 5-го дѣйствія, гдѣ два стиха рифмованные, за ними шесть бѣлыхъ, и потомъ опять два рифмованныхъ. — Совершенное отсутствіе рифмы нахожу, между прочимъ, въ 8 послѣднихъ стихахъ монолога Болинброка: «Начну съ того» (стр. 70),— въ части 1-й сц. 1-го дѣйствія отъ словъ «Брось, Нòрфолькъ, мы тебѣ повелѣваемъ» до «Туда, гдѣ срамъ живетъ: въ лице Маубрэя!» (стр. 71—72), — и въ нѣсколькихъ другихъ отдѣльныхъ стихахъ. — Здѣсь же считаю нужнымъ указать и на встрѣчающееся иногда у переводчика, но почти нигдѣ не употребляемое Шекспиромъ, *чередованіе* рифмъ мужскихъ и женскихъ. Напримѣръ: «О, пусть никто напрасныхъ слезъ не льетъ—Когда меня пронзитъ копье Маубрэя. — Какъ сокола за птицею полетъ — Увѣренъ мой полетъ противъ злодѣя» (стр. 74). Или: «И такъ, для свѣта родины моей—Я принужденъ закрыть отнынѣ очи — И жить среди торжественныхъ тѣней—Томительной и безконечной ночи!» — (стр. 75). Или: «Ну, Іоркъ, насталъ теперь и твой чередъ: — Печальна смерть, но съ ней—конецъ печали;—Пусть Гантъ у насъ, какъ презрѣвшій плодъ, — Но мы еще пока не умирали...» (стр. 80).—И друг.—Что г. Михаловскій, поступая такимъ образомъ съ рифмами и не дѣйствуя въ этомъ случаѣ въ силу теоріи, вмѣстѣ съ тѣмъ и не находился въ зависимости отъ трудности дѣла, доказывается тѣмъ, что въ другихъ мѣстахъ перевода онъ обращается съ рифмами совершенно свободно и въ этомъ отношеніи преодолѣваетъ даже значительныя трудности, умѣя соединить соблюденіе рифмы съ изяществомъ стиха и близостью къ подлиннику; примѣры этого — въ приложеніи къ настоящему отчету. — Слѣдовательно, повторяю, если считать такое отношеніе къ рифмамъ подлинника погрѣшностью противъ этого послѣдняго, то причина здѣсь, какъ я думаю на основаніи вышесказаннаго, заключается только въ большей или меньшей поспѣшности работы.

Признавая переводъ «Ричарда II» менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ переводъ «Антонія и Клеопатры», я имѣю въ виду и нѣсколько большее, сравнительно съ послѣднимъ, присутствіе здѣсь недостатковъ тѣхъ категорій, которыя указаны выше въ разборѣ «Антонія и Клеопатры».

Во 1-хъ, невѣрности. Въ 1-й сценѣ 1-го дѣйствія Норфолькъ говоритъ королю: «Each day still better other's happiness; — *Until* the heavens, envying earth's good hap — Add an immortal title to your crown!». Г. Михаловскій въ переводѣ этихъ стиховъ замѣняетъ «*Until*» словомъ «Пусть» («Пусть небеса, завидуя землѣ — Безсмертіемъ украсятъ вашъ вѣнецъ!») и чрезъ это измѣняетъ смыслъ, такъ какъ въ подлинникѣ рѣчь идетъ именно о смерти, — не говоря уже о томъ, что слово «пусть» выражаетъ какъ бы *пожеланіе* Норфолька, чтобы король умеръ и тѣмъ стяжалъ себѣ безсмертіе.—На стран. 72 слова «цвѣтущій *дубъ*» почему-то замѣнили «one flourishing *branch*». — Въ самомъ началѣ 2-й сцены 2-го дѣйств. королева, на просьбу Бёши не предаваться унынію, какъ она то обѣщала королю, возражаетъ: «Да, чтобъ его не огорчать; но *все же*—Я не могу избавиться отъ грусти;—*Причинъ ея* не знаю, кромѣ той, *Что я теперь въ разлукѣ съ милымъ мужемъ*». А въ подлинникѣ читаемъ: «To please the King, I did (т. е. обѣщала); to *please myself* — I cannot do it; yet I know *no cause — Why I should welcome such a gu*[e]st as grief — Save bidding farewell *to so sweet a guest* — As my sweet Richard». — Въ 5-й сценѣ 4-го д. Ричардъ уподобляетъ свою корону «a deep well. — That owes two buckets, filling one another;—The emptier ever dancing in the air,—The other down, unseen, and full of water». У г. Михаловскаго эти два ведра изображены такъ: «Пустое завсегда — *Стремится вверхъ*, а полное водою — Незримо все *внизъ спускается*», — т. е. и переведено неправильно, и невѣрно само по себѣ. — Въ началѣ 5-й сц. послѣдняго дѣйствія слова короля: «Thougts tending to content flatter themselves — That they are not the first of fortune's slaves — Nor shall not be the last» — г. Михаловскій

переводитъ: «Тѣ мысли, что̀ желаютъ примирить — Меня съ судьбой, стараются утѣшить — Тѣмъ, что я здѣсь не первый рабъ ея, — А также, что не буду и послѣднимъ...»

Во 2-хъ, пропуски. Въ рѣчи герцогини во 2-й сц. 1-го д. («Why, then, I will») остался непереведеннымъ стихъ: «A caitiff recreant to my cousin Hereford!» — Въ монологѣ Норфолька «Какой бы мнѣ теперь ни выпалъ жребій» (стр. 74) опущены послѣднія слова: «Truth hath a quiet breast». — Въ дѣлаемой Гаунтомъ (1-я сц. 2-го д.) характеристикѣ Англіи одно опредѣленіе «This fortress built by Nature for herself—Against infection and the hand of war» переведено однимъ словомъ «*природная* твердыня», а другое — «this little world» совсѣмъ опущено, тогда какъ именно въ этомъ монологѣ, очевидно, тенденціознаго характера, не должно быть ни малѣйшаго пропуска. — Въ словахъ Норфолька о королѣ (стр. 81): «Растрачены всѣ деньги не для войнъ» опущенъ послѣдній стихъ: «More hath he spent in peace than they in wars». — Въ монологѣ герцога Іоркскаго «Tut, tut! Grace me no grace» пропущены слова «That young Mars of men». — Въ приказаніи, которое Болинброкъ — въ 3-й сценѣ 3-го дѣйствія — отдаетъ Нортемберленду на счетъ осады замка, остались непереведенными очень образныя слова «his (замка) *ruined ears*», хотя тутъ же «ребра» этого замка (ribs) въ переводъ вошли. — И нѣсколько другихъ пропусковъ въ такомъ же родѣ. — Сюда же должно отнести и опущеніе эпитетовъ, встрѣчающееся чаще, чѣмъ въ переводѣ «Антонія и Клеопатры».

Отмѣтимъ въ 3-хъ присутствіе нѣсколькихъ сокращеній и измѣненій съ одной стороны, и двухъ-трехъ добавленій — съ другой. Въ числѣ первыхъ укажу для примѣра: «Giving reins and spurs» превращено въ «Волю дать» (стр. 70); — вмѣсто «*butchers* of his life» поставлено просто «его *убійцы*» (стр. 72); — приговоръ короля Норфольку: «The hopeless word of «never to return» breathe I against thee» выраженъ такъ: «Въ рѣшеніи, постигнувшемъ тебя, надежды нѣтъ» (стр. 75); — «eye of heaven», которое «visits» землю, замѣнено «свѣтящимъ солнцемъ» (стр. 77),

точно такъ же, какъ «волны» замѣнили «the envious siege of watery Neptune» (стр. 79); — слова «Сгоняя нашъ румянецъ» (стр. 80) поставлены вмѣсто: «chasing the royal blood from his native residence»; — слова Болинброка: «This and much more, much more than twice all this, condemns you to the death» переведены: «Вотъ *часть* того, что̀ предаетъ васъ смерти» (стр. 87); образное выраженіе «Their thundering shock at meeting tears the cloudy cheeks of heaven» передано «Ударъ громовый, при встрѣчѣ ихъ, внезапно разорветъ небесный сводъ, покрытый облаками» (стр. 91). — «Я съ головы снимаю *мой вѣнецъ*» говоритъ Ричардъ (стр. 98) вмѣсто «*this heavy weight*» Слова его же: «Would he (лошадь) not... break the neck of *that proud man that did usurp his back*» переведены кратко: «И не сломилъ онъ шеи *съдоку?*» — И нѣсколько другихъ въ такомъ же родѣ. — Что касается до добавленій къ тексту или распространеній его, то они замѣчены мною только въ четырехъ мѣстахъ: на стр. 82 къ словамъ «слѣпящихъ слезъ» прибавлено отсутствующее въ подлинникѣ «туманомъ»; — тутъ же, въ томъ же монологѣ, находимъ принадлежащее переводчику уподобленіе (хотя оно и идетъ сюда) «граненому хрусталю»; — на стр. 88, въ монологѣ короля Ричарда лишній стихъ «въ безуміи восторга своего»; на стр. 90, въ монологѣ его же, такой же лишній стихъ: «забвеніе о бренности своей...»

Въ 4-хъ, есть погрѣшности относительно языка и стиха. Напр. на стран. 87: «. . . Сдѣлали несчастнымъ — Счастливаго по роду своему — И по чертамъ характера монарха» (два родит. падежа, затемняющихъ смыслъ); — на стр. 95: «Языкъ... пренебрежетъ отречься»; — на стр. 70: «Вторично я тебѣ вбиваю въ ротъ» (вмѣсто — «въ глотку»); на стр. 73: «Какой привѣтъ услышитъ онъ, за *исключеньемъ* (очень прозаично) стоновъ?»; — на стр. 99: «Солная (слово, едва-ли употребляемое) вода»; — тутъ же: «сельчанинъ»; — на стр. 98: «Подайте мнѣ корону. Вотъ, кузенъ, бери ее — не съ этой стороны, а съ той, — здѣсь я возьму» (тогда какъ въ подлинникѣ совершенно просто: «on this side my hand,

and on that side yours»); — на стр. 107: «И шпоры *мнѣ* вонзаетъ Болинброкъ»; — стихи, оканчивающіеся неблагозвучно и неправильно: «вы слишкомъ грустны, государыня» (стр. 82); — «найдемъ себѣ душеприкащиковъ» (стр. 89); — «что̀ говоритъ его величество?» и «дозволитъ ли его величество?» (стр. 93); — «наряднаго костюма для празднествъ».

Но и въ «Ричардѣ II» недостатки перевода, въ родѣ и съ характеромъ вышеуказанныхъ — недостатки, которые, какъ и въ переводѣ «Антонія и Клеопатры», не существенно важны въ отрицательномъ смыслѣ, хотя — повторяемъ снова — здѣсь они болѣе нарушаютъ гармонію цѣлаго, чѣмъ въ первой изъ разобранныхъ нами работъ, — всѣ они съ избыткомъ покрываются достоинствами перевода, опредѣлять которыя значило бы повторять то, что̀ говорилось о достоинствахъ перевода «Антонія и Клеопатры». Приводя въ приложеніи нѣсколько примѣровъ и близости къ подлиннику, и сохраненія при этомъ условій художественности и поэтичности, сдѣлаю здѣсь перечень тѣхъ мѣстъ, которыя особенно даютъ этому труду право на серьезное и безпристрастное одобреніе: Окончаніе 3-й сц. 4-го дѣйств. отъ словъ: «Всѣ мѣстности, гдѣ только свѣтитъ солнце» до «Когда изъ ранъ исхода нѣтъ у ней»; — въ 4-й сц. того же дѣйствія монологъ Ричарда: «Кузенъ, онъ нашъ кузенъ, но сомнѣваюсь»; — во 2-й сц. 3-го дѣйствія монологъ его же: «Ужели ты не знаешь, малодушный?» и Скрупа: «Я радъ, что вы готовы, государь»; тутъ же и тирада Ричарда: «О, гадины, мерзавцы, негодяи!» и его слова: «Усядемся и грустныя сказанья» — до конца этой рѣчи; — въ 3-й сц. этого же дѣйствія обращеніе Болинброка къ Нортемберленду: «Нортемберлендъ, идите къ ребрамъ замка»; тутъ же весь монологъ Ричарда: «Что жъ королю осталось? покориться?»; — въ д. 4-мъ, 1-я сц. тирада Омерля: «Принцы и лорды, что̀ я долженъ отвѣчать презрѣнному?»; — тутъ же монологъ Ричарда: «Увы, зачѣмъ я призванъ къ королю?»; — заключительныя слова трагедіи, начиная отъ словъ Экстона: «Я приношу твой погребенный страхъ»; и друг.—Заслуживаетъ также вниманія умѣнье

переводчика справиться съ тѣми мѣстами, гдѣ въ подлинникѣ игра словъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Напр. въ 1-й сц. 2-го д. монологъ Гаунта, гдѣ авторъ играетъ словомъ «Gaunt» какъ собственнымъ именемъ, и словомъ, означающимъ «сухопарый, высохшій», г. Михаловскій передаетъ такъ: Ричардъ спрашиваетъ Гаунта: «Ну, какъ живешь, какъ можешь старый Гантъ?» А тотъ отвѣчаетъ:

«Какъ мнѣ къ лицу подходитъ это имя!
Да, Гантъ—сухарь, отъ старости засохшій!
Во мнѣ печаль держала скучный постъ —
Кто не худѣлъ отъ долгаго пощенья?
Я бодрствовалъ за спящую отчизну —
Безсонница кого не изнуритъ?
А изнуренье сушитъ человѣка.
. . . . . .
Да, я такъ сухъ, что годенъ для могилы,
Сухъ, какъ сама могила, гдѣ лежатъ
Въ ея пустой утробѣ только кости».

Удачно переведено вышеупомянутое мѣсто, гдѣ «pardon» и «pardonnez-moi», хотя напрасно слово «pardon» замѣнено русскимъ «прощенье», тогда какъ «pardonnez-moi» и все послѣдующее (о французскомъ языкѣ) сохранено.

Считаю все вышесказанное достаточнымъ, чтобы показать, что оба перевода г. Михаловскаго, особенно «Антонія и Клеопатры», составляютъ капитальное пріобрѣтеніе въ нашей переводной поэзіи вообще, а относительно Шекспира, въ частности, являются такимъ трудомъ, который, при исправленіи указанныхъ нами легкихъ недостатковъ, долженъ быть признанъ безукоризненнымъ въ художественномъ отношеніи. На этомъ основаніи, и принимая притомъ во вниманіе всю долговременную дѣятельность на этомъ поприщѣ (въ началѣ настоящаго отчета охарактеризованную) г. Михаловскаго, я считалъ бы совершенно справедливымъ присудить ему *половинную Пушкинскую премію.*

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ отчету о переводахъ „Антонія и Клеопатры“ и „Ричарда II“ Шекспира — Д. Л. Михаловскимъ.

I.

Изъ «Антонія и Клеопатры».

1.

(Дѣйствіе 3-е, сцена 9-я).

Подлинникъ.

Antony. Hark! the land bids me tread no more upon't, —
It is asham'd to bear me! — Friends, come hither:
I am so lated in the world, that I
Have lost my way for ever: — I've a ship
Laden with gold; take that, divide it; fly,
And make your peace with Caesar.
All. Fly! Not we.
Antony. I've fled myself; and have instructed cowards
To run and show their shoulders. — Friends, be gone;
I have myself resolv'd upon a course
Which has no need of you; be gone:
My treasure's in the harbour, take it. — O,
I follow'd that I blush to look upon:
My very hairs do mutiny; for the white
Reprove the brown for rashness, and they them

For fear and doting. — Friends, be gone: you shall
Have letters from me to some friends that will
Sweep your way for you. Pray you, look not sad,
Nor make replies of loathness: take the hint
Which my despair proclaims; let that be left
Which leaves itself: to the sea-side straight way:
I will possess you of that ship and treasure.
Leave me, I pray, a little: pray you now: —
Nay, do so; for, indeed, I've lost command,
Therefore I pray you...

Переводъ.

Антоній. Вы слышите, земля мнѣ запрещаетъ
Ходить по ней: носить меня ей стыдно.
Друзья мои, на этомъ свѣтѣ я
Такъ запоздалъ, что потерялъ дорогу,
И навсегда. Есть у меня корабль,
Весь золотомъ наполненный: возьмите
Его себѣ, богатствомъ подѣлитесь
И къ Цезарю бѣгите,

Всѣ. Мы? О, нѣтъ!

Ант. Я самъ бѣжалъ и трусовъ научилъ
Я способу показывать затылокъ.
Друзья мои, уйдите; я рѣшился
Итти путемъ, гдѣ вы не нужны мнѣ.
Моя казна — тамъ, въ гавани; возьмите....
Какъ сильно я увлекся тѣмъ, на что
Теперь взглянуть не въ силахъ, не краснѣя!
Всѣ волосы на головѣ моей
Возмущены; сѣдые нападаютъ
На темные, за безразсудство ихъ,
А черные — на сѣдину, за трусость.
Бѣгите жъ отъ меня; я дамъ вамъ письма
Къ моимъ друзьямъ; они проложатъ путь вамъ.
Я васъ прошу: не будьте такъ печальны,

Не спорьте и примите вы совѣтъ,
Что̀ вамъ мое отчаянье диктуетъ.
Оставьте то, что̀ бросило себя;
Отправимся на пристань, передамъ я
Вамъ тотъ корабль съ сокровищемъ моимъ.
Теперь меня оставить на минуту
Прошу я васъ, да, именно прошу:
Повелѣвать — ужъ я лишился права.

2.

(Дѣйствіе 4-е, сц. 10-я).

Подлинникъ.

Antony. . . . . All is lost.
This foul Egyptian hath betraÿed me;
My fleet hath yielded to the foe; and yonder
They cast their caps up, and carouse together
Like friends long lost. — Triple-turn'd whore'tis thou
Hast sold me to this novice; and my heart
Makes only wars on thee. — Bid them all fly;
For when I am reveng'd upon my charm,
I have done all: — bid them all fly; be gone. —
O, sun, thy uprise shall I see no more;
Fortune and Antony part here; even here
Do we shake hands. — All come to this? — The hearts
That spaniel'd me at heels, to whom I gave
Their wishes, do discandy, melt their sweets
On blossoming Caesar; and this pine is bark'd,
That overtopp'd them all. Betray'd I am:
O, this false soul of Egypt! this grave charm —
Whose eye beck'd forth my wars, and call'd them
home;

Whose bosom was my crownet, my chief end —
Like a right gipsy, hath, at fast and loose,
Beguil'd me to the very heart of loss. —
What, Eros, Eros!...

Переводъ.

. . . . . Пропало все! Меня
Проклятая египтянка сгубила.
Мой флотъ сдался, побратался съ врагомъ.
Тамъ вверхъ они теперь бросаютъ шапки
И вмѣстѣ пьютъ, какъ старые друзья,
Что̀ ужъ давно другъ съ другомъ не видались.
Трекратная блудница! Это ты,
Ты продала меня молокососу, —
И злобствую я только на тебя.
(Сквару). Вели имъ всѣмъ бѣжать. Иди. — О, солнце,
Мнѣ не видать восхода твоего!
Фортуна и Антоній разстаются, —
Какъ разъ вотъ здѣсь прощаются они.
И все дошло до этого? Сердца,
Что̀ ластились ко мнѣ, какъ собаченки,
Которыхъ я желанья исполнялъ —
Растаяли и изливаютъ сладость
На Цезаря цвѣтущаго; сосна,
Которая надъ всѣми возносилась
Вершиною, ободрана. Я преданъ.
О, лживая египетская тварь!
Зловредная волшебница, что̀ взглядомъ
Мои войска могла послать въ походъ,
Иль отозвать обратно; ты, чья грудь
Была моимъ вѣнцомъ и главной цѣлью —
Какъ истая цыганка обманула
И провела меня до самой бездны
Погибели... Эй, Эросъ, Эросъ, Эросъ!...

3.

(Дѣйствіе 5-е, сцена 2-я).

Подлинникъ.

Cleop. His legs bestrid the ocean; his rear'd arm
Crested the woldd; his voice was propertied
As all the tuned spheres, and that to friends;
But when he meant to quail and shake the orb,
He was as rattling thunder. For his bounty,
There was no winter in't; an autumn't was
That grew the more by reaping; his delights
Were delphin-like: they show'd his back above
The element they liv'd in: in his livery
Walk'd crowns and crownets; realms and islands were
As plates dropp'd from his pocket.

Переводъ.

. . . . . Онъ ногою
Перешагнулъ чрезъ океанъ; рукою,
Вверхъ поднятой, увѣнчивалъ онъ міръ,
А въ голосѣ его соединялась
Вся музыка небесныхъ сферъ, когда
Къ своимъ друзьямъ онъ съ рѣчью обращался;
Когда же онъ желалъ поколебать
Вселенную, тогда, подобно грому,
Онъ грохоталъ. Онъ въ щедрости своей
Не зналъ зимы; всегда была въ ней осень
Обильная: чѣмъ больше жали въ ней,
Тѣмъ болѣе тамъ жатва возрастала.
Среди утѣхъ, онъ какъ дельфинъ всплывалъ
Всегда наверхъ, играя той стихіей,
Въ которой жилъ. Слугами онъ имѣлъ
Властителей въ вѣнцахъ большихъ и малыхъ,
И изъ его кармана острова
И царства, какъ монета, разсыпались.

4.

(Тамъ же).

Подлинникъ.

Cleop. Give me my robe, put on my crown; I have
Immortal longings in me; now no more
The juice of Egypt's grape shall moist this lip:
Yare, yare, good Iras; quick. — Me thinks, I hear
Antony call; I see him rouse himself
To praise my noble act; I hear him mock
The luck of Caesar, which the gods give men
Texcuse their after wrath. Husband, I come.
Now to that name my courage prove my title!
I'm fire and air; my other elements
I give to baser life... So, — have you done?
Come then, and take the last warmth of my lips.
Farewell, kind Charmian. Iras, long farewell.
Have I the aspic in my lips? Dost fall?
If thou and nature can so gently part,
The stroke of death is as a lover's pinch,
Which hurts, and is desir'd. Dost thou lie still?
If thus thou vanishest, thou tell'st the world
It is not worth leave-taking.

Переводъ.

Порфиру дай, корону мнѣ надѣнь.
Томлюся я желаньемъ безсмертья.
Отнынѣ губъ мопхъ не усладитъ
Сокъ изъ лозы египетской. Ну, Ира,
Поторопись. Мнѣ кажется, я слышу
Антонія призывъ: вотъ онъ встаетъ,
Чтобъ похвалить меня за мой поступокъ.
Я слышу, какъ надъ Цезаревымъ счастьемъ
Смѣется онъ: намъ боги счастье шлютъ,
Чтобъ оправдать ихъ будущую кару.

Иду, супругъ. Такъ называть тебя
Я мужествомъ моимъ достигла права.
Я вся — огонь и воздухъ; низшей жизни
Всѣ прочія стихи отдаю.
Ну, кончили? Примите же послѣдній
Горячій поцѣлуй мой. Харміана,
Прощай. И ты прощай на вѣки, Ира.
Упала ты? Ужели ядъ эхидны
Въ моихъ губахъ таится? Если такъ
Легко съ своей ты жизнію разсталась,
То смерть — щипокъ любовника, который
Пріятенъ намъ, хоть причиняетъ боль.
Спокойна ты? Когда ты такъ скончалась,
То міру ты тѣмъ самимъ говоришь,
Что съ нимъ совсѣмъ не стоитъ и прощаться.

II.

Изъ «Ричарда II».

1.

(Дѣйствіе 3-е, сцена 2-я).

Подлинникъ.

Rich. . . . . .

. . . . . .

. . . nothing can we call our own but death,
And that small model of the barren earth
Which serves as paste and cover to our bones.
For God's sake, let me sit upon the ground
And tell sad stories of the death of kings:
How some have been depos'd; some slain in war;
Some haunted by the ghosts they have depos'd;
Some poison'd by their wives; some sleeping kill'd;

All murder'd. For within the hollow crown
That rounds the mortal temples of a king
Keeps Death his court; and there the antic sits,
Scoffing his state, and grinning at his pomp;
Allowing him a breath, a little scene
To monarchize, be fear'd, and kill with looks;
Infusing him with self and vain conceit,—
As if this flesh, which walls about our life,
Were brass impregnable; and humour'd thus,
Comes at the last, and with a little pin
Bores through his castle-wall and—farewell king!
Cover your heads, and mock not flesh and blood
With solemn reverence; throw away respect,
Tradition, form, and ceremonious duty;
For you have but mistook me all this while.
I live with bread like you, feel want, taste grief,
Need friends: — subjected thus,
How can you say to me, I am a king?

Переводъ.

Что̀ можемъ мы назвать теперь своимъ?
Лишь смерть, да клокъ земли, что̀ намъ послужитъ
Покрышкою и ложемъ для костей.
Усядемся, и грустныя сказанья
Припомнимъ мы о смерти королей.
Одни изъ нихъ низвергнуты съ престола,
Другіе же погибли на войнѣ,
Преслѣдуемы призраками были
Монарховъ, что̀ низвергнули они,
Иль женами отравлены своими,
Иль, спящіе, убиты... Сколько ихъ
Умерщвлено!.. Да, въ пустотѣ короны,
Надъ бренными висками короля,
Гнѣздится смерть; тамъ шутъ сидитъ коварный,
Глумящійся надъ пышностью его,

Играющій его верховной властью.
И этотъ шумъ даетъ ему дышать,
Разыгрывать коротенькую сцену
Державнаго величія, быть грознымъ,
И взглядами своими убивать,
Внушивъ ему пустое самомнѣнье,
Забвеніе о бренности своей[1]),
Какъ будто плоть, оградою которой
Окружена земная наша жизнь,
Вся отлита изъ вѣковѣчной мѣди.
И наконецъ, натѣшившись надъ нимъ,
Подкрадется — и маленькой булавкой
Твердыню ту проткнетъ — прощай, король!
Накройте же вы головы, милорды;
Торжественнымъ почтеніемъ своимъ
Надъ плотію и кровью не глумитесь;
Отбросьте прочь преданія и формы,
Пустой почетъ и пышный этикетъ;
До этихъ поръ во мнѣ вы ошибались;
Подобно вамъ я пищею живу,
Я чувствую и скорби, и лишенья,
Нуждаюсь я въ друзьяхъ, подвластенъ я:
Какъ можете вы звать меня монархомъ?...

2.

(Дѣйствіе 4-е, сцена 1-я).

Подлинникъ.

Rich. Alack, why am I sent for to a king,
Before I have shook off the regal thoughts
Wherewith I reign'd? I hardly yet have learn'd

---

[1]) Лишній стихъ.

T'insinuate, flatter, bow and bend my knee:
Give sorrow leave awhile to tutor me
To this submission. Yet I will remember
The favours of these men; were they not mine?
Did they not sometime cry «All hail» to me?
So Iudas did to Christ: but he, in twelve,
Found truth in all but one; I, in twelve thousand, none.
God save the king!—Will no man say amen?
Am I both priest and clerk? Well then, amen.
God save the king! Although I be not he;
And yet, amen, if heaven do think him me.

Переводъ.

Увы, зачѣмъ я призванъ къ королю,
Не отрѣшась отъ королевскихъ мыслей,
Съ которыми я царствовалъ? Я льстить,
Наушничать, сгибать мои колѣни
И кланяться еще не научился:
Такъ дайте срокъ, чтобы меня печаль
Покорности подобной научила.
Однакоже, я помню хорошо
Черты людей вотъ этихъ. И не мнѣ-ль
Недавно такъ они принадлежали?
Не мнѣ-ль они «да здравствуетъ!» кричали?
Такъ поступилъ Іуда со Христомъ,
Но изъ двѣнадцати учениковъ
Лишь въ немъ одномъ Христосъ нашелъ измѣну;
Я жъ вѣрности не нахожу ни въ комъ,
И у меня Іудъ двѣнадцать тысячъ!..
Да здравствуетъ король! Ужель не скажетъ
Никто «Аминь?» Ужель, въ одномъ лицѣ,
Я долженъ быть — священникъ и прпчетникъ?
И такъ, «аминь!» да здравствуетъ король!
Я — не король, но говорю «аминь!»
Когда меня такимъ считаетъ небо...

4.

(Дѣйствіе 5-е, сцена 6-я).

Подлинникъ.

Exton. Great king, within this coffin I present
Thy buried fear; herein all breathless lies
The mightiest of thy greatest ennemies,
Richard of Bordeaux by me hither brougth.
Boling. Exton, I thank thee not; for thou hast wrought
A deed of slander, with thy fatal hand,
Upon my head and all this famous land.
Ext. From your own mouth, my lord, did I this deed.
Boling. They love not poison that do poison need,
Nor do I thee: though I did wish him dead,
I hate the murderer, love him murdered.
The guilt of conscience take thou for thy labour,
But neither my good word nor princely favour;
With Caïn go wander through the shades of night,
And never show thy head by day nor light.
Lords, I protest, my soul is full of woe;
That blood should sprinkle me to make me grow;
Come, mourn with me for that I do lament,
And put on sullen black incontinent:
I'll make a voyage to the Holy Land,
To wash this blood off from my guilty hand.
March sadly after; grace my mourning here,
In weeping after this untimely bier.

Переводъ.

Экст. Я приношу твой погребенный страхъ.
Вотъ здѣсь, въ гробу, лежитъ бездушный прахъ
Сильнѣйшаго изъ всѣхъ твоихъ враговъ —
Прахъ Ричарда.
Бол. Но благодарныхъ словъ
За то не жди. Позорное дѣянье

Губительной рукой ты совершилъ;
Ты голову мою стыдомъ покрылъ
И всю страну.

Экст. Я лишь твое желанье
Исполнилъ

Бол. Ядъ противенъ и тому,
Кто принужденъ прибѣгнуть былъ къ нему:
Такъ точно ты мнѣ ненавистенъ сталъ.
Хоть Ричарда кончины я желалъ, —
Теперь, когда его убитымъ вижу,
Люблю его, убійцу — ненавижу.
Возьми за трудъ души преступной гнетъ,
Но отъ меня ни ласки, ни щедротъ
Не ожидай, и съ Каиномъ скитайся
Во тьмѣ ночной, при свѣтѣ не являйся.
Милорды, вамъ свидѣтельствую я:
Прискорбіемъ полна душа моя,
Что кровь мое величье обагрила,
Едва на тронъ моя нога вступила.
Надѣньте трауръ, мы къ землѣ святой
Отправимся, со скорбію глубокой,
Смыть эту кровь съ руки моей жестокой.
Съ печалію послѣдуйте за мной.
Почтите здѣсь вы трауръ мой унылый
Рыданіемъ надъ этою могилой.

III.

Комедія Мольера «*Школа женъ*», въ переводѣ В. С. Лихачева. Разборъ Ѳ. Д. Батюшкова.

Переводчику Мольера представляется на первыхъ порахъ важное преимущество сравнительно съ переводами тѣхъ памятниковъ иностранной литературы, гдѣ на ряду съ заботою о передачѣ своеобразнаго стиля и характера изложенія существенно важнымъ является требованіе *буквальности* перевода. Дѣло въ томъ, что Мольеръ самъ не стоялъ за буквальную точность воспроизведенія текстовъ своихъ комедій и относился очень небрежно къ изданію ихъ; онъ говаривалъ, что пьесы его предназначены не для записи, а для игры. Одна изъ его пьесъ («Le cocu imaginaire») была даже издана по памяти простымъ зрителемъ этой комедіи Neufvillenaine'омъ. «Безпечность Мольера, говоритъ Сентъ-Бёвъ, доходила до того, что онъ такъ таки и не переиздалъ вновь названной пьесы, хотя Neufvillenaine и признается въ томъ, чего слѣдовало ожидать даже безъ его признанія, а именно, что въ его текстѣ, записанномъ по памяти, могли вкрасться многочисленныя обмолвки, одни слова за другія. О Расинъ, о Корнель, восклицаетъ при этомъ Сентъ-Бёвъ, что-бы сказали вы, если бы посторонній человѣкъ представилъ такимъ образомъ передъ публикой ваши произведенія, въ которыхъ каждое слово имѣетъ существенное значеніе (où chaque mot a son prix)!» Такое отношеніе автора къ своимъ произведеніямъ объясняется отчасти характеромъ его пьесъ, въ которыхъ бытовыя сцены преобладаютъ, и представляется возможность, безъ особаго ущерба для смысла и основной идеи комедіи, замѣнить одно выраженіе другимъ аналогичнымъ, вставлять или опускать нѣсколько фразъ, приноравливаясь къ колебаніямъ живой, разго-

ворной рѣчи. Правда, все вышесказанное относится преимущественно къ произведеніямъ въ прозѣ. Въ «In-promptu de Versailles» Мольеръ говоритъ актрисамъ, затруднявшимся исполнить новую его пьесу, подъ предлогомъ недостаточно твердо заученныхъ ролей: «quand même vous ne les sauriez pas tout-à-fait, pouvez vous pas y suppléer de votre esprit, puisque c'est de la prose et que vous savez votre sujet» (явл. 1-е). Съ произведеніями въ стихахъ приходилось и приходится, очевидно, обходиться бережнѣе, тѣмъ болѣе, что Мольеръ обладалъ необычайной легкостью стиха. Буало не могъ надивиться — до какой степени риѳмы Мольера отличаются непринужденностью, и спрашивалъ — откуда онъ беретъ ихъ (où trouve-t-il ses rimes)? Эта особенность таланта Мольера налагаетъ немаловажную отвѣтственность на переводчика, который, переводя стихами комедію Мольера, долженъ стараться передать эту непринужденность разговорной рѣчи.

Напомнимъ за тѣмъ, что языкъ Мольера считается во Франціи образцовымъ и съ литературной точки зрѣнія. По замѣчанію V. de Laprade (Essais de critique idéaliste, 173): «Molière parle dans le *Misanthrope* et les *Femmes savantes* la langue la plus parfaite qui ait jamais obéi à un grand écrivain». Правда, еще Лабрюеръ упрекалъ Мольера въ нѣкоторыхъ «варваризмахъ», но мы считаемъ умѣстнымъ привести объясненіе мнѣнію Лабрюера, предложенное E. Faguet (Les grands maîtres du XVII-e s., 35); его полезно принять во вниманіе и при разборѣ перевода Мольера. «Par *barbarisme* et *jargon*, говоритъ Faguet, La-Bruyère désignait les néologismes, dont la langue de Molière, surtout à partir de 1659, est pleine. Inutile de faire remarquer que Molière étant devenu classique, et l'un des auteurs où nous apprenons notre langue, ses néologismes sont des termes courants aujourd'hui; La Bruyère, qui avait raison pour son temps, paraît étrange dans son assertion, quand on ne fait point réflexion à ce revirement». Итакъ языкъ Мольера болѣе близокъ къ теперешнему языку, чѣмъ многія произведенія его современниковъ, и переводчикъ Мольера на иностранный языкъ долженъ стараться

по возможности приблизиться къ тому, что считается въ данное время образцовымъ литературнымъ языкомъ.

Что касается содержанія большинства комедій Мольера, обрисовки характеровъ и типовъ, то нельзя не оцѣнить на первомъ планѣ крайней объективности творчества этого великаго мастера въ воспроизведеніи жизни. Сентъ-Бёвъ назвалъ эту особенность произведеній Мольера его «универсальностью»: «En s'attaquant à la société de son temps, Molière a représenté la vie qui est partout celle du grand nombre, et au sein de moeurs déterminés qu'il châtiait au vif il s'est trouvé avoir écrit pour tous les hommes». Отсюда тотъ живой интересъ, который Мольеръ возбуждалъ съ давнихъ поръ не только у себя на родинѣ, но и за границей. Его произведенія оказали весьма существенное вліяніе на нѣмецкую литературу, разсмотрѣнію котораго посвящены нѣкоторыя работы Lindau (Molière in Deutschland, 1867), Humbert (M. in Deutschland, 1883) и недавно обнародованная книга Ehrhard'a, Les comédies de Molière en Allemagne (Paris, 1888) гдѣ подробно разобрано отношеніе къ Мольеру — Готшеда, Лессинга, Гете, Коцебу и др.[1]). У насъ, какъ извѣстно, переводъ комедіи Мольера «Врачь по неволѣ» принадлежитъ къ числу первыхъ произведеній иностранныхъ *классическихъ* писателей, попавшихъ въ репертуаръ только что зарождавшагося русскаго театра[2]). Быть можетъ, этотъ фактъ — случайный и мы не имѣемъ права заключать отсюда о томъ, что Мольера у насъ издавна понимали и цѣнили; быть можетъ отчасти способствовали его популярности сами сюжеты его комедій[3]), которые въ большин-

[1]) Ср. Litteraturblatt f. Rom. und German. Philologie, 1890, November, 410—412.

[2]) «*О докторѣ битомъ*» въ «Описаніи комедіямъ... 1709 года». Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ Великомъ, I, 428—29. Переводъ этой пьесы до насъ не дошелъ, — но сохранились другіе одновременные переводы: «Amphitryon» («порода Геркулесова»), les Précieuses ridicules («Драгыя смѣяныя») и друг. изданы Н. С. Тихонравовымъ въ Лѣтоп. русской литерат. и древностей.

[3]) Г. Морозовъ (Исторія русск. театра, 260) припоминаетъ по поводу «Le médecin malgrés lui» разсказъ однороднаго содержанія, записанный Олеаріемъ со словъ пастора Беера, объ одномъ случаѣ съ Борисомъ Годуновымъ.

ствѣ случаевъ принадлежатъ къ тѣмъ бродячимъ, международнымъ разсказамъ, которые нравятся по своей общности, примѣнимости ко всякому времени и обстоятельствамъ. Во всякомъ случаѣ общность темы является нѣкоторымъ преимуществомъ при передачѣ произведенія на иностранный языкъ, такъ какъ въ ней не оказывается ничего такого, что затрудняло бы пониманіе зрителей, что нуждалось бы въ комментированіи. Но, конечно, болѣе существенна отмѣченная объективность творчества Мольера, благодаря которой дѣйствующія лица его пьесъ не скалькированы съ дѣйствительности, а обобщены въ типы. Отсюда напрасная забота его современниковъ указать опредѣленное лицо, на которое-де написана та или другая изъ его комедій. Мольеръ осмѣялъ эти попытки въ «In-promptu de Versaille», гдѣ между прочимъ говоритъ устами Brécourt'a: «Voila de quoi j'ouis l'autre jour se plaindre Molière...: il disait que rien ne lui donnait du déplaisir, comme d'être accusé de regarder quelqu'un dans les portraits qu'il fait, que son dessein est de peindre les moeurs sans vouloir toucher aux personnes; et que tous les personnages qu'il a présentés sont des personnages en l'air et des fantômes proprement, qu'il habille à sa fantaisie pour réjouir les spectateurs; qu'il serait bien fâché d'y avoir jamais marqué qui que ce soit, et que si quelque chose était capable de le dégoûter de faire des comédies, c'était les ressemblances qu'on y voulait toujours trouver» и т. д. Эта черта творческой дѣятельности Мольера особенно симпатична и упрочиваетъ долговременный успѣхъ его театра.

Указанныя качества таланта Мольера, съ внѣшней и внутренней стороны, опредѣляютъ точку зрѣнія, съ которой мы должны оцѣнивать переводъ его произведенія. Въ «Школѣ женъ», признанной даже Шлегелемъ (который, вообще, довольно строгъ въ оцѣнкѣ Мольера) [1]) одной изъ лучшихъ бытовыхъ комедій нашего автора, эти качества выступаютъ особенно рельефно.

[1]) Ср. Stapfer, Petite comédie de la critique littéraire; Molière selon trois écoles philosophiques, p. 66 и 81.

Авторъ, правда, не выводитъ въ ней тѣхъ сложныхъ и въ своемъ родѣ выдающихся характеровъ, глубоко продуманныхъ и олицетворяющихъ тѣ или другія порочныя страсти человѣка въ ихъ крайнемъ развитіи, какъ онъ это дѣлалъ въ трехъ, четырехъ пьесахъ, признанныхъ chef-d'œuvre'ами театра Мольера. Дѣйствующія лица въ «Школѣ женъ» болѣе обыкновенные, болѣе дюжинные люди. Основная же мысль пьесы сводится къ простой, житейской морали, къ нѣсколькимъ ходячимъ сентенціямъ: «Не издѣвайся надъ несчастіями ближнихъ, такъ какъ самъ можешь подвергнуться имъ [1])»; «Учись цѣнить людей по ихъ личнымъ качествамъ, а не по тому положенію, въ которое они становятся по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ» [2]); «Невѣрность жены есть несчастіе, въ которомъ не всегда повиненъ супругъ [3]), но отъ него зависитъ сумѣть поставить себя такимъ образомъ, чтобы злословія свѣта его не задѣвали и чтобы съ достоинствомъ переносить свое несчастіе» [4]). «Нельзя насиловать природу искусственными пріемами: голосъ сердца пробьется, какъ бы ни старались его задавить; въ женщинѣ онъ могучій рычагъ, который въ состояніи неожиданно преобразовать даже простушку, какъ бы заботливо ни была она ограждена отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ и жизнью» [5]). Всѣ эти сентенціи просто

---

[1]) Ср. нижеслѣдующія мѣста въ комедіи: Дѣйств. I, сц. 1-я, Кризальдъ: «qui rit d'autrui doit craindre qu'en revanche on rie aussi de lui» и дальше: «il faut craindre un revers de satyre Et l'on ne doit jamais jurer sur tel cas De ce qu'on pourra faire, ou bien ne faire pas».

[2]) Дѣйств. IV, явл. VIII, Кризальдъ: «Pourquoi voulez-vous croire Que de ce cas fortuit dépende notre gloire, Et qu'une âme bien née ait à se reprocher L'injustice d'un mal qu'on ne peut empêcher?» и дальше: «être avare, brutal, fourbe, méchant et lâche N'est rien à votre avis auprès de cette tache»?

[3]) Дѣйств. I, явл. 1, Кризальдъ: «Ce sont coups du hasard dont on n'est point garant».

[4]) Дѣйств. IV, явл. 8, Кризальдъ: «Des coups du hasard aucun n'étant garant, Cet accident de soi doit être indifférent Et enfin tout le mal, quoique le monde glose, N'est que dans la façon de *recevoir* la chose».

[5]) Дѣйств. III, явл. 4, Орасъ: «L'amour est un grand maître: Ce qu'on ne fut jamais il nous enseigne à l'être Et souvent de nos moeurs l'absolu changement Devient par ses leçons l'ouvrage d'un moment. ...Il rend agile à tout l'âme la plus pesante Et donne de l'esprit à la plus innocente».

и естественно вяжутся съ содержаніемъ комедіи; поучительные уроки вытекаютъ какъ результатъ нагляднаго примѣра; дѣйствіе развивается по схемѣ незамысловатой фабулы, которая неоднократно пересказывалась на разные лады въ разныхъ литературахъ [1]). Нельзя не признать, что эта фабула сама по себѣ представляла благодарную канву для комическихъ ситуацій: влюбленный юноша (Орасъ) откровенно пробалтывается о своихъ сердечныхъ дѣлахъ тому, котораго онъ считаетъ своимъ другомъ, не подозрѣвая, что онъ и есть тотъ самый соперникъ, на котораго онъ жалуется (Арнольфъ); молодая дѣвушка (Агнеса) простодушно разсказываетъ своему благодѣтелю, который хочетъ на ней жениться, о встрѣчахъ и знакомствѣ съ юношей, который завладѣлъ ея сердцемъ, сама еще не отдавая себѣ отчета въ первыхъ порывахъ пробуждающейся страсти. Благодѣтель и фальшивый другъ—одно и то же лицо; отсюда рядъ комичныхъ сценъ, правдоподобность которыхъ поддерживается двойнымъ именемъ героя пьесы: Мольеръ выставилъ его себялюбивымъ и заносчивымъ сплетникомъ, чванливымъ и вздорнымъ, несмотря на напускной ореолъ «умника»; и вотъ для того, чтобы придать себѣ больше важности, этотъ разбогатѣвшій буржуа присоединяетъ къ своему имени прозвище пріобрѣтеннаго имъ имѣнія и требуетъ, чтобы его величали господинъ де Ласушъ. Между тѣмъ его молодой другъ зналъ его лишь подъ прежнимъ именемъ Арнольфа. Развязка—быть можетъ, нѣсколько искуственна, что уже не разъ ставилось въ укоръ пьесѣ: дѣло не обходится безъ «дяди изъ Америки», онъ же и пропавшій было безъ вѣсти отецъ молодой дѣвушки; тожественность Арнольфа и де Ласуша установлена; обманъ раскрывается и отецъ Агнесы выдаетъ ее благополучно замужъ за избранника ея сердца. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы не было этой нѣсколько запутанной для театральной пьесы исторіи о тайномъ бракѣ родителей Агнесы,

---

[1]) Ср. Eug. Despois, Oeuvres de Molière (въ Les grands écrivains de la France), III, стр. 115—119.

объ отъѣздѣ ея отца въ Америку, гдѣ онъ наживаетъ состояніе и откуда нежданно возвращается, какъ deus ex machina; но въ сущности романическая подкладка отнюдь не мѣшаетъ дѣйствію: комедія разыгрывается живо и непринужденно, отъ начала до конца, совершенно независимо отъ закулисной исторіи, которая ускоряетъ лишь развязку. Вся пьеса выдержана въ веселомъ и игривомъ тонѣ [1]), съ остроумными замѣчаніями, съ нѣсколькими «словечками», которыя вошли въ пословицу. При переводѣ комедіи необходимо было удержать этотъ тонъ, необходимо—передать граціозную наивность рѣчей Агнесы, язвительный и задорный характеръ первоначальныхъ рѣчей Арнольфа, затѣмъ его раздраженіе и постепенно усиливающуюся страсть къ Агнесѣ по мѣрѣ того, какъ эта овечка ускользаетъ изъ его рукъ; нужно было оттѣнить спокойно-выдержанный характеръ рѣчей резонера Кризальда и вульгаризмы жаргона деревенской прислуги, которую Арнольфъ приставилъ къ дѣвушкѣ, взятой имъ на воспитаніе.

Г. Лихачевъ справился весьма удовлетворительно съ большинствомъ тѣхъ трудностей, которыя ему пришлось преодолѣть при переводѣ комедіи. Этотъ переводъ имѣетъ огромныя преимущества передъ прежнимъ переводомъ той же пьесы г. Минаева [2]), который, кстати замѣтимъ, невѣрно и озаглавилъ пьесу «школою женщинъ»; рѣчь въ ней именно о *женахъ*, а не о *женщинахъ* вообще. Избранный г. Лихачевымъ свободный, басенный размѣръ гораздо лучше подходитъ къ содержанію пьесы въ русской передачѣ, чѣмъ тяжеловатый шестистопный ямбъ, которымъ г. Минаевъ хотѣлъ передать двѣнадцатисложный размѣръ стиха подлинника. Въ этомъ случаѣ забота о сохраненіи размѣра подлинника — напрасный педантизмъ, такъ какъ въ угоду ей жертвуются другія болѣе существенныя условія хоро-

[1]) Кромѣ послѣднихъ сценъ, гдѣ страсть Арнольфа принимаетъ патетическій характеръ.

[2]) Напечатанъ первоначально въ «*Живописномъ Обозрѣніи*» за 1882 г., №№ 46, 47, 48, 49 и 50.

шаго перевода—правильность и непринужденность рѣчи. Чтобы дать наглядное понятіе о преимуществахъ перевода г. Лихачева, мы приведемъ слѣдующую выдержку en regard съ французскимъ текстомъ и сопоставимъ съ нею соотвѣтствующее мѣсто въ переводѣ г. Минаева. Прелестный по своей наивности и простодушію разсказъ Агнесы о первой встрѣчѣ ея съ тѣмъ, который сталъ ея возлюбленнымъ, переданъ г. Лихачевымъ чрезвычайно просто и естественно:

Дѣйствіе II, явленіе VI.

Arnolphe.	Арнольфъ.
...Mais enfin contez-moi cette histoire	...такъ раскажи мнѣ толкомъ...
Agnès.	**Агнеса.**
Elle est fort étonnante et difficile à croire.	Разскажу...
J'étais sur le balcon à travailler au frais,	И какъ же васъ я поражу!
Lorsque je vis passer sous les arbres d'auprès	Сижу я какъ-то на балконѣ,
Un jeune homme bien fait qui, rencontrant ma vue,	Работаю. Какъ разъ передо мной
D'une humble révérence aussitôt me salue.	Проходитъ господинъ — красивый, молодой
Moi, pour ne point manquer à la civilité,	И кланяется — чтожь! дурного нѣтъ въ поклонѣ...
Je fis la révérence aussi de mon côté.	Я кланяюсь въ отвѣтъ: не отвѣчать
Soudain il me refait une autre révérence;	*Видь* было-бъ вовсе не учтиво
Moi, j'en refais de même une autre en diligence,	Онъ мнѣ вторично — я опять;

Et lui d'une troisième aussitôt repartant,	Онъ въ третій разъ — и я; все это быстро, живо.
D'une troisième aussi j'y repars à l'instant.	Ушелъ. Вернулся. Взадъ, впередъ.
Il passe, vient, repasse, et toujours de plus belle	И каждый разъ какъ подойдетъ —
Me fait à chaque fois révérence nouvelle;	Поклонъ. Я глазъ съ него, понятно [1]), не спускаю
Et moi qui tous ses tours fixement regardais	И въ свой чередъ
Nouvelle révérence aussi je lui rendais:	На всѣ его поклоны отвѣчаю.
Tant que si sur ce point la nuit ne fût venue	Такъ безъ конца бы шло,
Toujours comme cela je me serais tenue	Когда-бъ насъ ночь не разлучила,
Ne voulant point céder, ni recevoir l'ennui	Иначе [2]) въ голову придти ему могло,
Qu'il me pût estimer moins civile que lui.	Что онъ меня учтивѣй!

Переводъ намъ кажется вполнѣ удовлетворительнымъ и представляющимъ благодарный текстъ для исполнительницы роли Агнесы. Теперь напомнимъ переводъ г. Минаева:

Арнольфъ.

...но передай исторію мнѣ эту (галлицизмъ).

Агнеса.

Она пречудная, скажу вамъ *по секрету* (зачѣмъ: «по секрету»? Агнеса и не думала скрываться).

Сводила у окна *я счеты* какъ-то разъ (неудачная замѣна: мо-

---

[1]) Лучше бы: «признаться» или «все время», такъ-какъ вставленное переводчикомъ «понятно» не вполнѣ умѣстно.

[2]) «Иначе» не совсѣмъ подходитъ: «Я не хотѣла, чтобъ ему на умъ пришло»...

лодая дѣвушка, по системѣ Арнольфа, не должна была имѣть даже письменныхъ принадлежностей у себя, ср. дѣйствіе III).

Когда замѣтила въ аллеѣ мимо насъ
Идущаго внизу мущину молодого.
Онъ поклонился мнѣ; я не была *сурова* (не тотъ оттѣнокъ),
И на поклонъ его *послала* свой поклонъ (*посылаютъ* поклоны только письменно или черезъ третье лицо)
Тогда раскланялся со мной вторично онъ,
Кивнула головой я и сама вторично — (не *кивнула*, а отдала поклонъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости, въ которой молодые люди затѣяли соревноваться)
Иначе поступить мнѣ было неприлично;
Онъ въ третій разъ затѣмъ поклонъ отвѣсилъ мнѣ,
Я — тоже, вѣжливой желая быть вполнѣ;
Потомъ онъ много разъ прошелся мимо оконъ
И мнѣ не кланяться, *понятно*, ужъ не могъ онъ (совсѣмъ не *понятно*),
А между тѣмъ съ него я не сводила глазъ
И кланялась ему въ отвѣтъ я каждый разъ.
И еслибъ темная ночь скоро не настала,
Я-бъ кланяться ему навѣрно продолжала,
Чтобъ *даже* онъ не смѣлъ подумать никогда (почему *даже?*),
Что я невѣжлива, спѣсива и горда.

Уже не говоря объ отсутствіи точности въ переводѣ, здѣсь столько вставлено лишнихъ словъ въ угоду стихамъ и размѣру, такъ тяжелъ стиль и тонъ изложенія, что Мольеровскаго въ этомъ разсказѣ весьма мало остается. Мы ограничимся этой выпиской, чтобы больше не возвращаться къ сравнительной оцѣнкѣ обоихъ переводовъ: быть можетъ въ другихъ мѣстахъ г. Минаевъ точнѣе воспроизвелъ оригиналъ, чѣмъ г. Лихачевъ, но это не представляетъ интереса, такъ какъ его переводъ лишенъ

всякой художественности выполненія и слишкомъ далекъ отъ оригинала по отсутствію живости и правдивости стиля и характера рѣчей.

Мы уже указали, что въ этомъ отношеніи г. Лихачевъ гораздо лучше справился съ своей задачей. Но къ сожалѣнію, въ его переводѣ имѣются погрѣшности: дѣло идетъ, конечно, не о нѣкоторыхъ вполнѣ естественныхъ и допустимыхъ отклоненіяхъ отъ оригинала, отъ которыхъ не страдаетъ ни смыслъ пьесы, ни характеристика дѣйствующихъ лицъ. Мы поставили бы въ упрекъ переводчику нѣкоторыя произвольныя измѣненія въ текстѣ и неточности въ передачѣ *смысла*, проистекающія отъ недостаточно вдумчиваго отношенія къ содержанію комедіи. На разсмотрѣніе этихъ мѣстъ сомнительнаго достоинства мы и остановимся.

Отмѣтимъ сперва вставку, врядъ ли умѣстную, въ 1-й сценѣ, 1-го дѣйствія, гдѣ Арнольфъ бесѣдуетъ съ Кризальдомъ о своемъ предстоящемъ бракѣ. Рѣчь идетъ также о вышеупомянутой замѣнѣ имени Арнольфа другимъ, приставнымъ—де Ласушъ. Во французскомъ текстѣ есть одно мѣсто, которое можетъ показаться темнымъ для русскаго зрителя, такъ какъ Арнольфъ, помимо претензіи на болѣе громкую, псевдо-аристократическую фамилію, намекаетъ еще на какую-то другую причину, почему онъ не любитъ своего имени, но не называетъ ее:

«La Souche plus qu'Arnolphe à mes oreilles plait»

говоритъ онъ, и далѣе:

«de la Souche est le nom que je porte:
J'y vois de la raison, j'y trouve des appas».

Въ комментаріяхъ къ изданіямъ Мольера поясняется, что по средневѣковымъ традиціямъ, уцѣлѣвшимъ до времени Мольера, Арнольфъ былъ эпонимомъ обманутыхъ мужей и сложилось преданіе о святомъ Арнольфѣ, какъ объ ихъ покровителѣ. Такимъ образомъ въ самомъ имени, данномъ Мольеромъ своему герою, считающему положеніе обманутаго мужа самымъ позорнымъ на свѣтѣ, заключался комическій умыселъ. Г. Лихачевъ пожелалъ

это разъяснить русской публикѣ, приноравливаясь къ потребностямъ сценическаго исполненія, и вложилъ въ уста самого Арнольфа, вмѣсто первой изъ вышеприведенныхъ фразъ, нижеслѣдующее признанье:

къ тому-жь
Святой Арнольфъ — ты знаешь — покровитель
Обманутыхъ мужей...

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о произвольности вставки, безъ оговорокъ въ примѣчаніи, мы находимъ такое признаніе неудобнымъ въ устахъ самого Арнольфа: самолюбивый и заносчивый человѣкъ могъ *про себя* тяготиться именемъ, которое способно было вызывать насмѣшки; но никогда онъ въ этомъ не признался бы *публично*. Арнольфъ къ тому же слишкомъ уменъ, чтобы такъ наивно выдавать себя[1]). Ужь если допускать пояснительную вставку, то намъ казалось бы удобнѣе придать ее, какъ aparte, собесѣднику Арнольфа—Кризальду: Послѣ словъ Арнольфа: «j'y trouve de la raison», Кризальдъ могъ бы замѣтить въ сторону—дескать мы знаемъ какая это причина, и объяснить публикѣ, что святой Арнольфъ покровитель обманутыхъ мужей. (Въ изданіи текста слѣдовало бы во всякомъ случаѣ помѣтить, что это вставка переводчика). Фразу же: «La Souche plus qu'Arnolphe à mes oreilles plait» надлежало передать цѣликомъ, такъ какъ иначе стушевывается претензія Арнольфа на яко-бы дворянское происхожденіе. Значеніе частицы *де* тоже непонятно непосвященной русской публикѣ, и чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Лихачевъ долженъ былъ бы пояснить, что съ нею фамилія звучитъ «благороднѣе». Но далѣе, непонятнымъ въ русскомъ переводѣ остается и каламбуръ: Monsieur de l'Isle (=île), какъ назвалъ себя Gros-Pierre, окопавъ свою усадьбу канавой и сдѣлавъ изъ нея такимъ образомъ родъ острова[2])... Мы отнюдь не

[1]) См. ниже.

[2]) Полагаютъ, что Pierre de l'Ile острота Мольера на Thomas Corneille, который присвоилъ себѣ имя Monsieur de l'Ile. Кстати, напомнимъ, что Минаевъ передаетъ по русски Mr. de l'Isle — «де Лизль», очевидно не понявъ каламбура.

ставимъ въ укоръ переводчику того, что онъ не передалъ непереводимаго, но думаемъ, что надо быть крайне осторожнымъ въ пояснительныхъ вставкахъ и въ настоящемъ случаѣ не согласны съ ея умѣстностью. Самымъ благоразумнымъ было бы придерживаться точной передачи текста, не вставляя комментарій для непосвященной публики; всего не разъяснить, такъ пусть-же каждый изъ зрителей понимаетъ тонкія аллюзіи по своему разумѣнію.

Теперь объ одной замѣнѣ, предложенной переводчикомъ, и кажущейся намъ не вполнѣ оправдываемой.

Въ разсматриваемой нами пьесѣ есть нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя вызвали въ свое время оживленные споры, подвергались жестокой критикѣ и тѣмъ не менѣе остались въ традиціи и даже вошли въ пословицу. Это пресловутые: «tarte à la crème», «potage» и «les enfants par l'oreille». Переводъ этихъ остро́тъ представлялъ несомнѣнныя затрудненія, но съ двумя изъ нихъ г. Лихачевъ справился весьма удачно. Онъ даже сумѣлъ передать въ общедоступной формѣ ссылку на спеціально-французскую игру въ corbillon, заключающуюся въ томъ, что всѣ садятся въ кругъ, а одно лицо обходитъ играющихъ, будтобы съ корзиной въ рукѣ, и спрашиваетъ: что положатъ въ нее? Каждый по очереди долженъ назвать какой-нибудь предметъ, риѳмующій съ *corbillon;* если онъ обмолвится, то платитъ фантъ. Характеризуя идеалъ супруги, не имѣющей ни малѣйшаго книжнаго образованія и даже незнающей что такое риѳма, Арнольфъ говоритъ:

S'il faut qu'avec elle on joue au corbillon
Et qu'on vienne à lui dire à son tour qu'y met-on?
Je veux qu'elle réponde — *une tarte à la crème.*
En un mot, qu'elle soit d'une ignorance extrême.

Г. Лихачевъ переводитъ:

Пускай въ игрѣ хоть этой модной
Не въ рѳму скажетъ что-нибудь.

Ну, напримѣръ: «Вамъ что угодно?»
«Ахъ, *сладкій пирожокъ!*» Ей ей, не въ этомъ суть...

Это вполнѣ удовлетворительно[1]). Тоже удачно передано и сравненіе ревнивца съ человѣкомъ, который не хочетъ подѣлиться «похлебкой»; тривіяльность сравненія оттѣняетъ низкій умственный уровень Алэна. Но за тѣмъ, съ третьимъ «словечкомъ» г. Лихачевъ не справился. Дѣло въ томъ, что Арнольфъ, восторгаясь наивностью Агнесы, разсказываетъ, что она какъ-то была въ большомъ затрудненіи и спросила его:

(Дйств. I, сц. 1) Elle était fort en peine et me vint demander
Avec une innocence à nulle part pareille
Si les enfants qu'ont fait se faisaient par l'oreille?

За эту шутку Мольеръ подвергся нападкамъ: его упрекнули въ скабрезномъ умыслѣ и нашли остроту неприличной. Мы не будемъ приводить полемики, которую вызвало это «les enfants par l'oreille», но напомнимъ, что самъ Мольеръ, защищаясь отъ взведенныхъ на него обвиненій, въ своей «Critique de l'école des femmes» справедливо указываетъ, что данное мѣсто служитъ прежде всего къ характеристикѣ Арнольфа: «Pour ce qui est des «enfants par l'oreille», говоритъ онъ устами Доранта, «ils ne sont plaisants que par réflexion à Arnolphe et l'auteur n'a pas mis cela pour être de soi un bon mot, mais seulement pour une chose qui caractérise l'homme et peint d'autant mieux son extravagance, puisqu'il rapporte une sottise triviale qu'a dite Agnès, comme la chose la plus belle du monde et qui lui donne une joie inconcevable» (сц. VIII). Несомнѣнно, что нѣкоторый скабрезный

---

[1]) Г. Минаевъ замѣнилъ игру въ «corbillon» игрою въ карты:

Чтобъ... карты въ руки взявъ, смотря во всѣ глаза,
Не отличала бы шестерки отъ туза.

Карты никогда не входили въ число предметовъ воспитанія, о которомъ идетъ рѣчь, и посему не могутъ быть приравнены «римамъ», такъ какъ просодіѣ обучались въ школѣ.

умыселъ въ «словечкѣ» есть, но дѣйствительно оно характерно по отношенію къ Арнольфу, человѣку нѣсколько пошловатому и находящему извѣстнаго рода смакъ въ наивной двусмысленности вопроса Агнесы. Г. Лихачевъ замѣнилъ «les enfants par l'oreille»—разсказомъ о капустномъ листкѣ:

Да вотъ еще — потѣха!
Вѣдь не повѣрилъ бы никто —
Ко мнѣ является и проситъ
Ей объяснить — святая простота!
Изъ подъ капустнаго ль дѣйствительно листа
И братцевъ и сестрицъ къ намъ бабушка приноситъ?

Мы положительно противъ такой замѣны: выходитъ слишкомъ банально и нисколько не характерно по отношенію къ Арнольфу. Дословный переводъ въ этомъ случаѣ не могъ представить затрудненій и мы стояли бы за точную передачу смысла фразы:

«Дѣтей, которыхъ приживаютъ, — не изъ ушей ли ихъ рожаютъ?»

Исправлять Мольера — слишкомъ рисковано и по нашему мнѣнію неумѣстно. Въ настоящемъ случаѣ, если допустить такое исправленіе, то можно, пожалуй, подвергнуться подозрѣнію въ той крайней щепетильности «précieuses» временъ Мольера, которымъ нашъ авторъ зло отомстилъ замѣчаніемъ, что вѣроятно-де эти женщины «étaient plus chastes des oreilles que de tout le reste du corps (Crit. de l'Ec. des f., sc. III)». И такъ, остроту Мольера нужно было сохранить и потому, что она характерна въ устахъ такихъ господъ, какъ Арнольфъ, и потому, что она пріобрѣла извѣстность, стала однимъ изъ пресловутыхъ «словечекъ» Мольера.

Непонятнымъ промахомъ г. Лихачева является переводъ игры въ *наперстокъ* (?) вмѣсто игры въ кости. Переводчикъ смѣ-

шалъ dé — наперстокъ, и dé — кости, вѣроятно по разсѣянности, такъ какъ нельзя предполагать въ немъ незнанія значенія этихъ двухъ омонимовъ. Но вообще все это мѣсто (дѣйств. IV, сцена 8-я) передано по русски очень туманно. Мольеръ, намекая на одну фразу въ комедіи Теренція[1]), влагаетъ въ уста Кризальда слѣдующее замѣчаніе: «такъ какъ жена дается намъ судьбою, то нужно поступать по отношенію къ ней, какъ въ игрѣ въ кости: если вамъ не выпадаетъ желаемаго, то пустите въ ходъ ловкость и, принаровившись, исправьте умѣлымъ образомъ дѣйствія слѣпой случай»[2]). У г. Лихачева совсѣмъ иначе и неясно:

Кризальдъ. Я говорю: кому дана
Судьбой невѣрная жена,
Тотъ пусть какъ при игрѣ въ наперстокъ (!) поступаетъ:
Чего желаетъ онъ — того, положимъ, нѣтъ;
Тогда одно: вооружись терпѣньемъ (причемъ тутъ терпѣнье?),
На хитрости пустись и ловкимъ поведеньемъ
Оберегай себя отъ худшихъ бѣдъ.

Ясно, что переводчикъ въ настоящемъ случаѣ не понялъ текста и присочинилъ что-то невполнѣ подходящее.

Отмѣтивъ отступленія отъ оригинала болѣе общаго характера, мы теперь остановимся на разсмотрѣніи въ частностяхъ

---

[1]) Adelph., дѣйств. VI, сцена 8-я: ...quasi cum ludos tesseris:
Si illud quod maxime opus est jactu non cadit
Illud quod cecidit sorte, id arte ut corrigas.

[2]) Chrysalde. Comme c'est le sort qui nous donne une femme
Je dis que l'on doit faire ainsi qu'au jeu de dés:
Où, s'il ne vous vient pas ce que vous demandez
Il faut jouer d'adresse et d'une âme réduite
Corriger le hasard par une bonne conduite.

Выраженіе «d'une âme reduite» (дословно — вправленною душою, réduire: вправлять вывихъ) нынѣ вышло изъ употребленія; но его значеніе было именно—принаровиться, освоиться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Despois объясняетъ «d'une âme réduite»: «en rabattant de ses prétentions et de ses espérances».

передачи роли Арнольфа, занимающаго центральное мѣсто въ комедіи. Возникаетъ вопросъ: насколько вѣрно переданы тонкіе штрихи, характеризующіе эту личность? Насколько идея Мольера точно воспроизведена? Съ этой точки зрѣнія оказывается, что и мелочныя на видъ подробности имѣютъ довольно существенное значеніе и неточная передача нѣкоторыхъ частностей придаетъ невѣрное освѣщеніе личности въ ея цѣломъ.

Арнольфъ, независимо отъ вышеуказанныхъ недостатковъ, человѣкъ не безъ ума[1]), тонкій пересмѣшникъ и, задѣвая другихъ, никогда не выходитъ изъ границъ дозволеннаго приличіемъ. Г. Лихачевъ не выдержалъ этого тона и придалъ излишнюю грубоватость рѣчамъ Арнольфа. Такъ, въ 1-й сценѣ I-го дѣйств., Кризальдъ удивляется, что такой прославленный насмѣшникъ и критикъ чужихъ браковъ, какъ Арнольфъ, рѣшается самъ подвергнуться риску супружескаго счастья. Арнольфъ отвѣчаетъ ему тонкимъ уколомъ: «Быть можетъ, другъ мой, у васъ найдутся поводы опасеніямъ за насъ; ужь не кажется ли вамъ, что рога служатъ неизбѣжнымъ украшеніемъ всякого супружества?»[2]). Г. Лихачевъ передаетъ это мѣсто такъ:

Скажу и я нелицемѣрно:
Быть можетъ ты и правъ: *Что у кого болитъ*
Ужъ (!) *тотъ всегда о томъ и говоритъ:*
Рога у всѣхъ тебѣ мерещатся навѣрно...

Вставленную поговорку можно было бы съ успѣхомъ отстранить: она слишкомъ грубо подчеркиваетъ то, на что Арнольфъ позволяетъ себѣ намекнуть лишь въ видѣ догадки. Еще грубѣе оно выходитъ въ 8-й сценѣ, IV-го дѣйствія: Кризальдъ, явив-

---

[1]) Такимъ, по крайней мѣрѣ, желалъ его выставить самъ Мольеръ. Ср. въ Crit. de l'Ec. des f., sc. VII. Lysidas: Ce monsieur de la Souche... qu'on nous fait un homme d'esprit et qui parait si sérieux en tant d'endroits» и т. д.

[2]) Il est vrai, notre ami, *peut-être* que chez vous
Vous trouvez des sujets de craindre pour chez nous
Et votre front, je crois, veut que du mariage
Les cornes soient partout l'infaillible apanage.

шись по приглашенію на ужинъ къ Арнольфу, застаетъ его разстроеннымъ и озабоченнымъ. Онъ спрашиваетъ его съ легкой ироніей, не случилось ли какой-либо бѣды въ его сердечныхъ дѣлахъ? Арнольфъ отвѣчаетъ: «Что бы со мной ни случилось, за мной всетаки останется преимущество не походить на *нѣкоторыхъ* лицъ, которые снисходительно переносятъ сообщество волокитъ»[1]). У г. Лихачева:

Тамъ что́ бы ни было со мной,
Я при своемъ всегда останусь
И не примкну къ мужьямъ — *за правду не взыщи* —
Которыхъ разные *хлыщи (!)*
Спокойно водятъ за носъ.

Это — «за правду не взыщи» — уже переходитъ границы приличія и не соотвѣтствуетъ косвенному намеку (à de certaines gens), который Арнольфъ позволяетъ себѣ по адресу Кризальда. Было бы слишкомъ неправдоподобнымъ, чтобы Кризальдъ, выслушавъ дерзость, продолжалъ какъ бы ни въ чемъ не бывало: «Ну, оставимъ любимаго конька и т. д.».

Неправильно передано (въ концѣ 1-й сц. I-го дѣйств.) кичливое и пренебрежительное замѣчаніе Арнольфа по отношенію къ Кризальду: «Онъ кое въ чемъ, бѣдняга, былъ задѣтъ..., замѣчаетъ Арнольфъ по окончаніи разговора; и далѣе свысока: «Престранное это дѣло, съ какимъ жаромъ *всякій* носится со своимъ мнѣніемъ»[2]). Г. Лихачевъ переводитъ:

Обидѣлся какъ будто... вотъ чудакъ!
Хотя ужь надобно признаться,
Въ сужденіяхъ своихъ *мы всѣ упорны*.

---

[1]) Quoi qu'il m'arrive, au moins aurai je l'avantage
De ne pas ressembler *à de certaines gens*
Qui souffrent doucement l'approche des galants.

[2]) Il est un peu blessé sur certaines matières...
Chose étrange de voir comme avec passion
Un chacun est chaussé de son opinion!

Смыслъ не тотъ: очевидно, что подъ «un chacun» Арнольфъ отнюдь не подразумѣвалъ себя и его замѣчаніе свысока цѣликомъ относилось къ Кризальду.

Арнольфъ наказанъ за свою заносчивость, но г. Лихачевъ опять таки стушевалъ тѣ фразы, въ которыхъ проглядываетъ это самоосужденіе типа. Мольеръ, заставивъ своего героя безумно влюбиться въ ту дѣвушку, на которой онъ сперва хотѣлъ жениться просто по разсудку [1]), въ тоже время заставляетъ его позавидовать стойкости тѣхъ мужей, надъ которыми онъ прежде столь зло издѣвался. Такъ, въ послѣднемъ монологѣ III го дѣйствія Арнольфъ до такой степени охваченъ страстью къ Агнесѣ, что почти готовъ согласиться на позорное, по его мнѣнію, положеніе обманутаго мужа, лишь бы обладать тою, которая, увы, не чувствуетъ къ нему ни малѣйшаго влеченія. «Если ужъ предначертано судьбой, восклицаетъ онъ, что мнѣ нельзя избѣжать напасти, то покрайней мѣрѣ даруй мнѣ, о небо, въ несчастіи *ту стойность, которую я встрѣчалъ у нѣкоторыхъ людей!*» [2]). Г. Лихачевъ измѣнилъ смыслъ послѣдней фразы и переводитъ это мѣсто такъ:

О Господи! помилуй отъ напасти!
А если ужь ее не избѣжать,
Даруй мнѣ разума и власти
Недугъ души моей попрать!

Недугъ души моей, т. е. роковую страсть къ недостойной дѣвчонкѣ? Но такимъ образомъ смыслъ переиначенъ и Арнольфъ не терпитъ наказанія за свою прежнюю кичливость. Между тѣмъ

---

[1]) Puisque pour un choix j'ai tant philosophé,
Faut-il de ses appas m'être si fort coiffé!

[2]) Ciel, faites que mon front soit exempt de disgrace,
Ou bien, s'il est écrit qu'il faille que j'y passe,
Donnez-moi tout au moins, pour de tels accidents,
La constance qu'on voit à de certaines gens!

въ IV-мъ дѣйств., сцена 7-ая, онъ снова съ горечью восклицаетъ:

De tant d'autres maris j'aurais quitté la trace,
Pour me trouver après dans la même disgrace?

Тутъ уже снова задоръ его охватываетъ и онъ храбрится, что пересилитъ злую судьбу, хотя бы и пришлось помириться ему на весьма незавидномъ компромиссѣ:

Si son coeur m'est volé par ce blondin funeste,
J'empêcherai du moins qu'on s'empare du reste.

Эти мѣста вѣрно переданы г. Лихачевымъ [1]), но мы пожелали бы, чтобы онъ воспроизвелъ и первый возгласъ отчаянія растерявшагося злоязычника, который завидуетъ тѣмъ, надъ кѣми онъ издѣвался. Настаивая на точной передачѣ указанной фразы, мы думаемъ, что она имѣетъ существенное значеніе въ пьесѣ—завершая характеристику типа Арнольфа, и выражая тотъ моральный смыслъ, который авторъ желалъ придать своей комедіи.

Еще одно замѣчаніе по отношенію къ личности Арнольфа: въ характеристикѣ ученыхъ женъ, дѣлаемой этимъ противникомъ женскаго образованія, г. Лихачевъ передаетъ слова: «doux écrits» и «clartés» несоотвѣтствующими выраженіями—«всякій вздоръ» и «дребедень» [2]). Это неправильно. Арнольфъ вовсе не считаетъ просвѣщеніе и литературныя занятія—«вздоромъ»—сами по себѣ,

---

[1]) Я уклонялся съ содроганьемъ
Отъ пагубной стези обманутыхъ мужей.
И вотъ, съ разбитымъ упованьемъ,
Теперь я самъ стою на ней... и т. д.

[2]) ... qui de prose et de vers ferait *de doux écrits*...
...строчила-бъ *всякій вздоръ* и прозой и стихами...
Je prétends que la mienne *en clartés peu sublime*
...о рифмахъ тамъ *и прочей дребедени*
понятія чтобъ не было у ней.

но, имѣя особый взглядъ на супружескую жизнь, и какъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, онъ боится попасть въ ложное положеніе мужа знаменитости (Sous le nom de mari de madame je serais comme un saint que pas un ne reclame!). Мы предпочли бы болѣе точный переводъ—doux écrits: *посланія*, clartés: *просвѣщеніе*.

Мы остановились съ нѣкоторой подробностью на тѣхъ мѣстахъ роли Арнольфа, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, требовалось отъ переводчика особая осмотрительность, такъ какъ отъ нихъ зависитъ освѣщеніе всей личности. Теперь мы позволимъ себѣ рядъ замѣчаній детальныхъ: не придаемъ имъ особаго значенія, но считаемъ небезполезнымъ указать, что всякое отступленіе отъ точной передачи смысла оригинала (именно смысла, а не буквальной передачи содержанія) невыгодно отражается на переводѣ. Хотя Мольеръ былъ и весьма далекъ отъ мысли, что въ его произведеніяхъ «chaque mot a son prix», но на самомъ дѣлѣ—всякое замѣчаніе у него обдумано, всякая мысль рельефно выражена и отъ стиха его ни прибавить, ни убавить...

Нижеслѣдующія замѣчанія излагаемъ въ простой послѣдовательности текста, такъ какъ они не поддаются группировкѣ:

Дѣйств. I, сц. 1. Арнольфъ пускается въ характеристику обманутыхъ мужей: «одинъ изъ нихъ обманутъ по невѣденію и платится состояніемъ, которое его жена прокучиваетъ со своими возлюбленными. Другой *посчастливѣе* (въ этомъ отношеніи), продолжаетъ онъ, *но не менѣе опозоренный*, видитъ, что каждый день дѣлаютъ подарки его супругѣ, но *никакая ревнивая забота его не тревожитъ*, потому-что жена увѣрила его, что ее одариваютъ за ея добродѣтель!»[1]) г. Лихачевъ переводитъ:

---

1) L'autre un peu plus heureux, mais non pas moins infâme,
Voit faire tous les jours des présents à sa femme,
Et d'aucun soin jaloux n'a l'esprit combattu,
Parce qu'elle lui dit que c'est pour sa vertu!

Другой — *такая же безсовѣстная дрянь* — (почему: такая же? первый мужъ только несчастный человѣкъ и опозоренный не завѣдомо, какъ второй).

Хоть видитъ каждый день подарки у супруги,
Но отъ того ни мало не въ испугѣ (очень неловко передано столь удачное выраженіе Мольера: d'aucun soin jaloux n'a l'esprit combattu).
Вѣдь это все не болѣе какъ дань
Достоинствамъ его возлюбленной подруги? (Чье это толкованіе: обманутаго мужа или самого Арнольфа? Но вѣдь, по смыслу оригинала, это должно было быть завѣреніемъ самой жены и, конечно, въ этомъ тонкая комическая черта).

Арнольфъ продолжаетъ:

Одинъ шумитъ—и что за прокъ?
Другой на все глаза закрылъ благоразумно.
И чуть любовникъ на порогъ,
За шапку да и вонъ—*смирнехонько, безшумно.*

(Въ текстѣ: «prend fort honnêtement ses gants et son manteau». *Honnêtement* означаетъ — спокойно, добропорядочнымъ образомъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало. А «смирнехонько, безшумно» придаетъ особый оттѣнокъ, не подходящій къ смыслу фразы, какъ будто супругъ уже больше не хозяинъ у себя въ домѣ. Онъ только вѣжливо уступаетъ свои права...)

Тамъ же. — Кризальдъ: За то ужь, если мнѣ бѣду узнать придется,
Увѣренъ я, что громко надо мной
Никто въ тотъ мигъ не посмѣется:
Того гляди, добрякъ иной,
Хоть и своей тревогой занятъ,
Еще жалѣть пожалуй станетъ!

(Вставка: «хоть и своей тревогой занятъ» совершенно излишняя. Въ оригиналѣ сказано только: j'aurai cet avantage que quelques bonnes gens diront que c'est dommage. «А свои тревоги» тутъ ровно ни при чемъ).

Дѣйств. II, сц. 1. Арнольфъ: Такъ чье же имя пострадаетъ,
Коли *свихнется* вдругъ она?

(По смыслу оригинала Арнольфъ предполагаетъ фактъ уже совершившимся, а не только возможнымъ въ будущемъ: «Elle n'a *pu* faillir sans me couvrir de honte!» Отсюда бо́льшая интенсивность его страховъ).

Тамъ же, сц. 2. Жоржетта: Сдается мнѣ, вы съѣсть меня хотите!

(*Сдается* неудобно въ восклицаніи вмѣсто: «не ѣшьте меня, сударь!» — «Hé, ne me mangez pas, monsieur, je vous conjure»).

Тамъ же, сц. 3. Жоржетта: Я поняла.

(Лучше бы: я *это* понимаю: «oui, je comprends *cela*», такъ какъ Алэнъ не кончилъ еще своего разъясненія о ревности и понятливость Жоржетты относится *только* къ разсказу о похлебкѣ).

Дѣйств. III, сц. 2, во 2-мъ правилѣ супружества:

Долой всѣ эти умыванья. (Это лишнее: Арнольфъ вовсе не имѣетъ въ виду запретить своей женѣ умываться! Онъ возстаетъ только противъ косметиковъ и «ces études d'oeillades», чего, между прочимъ, г. Лихачевъ не перевелъ).

въ 3-мъ правилѣ:

Итти по улицѣ женѣ
Приличнѣе всего не поднимая взгляда:
Чтобъ мужу нравиться вполнѣ,
Другимъ ей нравиться не надо.

(Опущено важное требованіе, чтобы жена закрывалась головнымъ уборомъ (sous sa coiffe en sortant etc.): тогда дѣйствительно другимъ трудно разглядѣть ее).

Тамъ же, сц. 3. Арнольфъ: Вотъ *нашъ* порокъ: чуть намъ въ любви везетъ,
О ней мы всюду раструбимъ и т. д.

(Не лучше ли было бы сохранить столь характерное даже въ оригиналѣ, не *насъ*, а *французовъ:* «Voilà de nos *Français* l'ordinaire défaut: dans la possession d'une bonne fortune le secret est toujours ce qui les importune». А то не совсѣмъ понятно, къ кому относится «нашъ порокъ»?).

Дѣйств. IV, сц. 4. Нотаріусъ: Что ежели съ ума онъ не сошелъ. Такъ онъ чурбанъ, дуракъ, оселъ...

(Не слишкомъ ли много эпитетовъ для передачи: un fou fieffé?).

Дѣйств. V, сц. 1. Арнольфъ:

Я вамъ сказалъ: бить по спинѣ,
А вы ему башку, *пожалуй*, проломили.

(Не *пожалуй*, а *взаправду*, такъ какъ Арнольфъ вслѣдъ за симъ спрашиваетъ—какъ быть съ *покойникомъ*).

Тамъ же, сц. 5. Арнольфъ: *Ну, да.* Но на тебѣ вѣдь я хотѣлъ жениться.
И это знала ты.
Агнеса: *Ну, да.*

(Повтореніе двухъ «ну, да» очень ужь некрасиво).

Тамъ же. Агнеса: Онъ въ бракѣ мнѣ сулилъ такъ много наслажденій,
Что бракъ-*то* у меня изъ головы не-йдетъ.

(Не лучше ли бы вмѣсто: бракъ-*то*, что бракъ *все* у меня изъ головы нейдетъ?).

Послѣднія замѣчанія наши уже нѣсколько придирчиваго характера, но мы позволили себѣ ихъ высказать потому, что имѣемъ дѣло съ недюжиннымъ переводчикомъ, къ которому позволительно отнестись съ нѣкоторою строгостью. Достоинства перевода и его несомнѣнныя преимущества передъ переводомъ г. Минаева уже были нами указаны. Можно сказать, что мѣстами переводъ г. Лихачева идетъ *почти* вровень съ оригиналомъ. Но къ сожалѣнію онъ исполненъ очень неровно и мы отмѣтили нѣсколько существенныхъ, на нашъ взглядъ, недосмотровъ и даже промаховъ. Отстранивъ ихъ, г. Лихачевъ обогатилъ бы нашу переводную литературу произведеніемъ, которое во многихъ отношеніяхъ могло бы считаться образцовымъ.

Въ виду вышеизложеннаго считаемъ переводъ г-на Лихачева заслуживающимъ половинной преміи имени Пушкина.

IV.

Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина. Спб. 1889, два тома. Разборъ Алексѣя Николаевича Веселовскаго.

Типъ образцоваго изданія полнаго собранія сочиненій классическаго автора достаточно выработанъ въ настоящее время. И западно-европейскія литературы, и наша отечественная словесность располагаютъ уже значительнымъ числомъ подобныхъ изданій, и для того, кому пришлось бы выступить на проложенномъ ими пути, намѣчены основные пріемы, даны опредѣленныя нормы. Цѣлесообразность ихъ доказана на дѣлѣ. Усвоить ихъ не

значитъ поступиться самостоятельностью и слѣпо подражать. Новый трудъ, возведенный на подобной почвѣ, можетъ только выиграть въ полнотѣ, ясности и научномъ значеніи.

Механическое сопоставленіе всего, что написано было извѣстнымъ авторомъ, не можетъ уже никого удовлетворить. Связь творчества съ личною жизнью должна быть раскрыта. Разнообразныя движенія современной мысли, и мѣсто, занимаемое писателемъ среди нихъ, должны быть ясно опредѣлены. Біографія, являющаяся въ то же время характеристикой времени и общества, становится поэтому неотъемлемою частью подобнаго изданія; только она можетъ помочь читателю сознательно подойти къ изученію отдѣльныхъ произведеній писателя, вложившаго въ нихъ свою душу. Комментарій, даже самый обстоятельный, въ состояніи исполнить лишь часть этой задачи. Отъ набора сжатыхъ хронологическихъ свѣдѣній, отмѣчающихъ, гдѣ и когда жилъ человѣкъ, и въ какое время появились его произведенія, также многаго ожидать нельзя.

Переходя отъ біографическаго очерка къ изданію самихъ памятниковъ, опытный редакторъ собранія сочиненій вноситъ въ него лишь то, что можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ присвоено писателю; проводитъ опредѣленную грань между литературными произведеніями и безцвѣтными дѣловыми письмами и документами, которыхъ такъ много въ жизни каждаго общественнаго дѣятеля. Онъ изучаетъ рукописи, которыми ему предстоитъ пользоваться, и описываетъ ихъ. Сводя варіанты прежнихъ изданій, онъ избѣгаетъ излишества разночтеній тамъ, гдѣ они представляютъ собою лишь балластъ или очевидно вызваны порчею текста. Онъ скупъ на примѣчанія въ мѣстахъ, слишкомъ понятныхъ, но не пройдетъ мимо малѣйшей неясности, раскроетъ даже намекъ и бѣглое указаніе. По возможности онъ приводитъ вполнѣ источникъ, откуда черпалъ авторъ. Если указатели и приложенія всякаго рода дополняютъ такое изданіе, оно дѣйствительно заслуживаетъ почетнаго названія «полнаго собранія сочиненій» и пріобрѣтаетъ научное значеніе.

Для одного изъ выдающихся нашихъ писателей выполнено изданіе, поставившее себѣ подобныя цѣли. До пятидесяти разъ печаталось отдѣльно «Горе отъ ума», но немногочисленныя вообще, сочиненія Грибоѣдова чрезвычайно рѣдко собирались и выпускались въ свѣтъ. Изданія Серчевскаго (1858), «Русской Библіотеки» (1875 и 1878), Шамова (1886), и два берлинскихъ изданія исчерпываютъ собою все, чѣмъ можно было до сихъ поръ располагать въ этомъ отношеніи. Два тома, изданные г. Шляпкинымъ и (на Руси) впервые украшенные титуломъ «полнаго собранія» грибоѣдовскихъ сочиненій, производятъ на первый взглядъ благопріятное впечатлѣніе. Число произведеній сатирика умножено здѣсь двумя драматическими пьесами, нѣсколькими стихотвореніями, прозаическими статьями и письмами. Примѣчанія, обширный указатель литературы о Грибоѣдовѣ, особый указатель собственныхъ именъ и непонятныхъ словъ, алфавиты къ этимъ указателямъ, нѣсколько портретовъ, факсимиле почерка, музыкальное приложеніе, — все это доводитъ полноту собранія даже до роскоши.

Очевидно, издатель знакомъ съ тѣми требованіями, которыя наше время предъявляетъ къ предпріятіямъ подобнаго рода, и старался осуществить ихъ на дѣлѣ. Въ какой мѣрѣ удалось ему это?

Первый томъ открывается, вмѣсто біографіи, «хронологическою канвою». Причиною такой замѣны выставлено желаніе дать «ключъ для безпристрастнаго научнаго изученія и оцѣнки Грибоѣдова, о которомъ большинство руководится временной и односторонней критикой той или другой партіи».

Осторожность слишкомъ далеко увлекла новаго издателя. Еслибъ, не заявляя притязаній сказать послѣднее слово о Грибоѣдовѣ и воздерживаясь отъ окраски предпринятой характеристики въ цвѣта «той или другой партіи», онъ пересказалъ, опираясь на надежные матеріалы (на скудость ихъ, повидимому, нѣтъ основанія жаловаться!), жизнь и дѣятельность автора «Горе отъ ума», показавъ ихъ такими, какія онѣ были въ дѣйствительности, фактическая основа разсказа достаточно убѣдила бы чита-

теля; не пришлось бы открывать ему глаза и слишкомъ многое пояснять. Быть можетъ, не такъ трудно было бы соблюсти при этомъ и безпристрастіе, и научную трезвость.

Безконечно труднѣе достигнуть этой цѣли при помощи одной только хронологической канвы, назначенной служить ключемъ и подспорьемъ. Составитель самъ почувствовалъ это. «Канва» обросла вставками, иногда весьма обширными, въ которыхъ перепечатаны выдержки изъ статей, воспоминаній о Грибоѣдовѣ и т. д. Но, такъ какъ онѣ взяты, ради безпристрастія, отовсюду, на каждомъ шагу обнаруживаются противорѣчія.

На разстояніи нѣсколькихъ страницъ приведена сдѣланная А. Бестужевымъ прекрасная характеристика Грибоѣдова, какъ прямодушнаго и горячаго защитника правды, — затѣмъ отзывъ Завалишина, изображающій его повѣсой, волокитой и намекающій со словъ Каховскаго на противорѣчіе между его дѣйствіями и либеральными убѣжденіями, высказывавшимися имъ, — мнѣніе Дениса Давыдова о немъ, «какъ человѣкѣ безполезномъ для службы, неблагодарномъ, честолюбивомъ и самолюбивомъ, — проникнутые недоброжелательствомъ отзывы Муравьева-Карсскаго, — и характеристика, принадлежащая Ксенофонту Полевому, сходящаяся со взглядомъ Бестужева. Въ довершеніе всего, въ примѣчаніяхъ высказана мысль, что «отношенія Бестужева къ Грибоѣдову, несмотря на состоявшееся примиреніе, были лицемѣрны». Составить себѣ опредѣленное понятіе о Грибоѣдовѣ по этимъ противорѣчивымъ даннымъ, очевидно, невозможно. Редакторъ изданія иногда хочетъ хоть издали показать руководящую нить и, опираясь напримѣръ на свидѣтельства Булгарина и Полевого, выставляетъ въ Грибоѣдовѣ на первый планъ любовь къ народу, *религіозность*, свойство «русскаго человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова», — но въ «указателѣ» приводитъ выдержки изъ записокъ П. Каратыгина, называющаго Грибоѣдова «большимъ вольнодумцемъ», любившимъ «подтрунивать надъ религіозными убѣжденіями Шаховского». На чьей же сторонѣ истина?

Такимъ же сопоставленіемъ взаимно уничтожающихъ одно другое показаній «канва» не разъясняетъ, а запутываетъ вопросъ о зарожденіи *Горя отъ ума*, — одномъ изъ главныхъ фактовъ въ писательской дѣятельности Грибоѣдова. Въ то время, какъ возникновеніе перваго замысла чуть не въ студенческіе годы автора, и во всякомъ случаѣ существованіе наброска до перваго путешествія въ Персію вошло, повидимому, въ число общепринятыхъ біографическихъ данныхъ, мы находимъ *рядомъ* (стран. XII и XIII) подъ 1819 годомъ свѣдѣніе, что въ концѣ ноября, проѣздомъ въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ читалъ князю Бебутову «много своихъ стиховъ, въ томъ числѣ и изъ комедіи *Горе отъ ума*, которая была еще только набросана», а подъ 1821 г. устарѣвшій и давно отброшенный разсказъ Булгарина (надъ которымъ, очевидно, подшутилъ Грибоѣдовъ) о томъ, какъ будущій сатирикъ увидѣлъ планъ комедіи *во снѣ*, лежа въ кіоскѣ (въ Персіи), и, пробудившись, набросалъ этотъ планъ и тутъ же сочинилъ нѣсколько сценъ перваго акта.

Мѣстами канва скупа на подробности, что́, конечно, еще болѣе умаляетъ пригодность ея, какъ замѣны біографическаго очерка или хотя бы руководства къ изученію писателя. Такъ за время жизни Грибоѣдова въ Тегеранѣ въ послѣдній его пріѣздъ туда не установлено ни одной даты, — и, стало быть, читатель совсѣмъ не подготовленъ къ страшному событію 30 января 1829 года. Есть полосы, когда мѣстопребываніе Грибоѣдова совершенно не выяснено (наприм. съ 1 іюня 1823 по январь 1824 года). Не приведены даты, указываемыя самимъ сатирикомъ, наприм. время перваго пріѣзда въ Тегеранъ, 4 марта 1819 г., окончанія «Лубочнаго театра» (16 окт. 1817 года, а не 15-го; см. I томъ полн. собр. соч., 161 стр.). Иногда (именно три раза) вмѣсто точныхъ данныхъ находимъ оговорки ошибокъ, вкравшихся въ настоящее изданіе (наприм. «1820 г., декабрь 18. Подъ этимъ числомъ у насъ ошибочно помѣщено письмо, относящееся къ 1825 году»).

Съ другой стороны мѣстами поражаетъ изобиліе мелочей.

Когда онѣ касаются Грибоѣдова, на это еще нельзя сѣтовать. Щедрые дары распредѣлены, однако, вообще очень неправильно. Иногда канва нетолько отмѣчаетъ, что 8 іюня 1819 г. Грибоѣдовъ читалъ Томаса Мура, но и что 4 іюля 1828 г. въ Ананурѣ «онъ отъ блохъ спалъ въ коляскѣ», или что 2 іюля того же года «онъ заплатилъ отъ Владикавказа до Тифлиса 90 рублей», поясняя, что это по тогдашнему не дорого. Но стремленіе къ обстоятельности переполняетъ канву совершенно посторонними подробностями. Такъ мы узнаемъ день смерти купца Кастелло, пріѣзда въ Тифлисъ капитана измайловскаго полка Муханова, происшествія съ командиромъ кубанскаго полка, «застрявшимъ въ горной щели, откуда его вытаскивали».

Преслѣдуя одновременно двѣ цѣли, — установленіе извѣстнаго количества точныхъ хронологическихъ цифръ и составленіе «ключа» къ пониманію Грибоѣдова, г. Шляпкинъ долженъ былъ на дѣлѣ убѣдиться, что и при помощи введенныхъ въ канву перепечатокъ воспоминаній о писателѣ вторая цѣль не достигается, и потому отнесъ различныя поясненія чисто біографическаго характера въ «примѣчанія», «указатели» и т. д. Встрѣчая много разъ имя Жандра и его подруги, г-жи Миклашевичъ, читатель лишь въ указателѣ собственныхъ именъ къ I тому найдетъ подъ соотвѣтствующими буквами не только обычныя краткія свѣдѣнія, но и подробныя, любопытныя данныя, извлеченныя изъ разсказовъ вдовы Жандра и впервые напечатанныя. Тамъ же онъ неожиданно найдетъ подробности о Кюхельбекерѣ, г-жѣ Ахвердовой, Александрѣ Грибовѣ (молочномъ братѣ писателя) и т. д. Въ какой степени удобно разыскивать матеріалы для біографіи, разнесенные по различнымъ отдѣламъ, то въ началѣ, то въ концѣ тома, легко себѣ представить.

Благодаря этому своеобразному пріему, нѣкоторыя стороны дѣятельности Грибоѣдова, требовавшія хоть скромнаго освѣщенія, такъ и остались неразъясненными. Приведемъ характеристическій примѣръ. Канва сообщаетъ, что въ 1816 году, около 7—8 іюля, Грибоѣдовъ послалъ издателю «Сына Отечества»

статью, защищавшую катенинскій вольный переводъ Бюргеровой баллады «Ленора» отъ строгаго разбора Гнѣдича. Гдѣ искать объясненія этого любопытнаго факта? Канва сдѣлала свое дѣло, и больше не прибавитъ ни слова; примѣчанія даютъ выдержку изъ статьи Пушкина, перепечатываютъ разборъ Гнѣдича и все стихотвореніе Катенина, но никакихъ разъясненій не сообщаютъ. Между тѣмъ тутъ самъ собой ставится одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для вѣрнаго пониманія дѣятельности Грибоѣдова, и указанный частный примѣръ находится въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, столь же сложныхъ явленій. Дѣйствительно, должно показаться страннымъ, что *классикъ* Катенинъ переводитъ *романтическую* балладу; воспитанный подобно ему на псевдо-классическихъ образцахъ и способный даже гораздо позже передѣлывать трагедію Кребильона, Грибоѣдовъ отстаиваетъ *романтическія* вольности своего друга отъ *Жуковскаго* и его сторонниковъ, но самъ же въ комедіи *Студентъ* осмѣиваетъ романтиковъ... Возникъ ли споръ на основѣ личной непріязни или вызванъ онъ разногласіемъ въ литературныхъ взглядахъ? Какіе же взгляды были свойственны Грибоѣдову, у котораго приходится отмѣчать то сочетаніе классическихъ отголосковъ съ симпатіями къ романтизму, то любовь къ старинѣ, чуть не тяготѣніе къ *Бесѣдѣ*, то пониманіе запросовъ новаго времени и близость къ декабристамъ? Классикъ онъ, романтикъ, или совсѣмъ независимый дѣятель?

Нигдѣ не находимъ ни отвѣта на эти вопросы, ни даже подобія «ключа» къ ихъ разрѣшенію. То, что оброненo мимоходомъ въ различныхъ справочныхъ пособіяхъ при настоящемъ изданіи, слишкомъ скудно. Можно встрѣтить напр. упоминаніе о *первомъ* періодѣ писательской дѣятельности Грибоѣдова, или о позднѣйшемъ «поворотѣ къ національнымъ темамъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе, что въ пору созданія «Студента» Грибоѣдовъ былъ «самъ романтикъ, хотя реальный и на *народной* почвѣ», — объясненіе, какъ будто показывающее, что въ *поворотѣ* къ народ-

нымъ темамъ не было вовсе надобности. Изъ этихъ отрывочныхъ намековъ невозможно извлечь ничего цѣльнаго.

Къ такимъ существеннымъ неудобствамъ привели редактора новаго собранія сочиненій осторожность и пугливое нежеланіе высказаться. Но, очевидно, выдержать полную безличность и безстрастность было для него очень трудно, и, несмотря на принятую имъ на себя роль простого референта, г. Шляпкинъ все же при случаѣ, хоть и неумышленно, даетъ разгадать его собственный взглядъ на Грибоѣдова; онъ выдвигаетъ тогда на первый планъ его національныя симпатіи, любовь къ старинѣ, патріотизмъ, религіозность, свойства *истинно русскаго* человѣка, сочувственно приводитъ пространныя выписки изъ разборовъ О. Ѳ. Миллера и т. д. Если такъ, то не лучше ли было бы смѣлѣе высказать всю свою мысль, достаточно обосновавъ ее, и поставить во главѣ изданія не шаткую рамку жизни писателя, а возможно обстоятельнѣйшую картину этой жизни, и тѣмъ, быть можетъ, пополнить важный пробѣлъ въ исторіи нашей новой литературы?

Отъ оцѣнки біографическихъ пріемовъ новаго издателя грибоѣдовскихъ сочиненій перехожу къ опредѣленію принциповъ, руководившихъ при изданіи самихъ памятниковъ. Замѣченная уже неувѣренность и отсутствіе опредѣленнаго критерія сказывается прежде всего въ шаткости понятія о *литературномъ* характерѣ произведеній, оправдывающемъ ихъ включеніе въ «полное собраніе сочиненій».

Въ жизни Грибоѣдова всегда шли двумя параллельными теченіями дѣятельность поэта и добросовѣстное служеніе чиновника; еслибъ за все время его жизни въ Персіи, въ Тифлисѣ, и при дѣйствующей арміи собрать всѣ донесенія, отношенія, рапорты и реляціи, имъ составленные, и подвергнуть подробному осмотру архивы кавказскаго намѣстничества, тавризскаго консульства и т. д., навѣрно можно было бы обогатить собраніе всѣхъ письменныхъ работъ Грибоѣдова еще однимъ томомъ. Но умѣстна ли вся эта оффиціальная или полу-оффиціальная переписка въ со-

браніи литературныхъ произведеній, остается еще вопросомъ. Г. Шляпкинъ повидимому рѣшаетъ его утвердительно. Онъ печатаетъ «письмо къ издателю Сѣверной Пчелы о взятіи Карса», носящее всѣ признаки казеннаго документа, и самъ же неожиданно оговаривается, что «это едва ли не оффиціальная реляція адъютанта Опермана и тогда она, конечно, не принадлежитъ перу А. С. Г., а просто переписана изъ Тифлисскихъ Губерн. Вѣдомостей». Наряду съ частной перепиской Грибоѣдова онъ помѣщаетъ въ большомъ количествѣ служебныя бумаги, донесенія, посланныя гр. Паскевичу, Нессельроде и друг., и не только тѣ изъ нихъ (какъ наприм. донесеніе Паскевичу отъ 30 іюля 1827 г., съ пересказомъ въ лицахъ свиданія съ Аббасъ-мирзой), въ которыхъ живо отразился своеобразный умъ, наблюдательность и писательскій талантъ, но и рапорты о повседневныхъ мелочахъ, ходатайства за чиновниковъ, переписку о деньгахъ, — словомъ, все то, что могло развѣ послужить матеріаломъ для той главы въ біографіи, гдѣ выступалъ бы Грибоѣдовъ на служебномъ поприщѣ, но что вовсе не заслуживало увѣковѣченія.

Еслибъ часть тѣхъ стараній, которыя употреблены были на подборъ этой дѣловой корреспонденціи, была направлена на обогащеніе интимной переписки Грибоѣдова, вообще необыкновенно ярко освѣщающей его великія дарованія, новыми письмами, настоящее изданіе много бы выиграло. Предстоящее вскорѣ появленіе въ Сборникѣ Общества Любителей Россійской словесности нѣсколькихъ интереснѣйшихъ писемъ Грибоѣдова къ Н. А. Каховскому служитъ новымъ доказательствомъ того, что дѣло собиранія грибоѣдовскихъ произведеній, особенно переписки, далеко не закончено.

Но и обогащеніе списка чисто литературныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ послѣ нашего писателя, не всегда можно назвать удачнымъ. Подпись А. Г., найденная подъ статьей или стихотвореніемъ въ старомъ журналѣ, далеко не служитъ еще указаніемъ на то, что это — работа Грибоѣдова Такъ большое сомнѣніе возбуждаетъ перепечатанный изъ альманаха «Радуга» за 1830 г.

переводъ элегіи Леонара «Les plaisirs du rivage»; несмотря на оговорку издателя, что «по мнѣнію М. Н. Лонгинова и по литературному преданію» переводъ этотъ исполненъ Грибоѣдовымъ, принадлежность его автору *Горя отъ ума* остается вовсе не доказанною. Стоитъ сличить непринужденно льющійся стихъ, почти свободный отъ славянизмовъ, съ любымъ изъ поэтическихъ опытовъ Грибоѣдова, никогда не достигшаго въ лирическомъ слогѣ той несравненной легкости и жизненности, которыми блещетъ его комическій діалогъ.

Подобный же примѣръ сомнительнаго присвоенія Грибоѣдову, быть можетъ, совершенно чуждаго ему произведенія можно привести и изъ круга дѣловыхъ работъ. Это — «Записка о переселеніи армянъ въ наши области». Напечатана она, исключительно основываясь на догадкѣ Берже, который въ свою очередь руководился тѣмъ, что упоминаемый въ запискѣ переводчикъ Дадашевъ состоялъ одно время при Грибоѣдовѣ. Но новый издатель, вѣроятно, не замѣтилъ, что въ концѣ будто бы грибоѣдовской записки стоитъ 1830 г., т. е. слѣдующій годъ послѣ смерти писателя.

Главное приращеніе представляетъ собой напечатанная въ первый разъ комедія «Студентъ», до сихъ поръ извѣстная лишь по пересказу ея содержанія, сдѣланному Л. Н. Майковымъ еще въ 1860 году. Оговорившись, что комедія печатается по единственному, «крайне безграмотному» списку, орѳографію котораго онъ удерживаетъ лишь тамъ, гдѣ она мѣняетъ произношеніе, г. Шляпкинъ, несмотря на то, воспроизводитъ многія изъ ошибокъ рукописи (въ особенности пропуски знаковъ препинанія), какъ будто она принадлежала одному изъ авторовъ пьесы, а не деревенскому писцу. Издатель не имѣлъ данныхъ для опредѣленія того, что именно слѣдуетъ отвести въ комедіи на долю Грибоѣдова и что написано Катенинымъ. Участіе великаго писателя въ борьбѣ съ романтизмомъ и въ усиленномъ нападеніи на Загоскина, уже бывшаго его жертвой въ пародіи «Лубочный театръ», подтверждается такимъ образомъ новымъ документомъ,

но степень этого участія остается невыясненною, — тѣмъ болѣе, что г. Шляпкинъ и не попытался доискаться типическихъ признаковъ грибоѣдовской сатирической манеры въ этой сборной пьесѣ, наприм. въ тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ можно даже найти первообразъ стиховъ и нѣкоторыхъ частностей сюжета «Горя отъ ума».

Нѣсколько лучше обставлено дѣло по отношенію ко второй пьесѣ, также впервые напечатанной въ настоящемъ изданіи, «Кто братъ, кто сестра», написанной въ сотрудничествѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ. Пьеса эта уже достаточно извѣстна была изъ статьи Родиславскаго въ Русск. Вѣстникѣ 1873 года, гдѣ приведены были выдержки изъ нея. Свидѣтельство кн. Вяземскаго о томъ, что въ ней Грибоѣдову принадлежитъ проза, діалогъ, распредѣленіе сценъ, а его сотруднику вся стихотворная часть, разграничиваетъ составные элементы, но оно же называетъ результатъ совмѣстной работы «водевильною стряпней», «не очень оживленной занимательнымъ и веселымъ дѣйствіемъ», и приводитъ доказательство полнаго равнодушія Грибоѣдова къ пьесѣ. Подобно «Пробѣ интермедіи», перепечатанной изъ той же статьи Родиславскаго, она зародилась подъ вліяніемъ закулисныхъ знакомствъ автора, припасавшаго къ бенефисамъ какую ни на есть новинку.

Въ интересахъ полноты предпринятаго собранія сочиненій включеніе въ него подобныхъ слабыхъ произведеній понятно, но при этомъ имъ слѣдовало бы отвести соотвѣтствующее мѣсто въ исторіи грибоѣдовскаго творчества, какъ переходнымъ ступенямъ на пути къ важнѣйшему созданію сатирика. Недостатки и неровности слога должны бы дать матеріалъ для очерка развитія стиля нашего автора, начавшаго съ заурядnаго діалога «Молодыхъ супруговъ» и высокопарныхъ періодовъ своихъ юношескихъ стихотвореній, и пришедшаго къ слогу *Горя отъ ума* и образной рѣчи въ трагедіи «Грузинская ночь». Но этой послѣдовательности развитія издатель нигдѣ не раскрываетъ, располагая только въ хронологическомъ порядкѣ пьесы и стихотво-

ренія. Его какъ будто удивляетъ, что нѣкоторые комментаторы находятъ въ слогѣ и пріемахъ, проявленныхъ въ принадлежащихъ Грибоѣдову пяти сценахъ изъ комедіи «Своя семья или замужняя невѣста» извѣстныя достоинства, звучность стиха, вѣрность характера, — но эти бойкія сцены — несомнѣнно лучшія изъ всего, что написано было Грибоѣдовымъ для театра до *Горя отъ ума*, и непринужденность формы уже предвѣщаютъ близость окончательной выработки типическаго «грибоѣдовскаго» стиха.

Но въ изданіи полнаго собранія сочиненій нашего сатирика на первомъ мѣстѣ по заботливости воспроизведенія текста должно стоять *Горе отъ ума*. Остальные памятники дошли до насъ или въ печатныхъ изданіяхъ, или въ одномъ спискѣ, рѣдко въ двухъ рукописяхъ. Провѣрка текста, сопоставленіе варіантовъ и т. д. являются почти немыслимыми. Задача необыкновенно усложняется по отношенію къ великой комедіи, извѣстной во множествѣ списковъ, имѣющихъ часто свою отдѣльную исторію и характеристическія особенности. Зрѣлость научныхъ пріемовъ издателя нигдѣ не могла быть проявлена въ полной силѣ, кромѣ этой части его труда.

Въ количественномъ отношеніи г. Шляпкинъ располагалъ, на первый взглядъ, весьма многими пособіями для критики текста и выдѣленія варіантовъ, — но при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что онъ предпочиталъ печатныя изданія рукописямъ, что со многими важными списками онъ знакомъ только по чужимъ работамъ надъ ними (въ особенности по изданію Гарусова) и оттуда заимствуетъ многіе варіанты. Самостоятельно же онъ пользовался четырьмя рукописями, изъ которыхъ одна, принадлежавшая Миллеру, 1826 года, обращаетъ на себя вниманіе поправками, не «любопытными», какъ думаетъ издатель, а часто неумѣлыми и очевидно принадлежащими невѣжественному переписчику. Важнѣйшею изъ рукописей, бывшихъ въ распоряженіи г. Шляпкина, естественно является та, что была прежде собственностью Д. А. Смирнова, снявшаго копію съ списка, найденнаго имъ у Бѣгичева. Она дала возможность издателю помѣ-

стить, независимо отъ окончательнаго текста комедіи, снабженнаго варіантами, первоначальную ея редакцію. Это, разумѣется, слѣдуетъ признать немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ. Однако, при этомъ все же возникаютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Г. Шляпкинъ поясняетъ, что въ бѣгичевскомъ спискѣ, съ котораго сдѣлана была Смирновымъ копія, только начало комедіи, сонъ Софьи и нѣсколько сценъ перваго дѣйствія написаны были собственноручно авторомъ, остальное же переписчикомъ. Это уже само по себѣ позволяетъ допустить возможность измѣненій, сдѣланныхъ постороннею рукой и вызванныхъ, можетъ быть, неразборчивостью авторскаго оригинала. Дѣйствительно, трудно напр. повѣрить, чтобъ прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ дипломатъ Грибоѣдовъ могъ вложить въ уста графини-внучки (актъ III, явленіе IX) нескладную и почти лишенную смысла фразу:

Eh, bon soir! Comment vont les rubans, les guirlandes
Toujours le desespoir de ceux, qui vous attendent! [1]).

Не меньшее недоумѣніе вызываетъ различіе нѣкоторыхъ мѣстъ напечатанной нынѣ первоначальной редакціи съ варіантами, приведенными пишущимъ эти строки въ 1874 году въ «Русскомъ Архивѣ» изъ принадлежавшаго Обществу Любителей Россійской словесности сборника рукописныхъ матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, составленнаго тѣмъ же Смирновымъ,—варіантами, взятыми имъ тоже изъ первоначальнаго текста комедіи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Смирновъ опирался на бѣгичевскую рукопись, — откуда же явились разночтенія (замѣтимъ кстати, что ихъ гораздо больше, чѣмъ отмѣчено г. Шляпкинымъ)? Этого вопроса не разъясняетъ новый издатель, и печатаемымъ имъ впервые любопытнымъ варіантамъ трудно и теперь отвести соотвѣтствующее старшинство.

Окончательный текстъ комедіи весьма добросовѣстно обставленъ ссылками на рукописи и печатныя изданія; не пропущены

[1]) Удерживаемъ правописаніе подлинника.

даже измѣненія незначительныхъ словъ, междометій и т. д. «Варіантовъ, знаковъ препинанія, какъ заявляетъ г. Шляпкинъ, не приведено вовсе»; врядъ ли можно назвать этотъ пріемъ осторожнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ перестановка знака (особенно при произнесеніи стиха на сценѣ) отражается и на удареніи, и на оттѣнкѣ мысли («но, по разсчету, по мóему должна родить» или «по разсчету по моемý»? Въ первоначальномъ текстѣ: «вдругъ — глыба, этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ», или «вдругъ—глыба этотъ снѣгъ», т. е. комъ снѣга сталъ уже глыбой»?).

Но и кропотливость при подборѣ варіантовъ должна имѣть предѣлы. Десятки тысячъ списковъ, расходившихся въ былое время по лицу русской земли, представляютъ, конечно, необозримое множество различій, чаще всего порожденныхъ застарѣлою у русскихъ книжниковъ средней руки слабостью мѣнять переписываемое. Въ той канцеляріи, гдѣ служилъ другъ сатирика, Жандръ, всѣ его сослуживцы, до послѣдняго писаря включительно, чуть не обогатились, говорятъ, списывая за деньги съ жандрова экземпляра. То же повторялось всюду, гдѣ случайно появлялся списокъ пьесы. Заносить въ число варіантовъ то, что видимо принадлежитъ этимъ неизвѣстнымъ исказителямъ Грибоѣдова, немыслимо. Это значило бы считаться съ полуграмотностью и прямымъ невѣжествомъ.

Въ настоящемъ изданіи стоятъ вмѣстѣ и существенно важные варіанты, принадлежащіе самому автору, и хранящіе слѣдъ тѣхъ импровизацій и прибавленій, которыя онъ позволялъ себѣ во время публичнаго чтенія комедіи, — и тѣ измѣненія, которыя вызваны были цензурными соображеніями (подготовкой къ представленію пьесы на императорскихъ сценахъ, къ спектаклю въ Тифлисѣ, Ериванѣ и т. д.) и произведены были или самимъ авторомъ или позднѣйшими блюстителями литературы и сцены, — наконецъ тутъ же встрѣчаемъ разночтенія, единственно обязанныя своимъ происхожденіемъ переписчику — кантонисту или, что

бывало еще хуже, его малообразованному командиру, позволявшему себѣ вставлять даже иностранныя слова.

Мы узнаёмъ, что въ двухъ спискахъ Фамусовъ говоритъ: «я помѣшалъ, я испужалъ»; Лиза находитъ, что Чацкій лечился «не отъ болѣзни, чай, отъ скуки — *побольше*». По миллеровской рукописи, въ характеристикѣ вельможи слѣдуетъ читать «важны! Вдругъ взглянулъ, разшаркался, тупеемъ не кивнулъ»; по смирновской слѣдуетъ замѣнить слова Чацкаго: «Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ» безсмысленною фразой: «нѣтъ, нынче дурно для дворовъ»; по ефремовской Чацкій вспоминаетъ о прежней своей страсти къ мундиру, говоря: «я самъ къ нему давно-ль отъ *дивности* отрекся?» По изданію кн. Эристова читаемъ: «*парнишка* онъ, картежникъ, воръ». Есть стихи, почему-то особенно обильные варіантами, всецѣло воспроизводимыми издателемъ. Такъ въ словахъ Натальи Дмитріевны:

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, *душечка*, *что смотришь* такъ уныло?

разнообразные переписчики замѣняли три подчеркнутыхъ слова слѣдующимъ образомъ: «душечка, попошь», «душечка Платонъ», «душечка по комъ?», «душечка Платошъ». Тамъ, гдѣ встрѣчались иностранныя слова, дѣло было еще хуже. Если ефремовская рукопись замѣняетъ слово «*тюрлюрлю* атласный» словомъ «тюрмарло», то это просто копія съ неразобранной диковинки. Но вотъ начало итальянской аріи, которую напѣваетъ Воркуловъ Евдокимъ. Пяти невиннымъ итальянскимъ словамъ этимъ вообще не посчастливилось. Изъ «ah, non lasciar mi, no, no, no» одинъ переписчикъ сдѣлалъ «Ліонъ, лишьяръ ми», другой «Анонъ ми», третій «А нонъ лапоръ ми», наконецъ четвертый (рукопись Жандра) замѣнилъ непонятный итальянизмъ болѣе знакомой фразой «Allons, mon cher ami!»

Внесеніе всего этого балласта подъ видомъ варіантовъ въ новое изданіе естественно должно, на первый взглядъ, ослабить значеніе остальныхъ разночтеній, между которыми есть немало

заслуживающихъ вниманія. Издатель старательно подбиралъ ихъ; иногда даже, по непонятной причинѣ, онъ отдавалъ предпочтеніе не вполнѣ надежному варіанту передъ общепринятымъ чтеніемъ и вводилъ его въ текстъ. Такъ наприм. въ 1-й сценѣ III акта послѣ заявленія Чацкаго, что онъ не изъ тѣхъ, которымъ цѣль всей жизни смѣхъ, что ему весело, когда онъ встрѣчаетъ смѣшныхъ людей, но что чаще онъ съ ними скучаетъ, Софья (по новому изданію) отвѣчаетъ:

Напрасно: это вы относите къ другимъ.
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Мысль, вложенная авторомъ въ слова Софьи, стала неясна; молодой дѣвушкѣ именно хотѣлось оттѣнить противоположность между ея избранникомъ, и тѣми, кто дѣйствительно можетъ быть и смѣшнымъ и скучнымъ. Шесть списковъ и печатныхъ изданій, указанныхъ въ сноскѣ, даютъ гораздо болѣе правильное чтеніе:

Напрасно это все относится къ другимъ.
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва ли и т. д.

Несмотря на значительную затрату труда, замѣтную при изданіи «Горя отъ ума» въ новомъ собраніи грибоѣдовскихъ сочиненій, исторія текста мало подвинута впередъ. Съ тѣмъ, что, напечатанная теперь вполнѣ, первоначальная редакція «представляетъ цѣнный матеріалъ для изученія психологической исторіи творчества», можно согласиться, но, не говоря уже объ указанномъ выше разногласіи между двумя рукописями, представляющими право на значеніе первоначальнаго источника, соотношеніе этого источника съ послѣдующими списками остается невыясненнымъ. Еслибъ издатель расширилъ вообще пользованіе рукописнымъ матеріаломъ (рецензенты уже указали ему на тѣ пособія, которыя могла бы дать въ этомъ отношеніи Публичная Библіотека и другія книгохранилища), еслибъ онъ не поскупился на

описаніе рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи, и попытался установить хоть нѣкоторую генеалогію окончательнаго текста, предпринятый имъ сводъ варіантовъ принесъ бы несравненно больше пользы. Но въ примѣчаніяхъ къ пьесѣ не сдѣлано подобной попытки.

Комментарій къ грибоѣдовскимъ произведеніямъ, изъ котораго мы видѣли лишь то, что служило подкрѣпленіемъ хронологической канвы и вмѣстѣ съ нею замѣняло біографію, — чуть ли не самая слабая сторона новаго изданія. Обѣщаніе «дать по мѣрѣ силъ возможно-полный комментарій для читателя, не заставляя его обращаться къ другимъ источникамъ и въ нихъ отыскивать нужныя ему свѣдѣнія», далеко не осуществилось, какъ по отношенію къ массѣ читающей публики, нуждающейся въ обильныхъ объясненіяхъ и примѣчаніяхъ, такъ и по отношенію къ спеціалистамъ. Правда, г. Шляпкинъ добросовѣстно собиралъ примѣчанія своихъ предшественниковъ (наприм. Д. Смирнова, снабдившаго «Черновыя тетради» Грибоѣдова, напечатанныя имъ въ 1859 году въ Русскомъ Словѣ, обстоятельными объясненіями), но прибавилъ къ нимъ весьма не много самостоятельной работы.

Между тѣмъ очень часто вмѣшательство комментатора оказывалось нужнымъ, и къ тому же вовсе не затруднительнымъ. Печатая наприм. записку Грибоѣдова къ редактору Сына Отечества о переводѣ Жандромъ «Семелы» Шиллера, слѣдовало бы сказать, что въ основу положенъ былъ буквальный переводъ шиллеровскаго стихотворенія, исполненный самимъ Грибоѣдовымъ. Сдѣлать эту оговорку не было трудно: стоило только найти въ своемъ же изданіи (томъ I, стр. 162) указаніе на это («я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово»). Помѣщая передѣлку гетевскаго пролога къ *Фаусту*, недостаточно было привести изъ журнальной статьи 1825 года поясненіе, что «А. С. Г. нѣкоторыя мѣста перевелъ слово въ слово, *нѣкоторыя прибавилъ*, *а многое вовсе отбросилъ*», и перепечатать затѣмъ весь Vorspiel auf dem Theater. Хоть нѣсколько

данныхъ для оцѣнки того, *что* именно Грибоѣдовъ измѣнилъ у Гете, какія черты выдвинулъ онъ и развилъ, были бы необходимы; характеристика литературныхъ пріемовъ того времени, когда Грибоѣдовъ исправлялъ Гете, Жандръ — Шиллера, Катенинъ — Бюргера, была бы также кстати. Не говоримъ уже о томъ, что самое заглавіе отрывка, безъ раздумья перепечатанное изъ прежнихъ изданій — «Прологъ Фауста (Die lustige Person)», послѣ чего слѣдуетъ рѣчь не весельчака, а директора театра — нуждалось въ оговоркѣ.

Подобно тому, какъ это сдѣлано было по отношенію къ «канвѣ», примѣчанія иногда расширены посредствомъ прибавленія оправдательныхъ документовъ, перепечатки статей, стихотвореній и т. д., о которыхъ идетъ рѣчь. Пріемъ, заслуживающій похвалы, но примѣняемый недостаточно разборчиво. Такъ воспроизведеніе всей статьи Булгарина «Литературные призраки» изъ журнала 1824 года, въ качествѣ «весьма цѣннаго матеріала для характеристики Грибоѣдова», врядъ ли было необходимо. Вообще излишнее довѣріе къ показаніямъ Булгарина производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Настоящее значеніе издателя Сѣверной Пчелы какъ будто неясно представляется г. Шляпкину. Эпиграммъ и полемическихъ статей Пушкина, протестовъ Гоголя и Бѣлинскаго, стоновъ всей литературы 20—40-хъ годовъ какъ будто не существуетъ. «Объяснительный указатель» очень осторожно упоминаетъ о томъ, что «Булгаринъ особымъ уваженіемъ со стороны литераторовъ не пользовался». Относительно неразлучнаго съ Булгинымъ Греча высказано нѣсколько болѣе опредѣленное мнѣніе; онъ названъ «пристрастнымъ», и, несмотря на это, тутъ же для характеристики декабриста Якубовича взятъ только отзывъ Греча, называющаго его «самымъ коварнымъ, безсовѣстнымъ, подлымъ и звѣрскимъ изъ декабристовъ». Исторія движенія 14-го декабря въ настоящее время настолько разработана, что для характеристики Якубовича, хотя бы невыгодной, можно легко найти другой источникъ кромѣ завѣдомо пристрастнаго. Вообще при пользованіи свидѣтельствами совре-

менниковъ можно бы пожелать больше осмотрительности. Преклонный возрастъ Д. И. Завалишина и значительное отдаленіе отъ событій, описываемыхъ въ его воспоминаніяхъ, должны были бы наприм. побудить къ осторожному пользованію любопытными показаніями его, какъ очевидца.

Справки и объясненія историко-литературнаго характера отличаются сравнительно бо́льшею полнотой, — хотя странно встрѣтить среди нихъ такое поясненіе: «Карамзинъ, непріятель А. С. Г., который имѣлъ, *помнится*, литературное столкновеніе съ нимъ по поводу Исторіи Государства Россійскаго, изъ-за чего А. С. Г. даже приписывали одну изъ эпиграммъ Пушкина», — или упоминаніе о томъ, что Офросимова, считаемая прототипомъ Хлестовой, выведена была въ *одной* изъ комедій графа Растопчина, какъ будто онъ былъ авторомъ многочисленныхъ драматическихъ произведеній (въ данномъ случаѣ примѣчаніе просто перепечатано изъ одного общедоступнаго изданія грибоѣдовскихъ сочиненій, естественно избѣгавшаго подробностей). Объясненія, взятыя изъ области иностранныхъ литературъ, не всегда удачны. Маривó врядъ ли заслуживаетъ названія «*знаменитаго* комическаго писателя, *геніально* изображавшаго мельчайшіе оттѣнки кокетства» и т. д. Догадка редактора, готоваго найти у Грибоѣдова упоминаніе о Меримé, еще менѣе удачна. Она, очевидно, основана на недоразумѣніи, порожденномъ въ свою очередь опечаткой. Находя въ исторіи своей женитьбы романическую необычайность, Грибоѣдовъ пишетъ (письмо изъ Эчміадзина, 17 сентября 1828 г.) г-жѣ Миклашевичъ: «бросьте вашего *Трапёра* и Куперову «*Prairie*» — мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе». Смирновъ (Бесѣды Общ. Любит. Слов., II, стр. 29) прочелъ «Трапёра» (Trappeur); въ изданіи г. Шляпкина читаемъ уже «Троспёра», затѣмъ, въ примѣчаніяхъ, Троспера. «Не Просперъ ли Мериме?» спрашиваетъ г. Шляпкинъ. Весьма сомнительно, потому что при жизни Грибоѣдова Мериме еще не выказалъ своихъ дарованій, какъ романистъ («La chronique de Charles IX» вышла уже въ 1829 г.).

Въ примѣчаніяхъ рѣдко можно встрѣтить объясненія особенностей слога, свойственныхъ литературѣ конца прошлаго и начала девятнадцатаго вѣка. Въ стихотвореніи «Прости, отечество» слѣдовало бы при стихахъ «Насъ цѣпь угрюмыхъ *должностей* опутываетъ неразрывно» раскрыть различіе въ употребленіи слова *должность* прежде и теперь. Славянизмы Грибоѣдова, не привившіеся къ языку, также нуждаются въ объясненіи. Врядъ ли будетъ всѣми понято слѣдующее мѣсто изъ стихотворенія «Давидъ»:

Иноплеменнику не съ ними,
Далече страхъ я отженя,
Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолми своими.

Наконецъ можно было бы пожелать побольше объясненій различныхъ бытовыхъ подробностей, техническихъ словъ и т. д. Если въ примѣчаніяхъ къ *Горю отъ ума* сочтено нужнымъ объяснить, что такое *реверси*, слѣдовало сказать, что *крепсъ* (въ комедіи *Студентъ*) и *макао* (въ *Притворной невѣрности*) такія же игры добраго стараго времени. Только обставивъ печатаемые тексты полнымъ комментаріемъ, сообщающимъ историко-литературныя, біографическія, бытовыя подробности и стилистическія толкованія, можно достигнуть цѣли, намѣченной редакторомъ новаго изданія, — сдѣлать излишними справки въ другихъ источникахъ.

Примѣчанія къ «Горю отъ ума» должны бы, казалось, такъ же выдѣляться изъ общаго состава комментарія, какъ изданіе самого памятника выдѣлилось изъ произведеній нашего писателя. Ожиданія эти не оправдываются на дѣлѣ. Пять страницъ, удѣленныхъ примѣчаніямъ къ великой комедіи, заняты сначала перечисленіемъ пособій при печатаніи текста, а затѣмъ перечнемъ тѣхъ лицъ, которыя въ разное время выставлялись прототипами грибоѣдовскихъ характеровъ. Къ важному вопросу о первооб-

разѣ Чацкаго не прибавлено ни малѣйшаго разъясненія, что и трудно было сдѣлать въ шести строчкахъ, отведенныхъ на это. Сопоставлены только указанія на Чаадаева и на самого Грибоѣдова, причемъ, говоря о предполагаемомъ нѣкоторыми автобіографическомъ значеніи комедіи, комментаторъ видимо отождествляетъ его съ точнымъ воспроизведеніемъ фактовъ жизни. «По свидѣтельству Бѣгичева, въ жизни А. С. ничего подобнаго исторіи Чацкаго съ Софьей не было», объясняетъ г. Шляпкинъ одному изъ біографовъ Грибоѣдова. Но это самое показаніе Бѣгичева и было впервые сообщено изслѣдователемъ, о которомъ идетъ рѣчь, что не мѣшало ему видѣть глубокую близость героя комедіи съ ея авторомъ. Пространныя выдержки, приводимыя въ «канвѣ» самимъ же г. Шляпкинымъ изъ воспоминаній Бестужева, могли бы, казалось, навести его на нѣкоторыя догадки и показать точки соприкосновенія.

Послѣ перечня прототиповъ приведено пять, шесть объясненій такихъ словъ, какъ «куртагъ, карбонарій» и т. д., — и комментарій къ комедіи кончается. Нѣтъ указаній на особенности быта «грибоѣдовской Москвы» и русскаго общества двадцатыхъ годовъ, не отмѣчены архаизмы въ слогѣ («вельможа *въ случаѣ*» и т. п.), литературныя заимствованія («и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ»; «собакѣ дворника, чтобъ ласкова была»; послѣднія слова Чацкаго), не указаны произведенія, несомнѣнно повліявшія на *Горе отъ ума* или сродныя съ нимъ по сюжету. Нельзя не пожалѣть, что заботливость, проявленная въ собираніи варіантовъ, не распространилась и на всестороннее объясненіе самого памятника.

Недостатки и достоинства новаго собранія сочиненій Грибоѣдова, думается, достаточно уже выставлены настоящимъ разборомъ. Оно, конечно, наиболѣе полное изъ всѣхъ донынѣ появившихся. Оно сообщило впервые нѣсколько произведеній великаго писателя и рядъ любопытнѣйшихъ писемъ (въ томъ числѣ послѣднее письмо къ женѣ, изъ коллекціи автографовъ г. Вакселя), снабжено весьма обстоятельнымъ библіографическимъ

указателемъ (составленнымъ, подъ редакціею г. Лисовскаго, гг. Межовымъ, Пономаревымъ, Шляпкинымъ и Саитовымъ), усвоило нѣкоторые пріемы, выработанные на практикѣ образцовыми изданіями подобнаго рода, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ много пробѣловъ и недосмотровъ.

По выслушаніи этой рецензіи комиссія нашла, что изданіе г. Шляпкина, несмотря на указанные въ немъ недостатки, безспорно составляетъ не лишенный достоинствъ вкладъ въ литературу изученія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, и потому опредѣлила, на основаніи § 4 положенія о пушкинскихъ преміяхъ, выразить редактору свое одобреніе почетнымъ отзывомъ.

Академія, въ полной мѣрѣ цѣня трудъ, который приглашенные ею въ настоящемъ случаѣ ученые и литераторы съ такою готовностью приняли на себя и исполнили такъ добросовѣстно, съ такимъ знаніемъ дѣла и талантомъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи публично выразить имъ здѣсь свою живѣйшую благодарность, въ ознаменованіе которой и присудила золотую пушкинскую медаль господамъ: Ѳ. Д. Батюшкову, П. И. Вейнбергу, Алексѣю Ник. Веселовскому, А. И. Кирпичникову и Н. И. Стороженку.